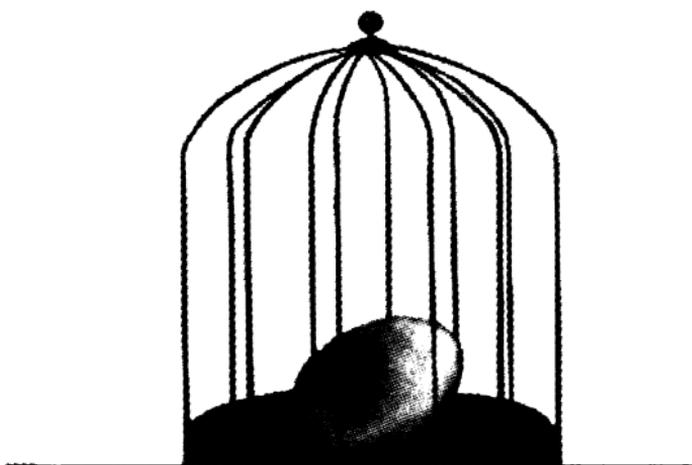

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

НАС УКРАЛИ.
ИСТОРИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

НАС УКРАЛИ.
ИСТОРИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ1

В оформлении обложки использована репродукция картины
Александры Шадринной

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

Издание осуществлено при содействии литературного агентства
Banke, Goumen & Smirnova

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 Нас украли. История преступлений : роман / Людмила Петрушевская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-090046-6

Роман «Нас украли. История преступлений» — это детектив нового поколения. В нем не действуют честные, умные следователи, класс, практически исчезнувший у нас. Это та история, в которой жертвы не хотят расследования, и тому есть причина. А вот что это за причина, читатели сами поймут к концу романа: ведь в каждом из нас сидит следователь, благородный, умный, не берущий взятку, стремящийся к истине и понимающий, что на свете есть такая странная вещь, как любовь.

Ваша Л.С.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090046-6

© Петрушевская Л., текст, 2017
© Шадринна А., иллюстрация, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

1. XXI век.

Отъезд мальчиков

Мать отвезла ребят в аэропорт.
— Так, Сереж, смотри за Осей, чтобы ничего не потерял. Ося, очнись, бери рюкзак. Вот ваши паспорта и билеты. Сразу мне звоните, как прилетите. Каждый день контрольный звонок, утром, как проснетесь, и вечером. Чтобы я не сходила с ума. Сережа, проследи. Каждый из вас отдельно мне звоните. Если не сможете позвонить, мало ли что, я обращаюсь в посольство.

— Мамашо! Может, хватит? В посольство еще. Маленькие, что ли? Что, в первый раз?

— Мы не знаем, к кому вы едете. Ося, ты куда опять?

— На регистрацию. Опаздываем же.

— Сейчас пойдете. Там в очереди я не смогу с вами поговорить.

— А, за нами следят?

— Не исключено.

— Мам! Начинается детектив?

— Оська, нет, это мыльная опера. Пропавшие дети-двойники! Ма, все, мы опаздываем.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Серёж, не шути. Я повторяю, мы не знаем, к кому вы едете.

— К отцу, к кому.

— Ладно. Значит так, вы мне звоните каждый по отдельности, запомнили? Утром и вечером. Контрольное слово на прощанье — цэ.

— Цэ.

— Цэ.

— И никому о нем не говорите.

2. XX век.

Что напишут историки

Бешеные девяностые, изволите ли видеть. Когда в океанах пропадали русские корабли с цветным металлом, застрахованные у Ллойда, когда уходили в офшоры миллиарды, допустим, профсоюзных накоплений — а это проданные учебные заведения, заводы, особняки управленческого аппарата, медсанчасти, санатории, больницы, детские сады, ясли и курсы, затем здания партийных и комсомольских организаций, когда целые дворцы стиля модерн и стиля ампир в Москве, принадлежавшие, по традиции, райкомам и горкомам, были продаваемы за ничто буквально... Когда опустевшие заводы падали в руки скупщиков пустых бумажек, называемых ваучерами. Когда к владельцу миллиардного дела могли прийти с предложением все отдать, а в ответ на категорический отказ тем же летом, в дачный сезон, в во-

дохранилище, где на бережку стояла громадная дача владельца, было запущено двое водолазов. Телохранители жарили шашлыки, поглядывая на хозяина, который пошел сполоснуться от жары. И утонул владелец в секунду. За ножки утянутый.

Ну да ладно, об этом еще напишут историки.

3. XXI век. Приезд в Монтегаско

Два парня с рюкзаками, перешучиваясь, сели в самолет Москва — Монтегаско.

А на дворе уже, между прочим, стояло первое десятилетие двадцать первого века.

Два красавца-брюнета с классическими профилями витязей в тигровой шкуре, по поводу которых профилей патрульные менты в Москве щелкали клювами вслед, но проверять паспорта почему-то не стремились: кому охота нарываться на иностранцев. Макаронники, похоже. Тем более что спины слишком прямые, и хоть плечи как у качков, но ноги длинноваты для люберецких и солнцевских молодых шестерок при банде. И оскал, гля, как на рекламе. Зубы другие. Не наши, короче.

Ну их.

Единственно что: Галя, которая работала в тот день на стойке регистрации в аэропорту Шереметьево-2, посмотревши второй паспорт кряду, что-то заморгала: два подряд одинаковых паспорта у ребят...

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Имя и фамилия полностью совпадают, даже дата рождения один в один. Близнецы? Но имена же тоже одинаковые. Так не бывает в реале! И чё теперь делать?

Да ладно. Не твоя была компетентция, компен... тенция, скажут в особом отделе, зря подняла хипеж, задержка самолета влетит тебе в увольнение по статье. Фотографии-то разные. Непохожи парни.

Так что ребята беспрепятственно сели в самолет, провели в нем положенное время и вышли в зарубежном аэропорту Монтегаско.

Где стоял и ждал их в ряду встречающих водитель дядя Коля с бумажкой «Серцов Сергей».

К нему подошли два парня кавказской национальности.

Они подошли, надсмеиваясь над кем-то, тихо так друг другу. Он понял. Увидели его. Замолчали.

— Вы ждете Сергея Сергеевича Серцова? — так спросил один.

Второй опять заржал.

— Вот мы и есть он, — опять тот, первый, объяснил.

Пересмеивались.

Как будто их встречали для розыгрыша. Несерьезно отнеслись.

Ни здравствуй, ни прощай. Здесь даже в лифте в гостинице здороваются, когда гости к хозяину приезжают, их сам Коля там размещает.

Сам Коля уже привык к вежливости.

Все тут друг другу улыбаются на всякий случай, в глаза не заглядывай, не поймут.

Платься нельзя.

Но эти на него не смотрят, только друг на друга.

Коля спросил:

— А кто Сергей Сергеевич Серцов?

— Оба.

Как припечатал этот.

Опять заржали.

Шутки приехали сочинять тут.

— Попрошу тогда паспорта, — неожиданно для себя сказал Коля. Ну ведь он же отвечал за встречу сына! Не двух!

Они предъявили.

В паспортах все совпадало, кроме номеров.

Делать нечего, пришлось везти их в «Бентли».

Они вертели бошками, опять пересмеивались (он посматривал на них в зеркало заднего вида), и ничего похожего на хозяина в них не было.

Точно, лица кавказской национальности. Чернявые, носатые.

И друг на друга не похожи.

Что-то бормотали. Ржали по-тихому.

Он вез их по тем местам, где жили одни миллиардеры.

Стены, деревья, дома.

Виллы вообще-то! За заборами, за парками.

Как у нас, увидите.

— Дом Валдиса Вемберса, — сказал Коля.

Оба скрючили рожи. Небось и не знают, кто это такой.

— Теннисист, — пояснил Коля. — Пятнадцатая ракетка мира.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Они, как дебилы, вытараскали глаза. Челюсти от-
весили.

Удивились.

И опять заржали.

— Взял третье место в Уимблдоне и Опен Ав-
стралии.

— Не может быть, — сказал один.

Второй заморгал и рот дудочкой сложил.

Дебилы.

Московская шпана, решил водитель.

Темнота, ничего не знают, что в Европе тут здесь
происходит.

Водитель всем гостям хозяина всегда указывал на
дом Вемберса, чтобы они знали, что едут к тому, кто
рядом с Вемберсом живет.

— Они с гёлфренд на «Феррари» ездют, — по-
яснил водитель.

Эти клоуны оба стали перемигиваться, челюсти
свесив.

Тут Николай отвлекся и сказал:

— А вот здесь банкир живет, миллиардер. С де-
сятью женами, все в паранджах ездют в ювелир-
ный.

Сказал и даже не стал смотреть в зеркальце, что
они там еще вытворяют на заднем сиденье, какие ро-
жи соорзили и как руками похлопали.

Водитель при въезде щелкнул пукалкой, открыв-
ши ворота, и повез их по аллее к хозяйской вилле,
проехал мимо своей так называемой сторожки
(дверь закрыта, жена, видно, занята либо в саду, либо
на вилле у хозяина).

Сторожка-то сторожка, отметил про себя дядя Коля, но два почти что этажа.

Да и наверху Коля сделал что-то вроде мансарды.

Обделал стены листами двп, чтобы дочке Анджелке было где играть.

Получилось как посылочный ящик, жена сказала, везде фанера.

Сама тогда обдělывай.

Хозяин ждет сына, а тут (водитель про себя матюгнулся) двое прилетели, аферисты.

У него близнецов не было, да еще с одинаковым именем!

Хозяин волнуется, это понятно, но еще вообще не подозревает, какой ему финт устраивают.

Эти два брата-акробата.

Потом Николай успокоился.

Он знал батяню Серцова.

Ничего, он это дело быстро разрулит.

И не с такими справлялся.

Водитель Николай не переставал гордиться своим хозяином.

Когда-то Коля возил его, еще при советской власти, но не всегда. Две машины было на весь отдел. Коля возил шефа, а нынешний хозяин тогда был шестеркой, и ему не часто выпадало ездить на черной «Волге».

Возил-возил Коля тогда шефа, а потом нынешний хозяин сообразил что почём, вошел в совет народных депутатов и взял с собой Колю. Пошла хорошая жизнь, заказы, ваучеры, началась перестройка-перестрелка, хозяин что-то там присвоил в особо круп-

ных размерах, три завода, что ли, и два судна с ломом меди, которые затонули у берегов Нигерии, а были застрахованы в солидной фирме, лойт называется. Хозяин тоже затонул, короче, смылся из Рашки, пока делу еще не дали ходу следователи, их двое по телевизору выступали и на митингах, два клоуна.

И хозяин правильно сделал.

4. XX–XXI век. История Коли

Вот когда Коля, оставшись без работы, вернулся к родителям в Тульскую область, то как раз отец с матерью взяли триста га, как бы фермерское хозяйство.

Но телятник и гараж со всей техникой им сожгли, ясно кто, мужики из соседней деревни, потому что отец арендовал их поля.

На этой земле давно было не пахано, не сеяно, все зарастало осиной, но местным стало обидно.

Отец туда в деревню ходил, приглашал вставать на работу, обещал хорошие деньги. Они не пошли.

Они считали, что он им предлагает мало, и все интересовались, а сколь платят в Москве. Ага, сколь в Москве платят за работу в арбатском телятнике.

Да что взять с алкашей.

Отец нанял беженцев из Киргизии, они вообще были бездомные, русские, ждали нашего гражданства. Отец им купил три нежилые избы.

Они только начали устраиваться, а трое мужиков пришли к ним с косами и сказали, что всех порежут и сожгут, это не ваша, а ихова земля.

А всего-то дело было копеечное, эти мужики, как потом бабка одна сказала, на усадьбах тех заброшенных изб себе чужую траву косили.

Всего-то за стог сена погнали людей.

А потом и телятник отцу сожгли и весь хоздвор с техникой.

Ну не выносит народ тех, кто зарабатывает больше.

Ну что, Коля и его родители бежали.

Колхозники сулились и дом отца сжечь. Хотя они-то жили тут испокон веков, отец построился рядом с дедовой избой на его усадьбе.

Еще старики оба жили в этом доме. Нас на лето всегда туда возили, вспомнил Николай со злостью.

И мы там коренные!

Ну все просто: две деревни, наша и та, завсегда воевали.

Когда-то те проиграли нашим в карты цельное поле. Ну не они сами, а еще ихний барин. И забыть это те не могли.

Ну и парни сходились во время танцев стенка на стенку около клуба.

На Ильин день всегда кого-нибудь из наших в лесу резали. Ильин день — это наш был храмовый праздник, всегда справляли в своем лесу, в Кленах. И те бродили вокруг.

На ребят нападали исподтишка, выскакивали на тропинки.

Девушка наша одна повесилась. Потом парни от нас пошли туда убивать кого попало и жечь их избы.

Ну, пришлось бежать, поехал Коля с отцом и мамой в Москву к материной сестре, а она работала в управлении высотного дома и взяла мать к себе диспетчером.

Дали комнату в общежитии, в подвале, вместе с молдавскими и украинскими дворниками.

К ним вообще семьи приехали, еще того лучше.

В кухне было не протолкнуться.

Потом мать быстро поняла что почем, у ее сестры недаром все было схвачено, она помогла, и мама стала сама работать начальником ЖЭКа в новом районе.

Отца они устроили в гараж на руководящую работу, дали пока что служебную однушку на первом этаже, но кухня там была двенадцать метров, Коля себе поставил на этой кухне тахту, кто-то совсем новую вынес к подъезду в районе Патриарших, Коля как раз мимо ехал на отцовской «Газели» — переезжали, что ли, и не поместилось, или кто-то умер, мать сомневалась.

Коля, походив на дискотеки и пообщавшись с московскими девками, скис. Девки быстро все узнавали («Ты с Москвы? С Москвы. А в Москве откуда?»), допытывались, что у него ни кола ни двора, работает в гараже и прописка деревенская.

И никто с ним не шел посидеть в Макдональдсе.

На Новый год Николай решил съездить к деду и от нечего делать 31 декабря поехал в большой поселок городского типа на дискотеку.

Не сидеть же с дедушкой, слушать все те же байки про войну.

Дед когда выпьет, начинается.

Не хотел вспоминать, никогда не вспоминал, потому что нельзя, но тут само собой приходит, старые друзья с того света являются как живые.

На том дискаче Коля познакомился с двумя подругами, поехали на Колиной «Газели» к ним домой, оказалось, рядом, а туда за ними вперлась в «Газель» еще одна девка, толстая, с дискотеки, такая оторва, сразу было видно. Вскочила чуть ли не на ходу в кабину.

Те прямо заматерились.

Пришли к ним в дом, и она прямо сразу села Коле на колени, стала его целовать, теревить где ни попадя.

Девки изображали, что первый раз такую видят, стали гнать.

Ну и Коля отвез ее до дома, она пригласила, а у нее там никого не было, мать ее, она сказала, уехала к родне до послезавтра.

Девушка была веселая, простая, не строила из себя ничего, как эти московские.

Сказала:

— Не одна я в поле кувыркалася.

— Чё? — спросил, пыхтя, Николай.

— Ничё, плюнь через плечо, — ответила девушка, которая поддалась Николаю, ни о чем не спрашивая.

И еще пошутила:

— ... ать подано. Цыпленок табака.

То есть плевать на все хотела.

Говорила одним матом.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ну и Коля был под банковской, себя не сдерживал, оторвался за долгое время по полной.

Девушка тоже не возражала, видно, было ей не впервой. Похоже, что кому-то мстила.

А вот Николаю она полностью подошла. Хорошая девка оказалась, даже красивая — потом, когда он ее разглядел на диване.

Она после всего лежала раздетая. Все с себя скинула на пол.

Он даже спросил:

— Тебя как зовут, красотка?

— Забыл?

Ответила полным именем, с отчеством, и насчет своего возраста прибавила: семнадцати еще нету. То есть девятиклассница.

Вот тебе и на.

А по виду лет двадцать. Потому что толстая.

За такую и посадить могут. Это называется «указница».

Все деревенские ребята были в курсе и опасались, что родители девочек будут мстить и заставят жениться.

А все девочки летом в деревне (из города приезжали к родне на лето) над этим словом смеялись. За муж ни одна не хотела.

А вообще в деревне зимой одни старухи оставались. Старики почти все поумирали, кто от чего. Только Колин дед еще держался.

Когда прощались с новой девушкой, он сам помогал ей одеться, застегивал там на спине, и она попросила его номер телефона.

И в феврале позвонила, что беременна. А семнадцать ей только будет в апреле.

Коля испугался, как так. А она сказала, что ты ведь ничем не пользовался. Никак не поберег меня. А я была девушка.

— Как ты была девушка?

— А вот так.

— Я не заметил ничего.

— А я скрыла. Мне было стыдно, что я девочка. Шестнадцать лет, а никого не было еще. Подруги бы меня обсмеяли. А я все знала уже. Я смотрела видеокассеты.

— Какие?

— Порнокассеты, вот.

— Ну ты даешь, — поразился Николай.

— Да, и я тебя еще на дискотеке наметила. Ты же со мной танцевал, помнишь?

— Нет!

— Пьяный был. Мы в одном кругу отрывались всю дорогу. И я за тобой пошла, увидела, что тебя уводят. Я их знаю. Групповой секс. Еще позовут ребят. Я за тобой специально пошла к соседке, поняла, кто они и куда твою «Газель» направляют, они взрослые девки были, из Тулы приехали к ней, племянницы. Да им по двадцать лет уже, больше. Не в первый раз их видела у нас в поселке. И тогда я прыгнула в твою «Газель» тоже. Они такие рожи соорили, матерились, меня спихивали, щипали! Но я не испугалась, доехала, тоже села за их стол, как будто ты мой парень. Они же не в курсе, кто тут с кем. Сразу стала целоваться с тобой. И все делала

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

под столом. И потом оделась и тебя повела. И они обалдели, что ты уходишь.

— Ну ты подумай, — удивился как дурак Николай.

— Но это ты же мне сказал: «Пошли к тебе». Ты!

— Не помню, — ошарашенно отвечал по телефону Николай, будущий отец ни с того ни с сего.

— Ты на это шел. И что думаешь, я в десятом классе пойду чиститься? Чтобы на всю жизнь остаться калекой? И убивать своего ребенка?

Коля поехал ее уговаривать, а дома оказалась ее злющая мать, которая сразу сказала, что его посадит.

И у них были данные его паспорта, как это так.

А вот так.

В случае чего, ребенок родится, в Туле делают анализ, кто отец.

Быстро все завертелось, ее мать была продавщицей в промтоварном, у них было все то, что необходимо для свадьбы, и посуда сервиз немецкий, и всю выпивку теща купила, а закуску Николай организовал через тетку, она взяла заказ, и дед дал из своих бочек, он всегда заготавливал капусту, моченые яблоки, огурцы, и картошки выделил мешок.

Поженились.

Родители одобрили, что он взял свою, тульскую.

Коля нашел работу в Москве, сняли однушку. Галина устроилась в ясли нянечкой, хоть была беременная на четвертом месяце.

Но она и так была полная, никто ничего не заметил до седьмого месяца, а там уже можно было уходить в декретный отпуск.

Галя легла на сохраниловку в роддом, какие-то были плохие анализы.

Потом родилась Анджелка, родилась не в срок, раньше, и Гале теперь должны были оплатить по декрету меньше, чем полагалось.

Галина плакала в роддоме, переживала. Вес у Анджелки был меньше нормы, но так многие сейчас рожают, худых, сказала врач Коле, когда он пошел узнавать, почему так и зачем Галю взяли почему-то на обследование на кресло, это на девятом месяце, врач из Химок орудовала ложкой, и сразу ночью пошли воды.

Врач сказала, что это было плановое обследование, мало ли что можно было ожидать при родах.

Все. Но это быстро забылось, потому что, когда Галина с Анджелкой и Коля уже жили месяц у себя в однушке, мама Коли получила трехкомнатную служебную квартиру.

И тут родители их пригласили к себе жить с Анджелкой!

Коля был рад, колбасился, все покупал-устанавливал, доводил квартиру до ума, дали же голые стены!

Привез кафель со стройки, купил у таджиков, все обделал сам, купил кухню, не новую, но в хорошем состоянии.

Началась жизнь, Анджелка уже бегала по квартире куда хотела, Галина не работала, сидела с ней.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Купили себе раскладную кровать и спали втроем с Анджелой, детскую кроватку пока не приобрели. С деньгами было туго.

И вдруг в один прекрасный день мать вошла к ним на ночь глядя без стука, черная как туча, и сказала: «Выезжайте, все».

Что? Как? Коля ни-х не понял.

Галина, которая после родов сидела на диете, пила кефир и ела гречку, все хотела похудеть, рассказала, что мать Коли с ней круто поговорила.

Что якобы Галина съела что-то не свое из холодильника.

Да Галина скорее бы удавилась, чем сожрала ихово. Коля ее знал.

Жена сама была крутая.

Она ответила его маме как полагается, матерком да с ветерком. Мама тоже в долгу не осталась.

Тульские бабы, они шутить не любят.

Галина еще потом добавила, что Ирина Ивановна ее конкретно достала, давно уже жаловаться не хотелось.

Типа что Анджелка не ваша.

И типа что я тебя обманула, то что мне было шестнадцать. Да, после дискотеки обманула, мне уже было вообще двадцать, и я работала у матери в магазине уборщицей. Что я, буду твоей маме рассказывать, то что я тебя обманула? А ты бы вообще не женился на старше себя и на уборщице, да еще я толстая. А я уборщицей пошла к матери, потому что мы знали, она скоро умрет, я ей помогала, ее грузчики обманывали. А места продавщицы не было. По-

сле мамы я бы сама стала заведомом, я же кончила ПТУ, у меня среднее образование. На дискотеке ты мне понравился, ты был совсем другой, не такой, как наши поселковые, и я захотела от тебя ребенка, я поэтому пошла к тебе в машину с теми девками. И придумала, наговорила тебе, то что мне шестнадцать лет, а когда ты заснул, я списала данные твоего паспорта. И [взяла у тебя номер телефона] вот когда я узнала, что беременна, то решила, что буду за тебя бороться. А когда мы подавали заявление в ЗАГС, ты же не видел, что я там писала, какой год рождения. Мне надо было сохранить семью, моя мать вообще плакала и хотела, чтобы я сделала аборт, и она собралась тебе киллера нанимать. Пятьсот долларов, да и за сто бы пошли, такие отморозки есть. Пусть твоя мама меня осуждает, но Анджелка твоя доченька. Я толстая, старше тебя. Я уборщица. Я уеду, пусть.

Коля сидел на тахте как стукнутый по голове. Опять искать квартиру! А денег нет!

Коля очень любил своих родителей. Особенно маму.

И он теперь понял их с отцом, там еще старшая сестра тоже выступала против Галины. Но Галина его жена, Анджелка его дочка, он к ним привык. Дочку он растил с шести дней ее жизни.

Галина же смотрела на него злорадно, вся зареванная. Как будто доказала что-то.

И она уехала к своей матери в поселок. Все личные вещи забрала.

Он отвозил ее, Галина молчала. Обиделась типа.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хорошо еще уже был апрель, ну, как бы поехала жена с ребенком на дачу.

А он продолжал жить у родителей, только на выходные мотался к семье. Ни слова не сказал маме и тем более отцу.

Они тоже молчали и не спрашивали о внучке. О родной внучке!

О как жизнь повернулась, что все стали врагами.

Галина обиделась, что он не поехал жить с ней.

А где там в деревне найдешь работу?

Это похорониться заживо в чужом поселке, да у нее еще брат пьющий и кулаками машет, как она говорила. Даже приезжает с Тулы на разборки.

За лето Коля прикопил какие-то деньги, чтобы снять однушку.

С осени бы переехали. Но Галина его к себе не допускала. Он приезжал и спал на полу.

Вся жизнь была разрушена!

И в этот самый момент ему и был дан сигнал от Серцова Сергея Ивановича, от бывшего хозяина.

Как-то по своим каналам нашли его номер телефона, и незнакомый мужик прозвонился и сказал, что самому Серцову нужен водитель и помощник в одном государстве, адрес скрыт.

«Спасибо, — отвечал Коля, он уже был не в себе, ничего не понимал, — у меня теперь жена и дочка, и я один не смогу, наверно».

Сказал «наверное», потому что не знал, как все будет у них с Галиной.

А вдруг она уже себе кого-то нашла в поселке? Своего прежнего? Был же у нее кто-то до Коли.

Анджелка и правда совсем на отца не похожа.

Оба они с Галиной русые, а девчонка черненькая и кучерявая.

Мать ведь на то же намекала. Наверно, это и было причиной всех дел.

А Серцов не знал о его нынешней жизни. Думал, что он вольный казак, как раньше. Но Коля был теперь невыездной. Он даже и представить себе не мог, что отъедет на заработки в такой момент.

Галина — единственное, что у Коли есть свое. У матери еще дочка любимая, Вовина сестра, с высшим образованием, с квартирой, богатая.

А Коля, что Коля, это сын, он еле восьмилетку окончил на троечки.

Колю они всегда держали за отстающего.

— Перезвоню, — сказал тот мужик по телефону, и точно, перезвонил:

— Диктуй их данные все. Паспорт жены и ребенка. Вам пришлют по адресу приглашения. Условия там неплохие для семьи, есть отдельная сторожка на территории.

Эта сторожка оказалась двухкомнатным домом в парке!

Жена стала помогать садовнику, теперь она была довольна, все в их жизни поменялось.

Пригодилась ее память о детстве, когда мать заставляла ее пахать на участке, чего Галина терпеть не любила.

Галина молодец, освоила газонокосилку, он только ей разок показал, и все.

И даже сама успела, посадила свои, тульские, цветы. Перед их сторожкой.

Из поселка мать ей прислала семена, Галина к весне вырастила рассаду.

Тут, в Монтегаско, никто в глаза не видел ни табачков душистых, ни флоксов, ни астр, ни гладиолусов, ни георгин. Вообще в этой деревне не знали о них. И о золотых шарах!

Хозяин, сам возросший у поселковой бабушки, он тут же сказал, что в доме у нее был палисадник, и он теперь гордился своим необычным цветником.

Коренным русским — тут, где вообще одни газоны. Сиживал там в качалке под тентом.

Хозяйка же прикалывалась над таким садом-огородом.

Галина ведь и огурчики вырастила, и помидорчики, и укроп с кинзой! Тут жара, полей — все выскочит.

Хозяин любил у них с огородика схрумкать без нитратов и пестицидов. Не сравнить с магазинным!

И про запас Галина насолила, замариновала покупное, выращенного было немного, только на салат. Что там земли, с носовой платок.

Хозяйка следующей зимой подумала, угостилась из Галиных разносолов кабачками и баклажанами, да и отвела ей место для огородика на задах.

И Галина как-то в ночную минуту сказала Коле, ты не думай, Анджелка твоя доченька, у нее и пальчики вылитые твои, длинные и загибонистые, и ногти как у тебя, красивые, мои-то пальцы, посмотри, они другие, деревенские.

Просто у меня отец был кучерявый и черный, видно, бабуку румын повстречал, мало ли, у них в

поселке во время оккупации румыны стояли. Отец родился после них. Дед с войны не вернулся, а то бы он погнал их с цыганенком, так в деревне баяли.

Она его родила не в срок, а позже.

И мать оттуда ушла с пацаном, завербовалась на стройку на Шатурторф. А его отдала в детский дом на время. Во хлебнула! А все из-за этой масти.

И отец цыганский меня тоже своей дочкой не считал, я же белая, сказала Галина и вдруг заплакала. Отсюда все мое проклятие. Все, что со мной было.

Она умная, все поняла, что мать Коли про нее говорила.

И что Коля не раз слышал.

— Бывает, ладно, проехали, — сказал Коля и поцеловал ее пухлые короткие пальчики. — Раз вы у меня две румынки, съездем туда как-нибудь. Тут все рядом. Когда хозяина не будет и хозяйки.

5. Кустодиев

Галина, жена водителя Коли, кличка «Кустодиев», оказавшись в одночасье за границей, могла выбрать из двух одно: остаться красоткой типа миссис Россия с габаритами 98-60-98, где первая цифра означает вес, вторая — объем ноги в районе капители, если воспринимать ногу как колонну, а третья — объем талии.

Или, второй вариант, Галине пришлось бы стать как весь местный женский обслуживающий персо-

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

нал, все эти украинки, тайки, польки и девушки «с Москвы».

То есть иссушиться в воблу, потемнеть лицом и научиться лыбиться в ответ на любой взгляд. Именно вежливо лыбиться, не усмехаться.

Причем все эти бабы говорили по-монтегадски, как-то намастырились. И по-английски тоже.

Кустодиев была к языкам неспособна еще со школы.

Учительница немецкого натягивала ей тройку за то, что мать Галины пускала училку куда не полагалось, в подсобку промтоварного отдела.

Мать была продавцом.

Галина тоже еще со школы знала, что будет продавцом и именно промтоваров, и подругам доставала через мать что надо.

И не бесплатно. Зарабатывала себе на косметику.

У них в доме в поселке все было, обои «Шалпин», мебель румынская белая Людовик Четырнадцатый, люстра чешская «Каскад», сервизы, телевизор «Рубин», брату Юрке и дочке мать покупала все импортное, только с Галиной были проблемы, она была девочка полная, ее размеров заграница не поставляла.

Ей мать покупала короткие сапожки (а то те, длинные, не налезали выше костяшек) и трикотаж, но Галина его не носила, все в обтяг.

Отец раньше был водителем, но из-за пьянки у него отобрали права, и он летом работал на лодочной станции, а зимой сидел дома.

Отец от нечего делать пил и бил маму, когда она ему не давала денег, а один раз он положил Юрку шестилетнего головой на тубаретку, держа в руке топор, и стал кричать, отрублю голову, если опять не дашь денег, все одно подыхать. Мать кричала, матом тебя прошу, отпусти его, ты за себя не отвечаешь.

Но он махал топором у пацана над головой и Юрку прижимал за плечи к тубаретке.

Мать заплакала и дала денег, Юрка потом орал во сне как зарезанный, когда его уложили спать.

Когда отец убежал, мама топор спрятала себе под матрас.

А когда отец обратно ввалился пьяный и заснул на тахте в кухне как есть, обоссанный, мать побудила Галину, и они скрутили отца простынями.

Он очнулся рано утром, начал орать и ругаться, развяжите.

А то всех вас с Галькой убью, и чтобы дали опохмелиться.

И тогда мать над ним встала с этим же топором и сказала: «Сейчас буду тебя казнить к высшей мере».

Он еще больше стал ругаться, бился прямо как рыба, но мать на него села, а потом сказала: «Казню тебя за Юрку и за Галю, сука, за то, что ты с ней вытворял», он все понял и начал кричать «я ничего с ней не делал, она сама жопой вертела, нарывалась» и «помогите» таким тонким голосом.

Юрка проснулся и в дверях кухни стоял, никто не заметил, мало ему было того приключения с топором, опять он топор увидел, только теперь в руке у матери.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А она Юрку заметила, велела Галине его увести подальше и потом послала ее за полотенцем, а отец все пищал, и тут мать накрыла отцу голову полотенцем, топор положила, взяла в руку валенок и ударила спеленутого отца по шее со всей силы.

Он сразу замолк, как подавился, а когда мать сняла с него полотенце, то оказалось, что он даже не дышит.

Размотали, мать вызвала скорую. Плакала. И Галина плакала.

Следы какие-то остались от скрученных простыней, но врач даже не стала смотреть его под одеялом, побрезговала, запах стоял блевотины и еще много от чего. Отец часто ходил под себя.

Но ничего маме не было, остановка сердца больного в состоянии алкогольного опьянения, а после вскрытия у него еще нашли цирроз печени в последней стадии.

Мать спросила, сколько бы он протянул, врачаха засомневалась, такие иногда и год живут и дольше.

Да ладно, мучений вам на голову, скажите спасибо.

Галина ведь матери не говорила, что над ней отец делал. Он повторял, убью мать, если скажешь. Ты мне не дочь, мать твоя б...

Галина была полная девочка, красивая. Часами не мог кончить, скотина.

А Галине надо было бежать в садик за Юрой к семи, мать приходила только в девять.

До сих пор Галина не выносила запаха курящего и пьющего мужчины, всего этого что из него прет.

Ничего у нее не получалось с мужем, не ее вина.

Дочку родила. Но муж пил пиво под выходной и курил, не скажешь ведь ему.

Дочь Анджелка была единственным счастьем и большой гордостью Галины, девка в шесть лет пошла тут в местную школу и сразу заболтала поихнему. Худая девочка, кудри черненькие, прямо как местная, и длинноногая, и уже сейчас видно, что будет красotka.

Муж Коля хороший как телок, и Галину любит. И каждую ночь трудится, пыхтит. А толку-то.

Галина, однако, опасалась всего на свете и Анджелку с ним не оставляла.

Но она начала замечать, что девка стесняется, когда мать за ней приходит в школу и не может сказать ни бэ ни мэ.

И Анджелка ей как бы переводит, например, что завтра надо прийти пораньше, не как сегодня.

Тогда Галина сделала что: устроилась в подсобку местного супермаркета на утреннее время, с девяти до двенадцати.

Дома было не выучить язык, ни хозяйин, ни Коля на монтегадском не говорили.

Причем хозяйка, сама как жердь, она-то все языки знала, но Галину терпеть не выносила, называла ее «Ты вообще Кустодиев» со смехом и кивала на книжную полку. Галина специально полезла туда, не поленилась, увидела книгу «Кустодиев».

Вся дрожа, стала рассматривать картинки. Да, там на одной было похоже.

Галина потом нарочно принесла полуторный диван в ванную и разделась, а сама пустила воду, как

будто моет-скребет. И села без ничего. Да их и дома не было никого. Там вделанное зеркало хозяйка заказала во всю стену.

Не, Кустодиева тетя на картине была хуже Галины. Лицо у Галины лучше, рот лучше, и все красивее.

Та тетка старая, лет тридцати. У Галины все было крепкое, груди и живот, и талия тоньше.

Галина ведь недаром пахала в саду и в огороде, кланялась от души.

В резиновых перчатках и комбинезоне. По телевизору тут таких показывали. Типа они ездют и падут на маленьких таких комбайнах.

Галина отродясь не терпела работать на огороде и в саду, но мать заставляла, и правильно делала, тут это пригодилось и вообще было как зарядка.

На уроках физры в их школке она типа стеснялась, ребята из класса над ней ржали открыто, как она прыгает через планку. Корова, говорили.

И где они сейчас, парни из класса? Кто на зоне, кто спился, а эти типа кто бизнесмены, они ларьки держат подержанных запчастей, эти сейчас сами как бабы, пузатые и с сиськами.

Русские красавцы, Кустодиев.

Значит так, Галина встала тут на работу в супермаркет и сразу себя показала, кто есть ху, как говорит хозяин, Сергей Иванович.

Ящик с бутылками сама вынесла из фуры и в подсобку.

Они пока кару подгоняли, уже все. Смеялись, хлопали по плечу.

Кто её устроил туда, то это была одна женщина, Галина с ней познакомилась как раз в супермаркете, та загружала пакеты на полку, они рассыпались, баба заматерилась, Галина помогла.

Свой человек оказалась женщина, с Перми.

Они потом часто разговаривали. Делились опытом.

Землячка эта, Римма, как-то со смехом рассказала о своем прежнем хозяине, пожилом англичанине, который поехал в Москву, уже хотел жениться в свои шестьдесят лет, а услышал по телику, что в Москве одни красавицы, и там познакомился с девушкой Нелей, которая сама была с города Фрунзе и подрабатывала няней.

Как познакомился — Неля сама ей рассказывала: Джон был в гостях у тех людей, у которых Неля работала, и ее тоже позвали к столу, Неля же свой человек в доме и учит английский, она сидела и все слышала, что завтра он будет пить чай в отеле «Националь» в пять вечера, и если кто захочет составить ему компанию, то милости просим.

Хозяин тут же перевел это жене, но жена сказала, что у нее дела.

И вечером в пять часов эта Неля, взявши с собой девочку, с которой должна была в это время сидеть и делать уроки, поехала в «Националь» и ворвалась с ребенком в ресторан, сказала, что им назначена встреча. Охранник пошел узнал, Джон сам выскочил, очень удивился, но пригласил. Видно, ему Неля уже запала в душу.

Правда, она потом узнала, что его уже познакомили. Уже в Москве его окучивало одно семейство

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

кавказской национальности, у них была дочь двадцати шести лет, не очень красивая, но хотя бы не уса-тая, как говорили Нелины хозяева. Они их и познакомили как бы в шутку.

Ну и вот, Неля точно рассчитала, что если девушка с ребенком, то ее пустят в «Националь», не проститутка. И она пропила с этим мистером Джоном чай целых два часа, девочке Джон заказал мороженое, которое ей не давали, тем более зимой, и к семи часам родители девочки уже с ума сошли, трезвонили Неле, а она не отвечала.

Ну и, как она хотела, Джон заинтересовался, уехал в Монтегаско и прислал этой Неле приглашение, она просила на полгода, но он прислал на четыре месяца. С того места, где она сидела с ребенком, Нелю, конечно, сразу уволили.

Ну и она быстро оформила визу и поехала. И стала жить у нас, у нашего Джона, а я ведь до шести.

А ночью потом она вызвала тут полицию, что он ее сексуально преследует. Заставляет до утра танцевать перед ним в одних колготках.

И со всеми она подарками выехала из дома с полицией, он ей даже шубу купил, это в марте, когда тут уже абрикосы цветут.

И где-то Неля эта жила еще три с лишним месяца, но не в Монтегаско.

Римма ее больше уже не встречала.

Тут полиция приезжает сразу. Не то что у нас дома, не дождешься, ездят только на убийство, сказала эта Римма.

Галина уж это знала. Сколько раз мать вызывала, не дождалась. Отвечали: все на убийстве.

С языком Галина худо-бедно справилась, через полгода сама стала все понимать и что надо сказать, говорила.

И ее сделали сразу не грузчицей, а докладывать товар на полки, как ту землячку с Перми.

Галина ведь все время, когда отца уже не было, а Юрка вырос и убежал с пацанами, торчала у матери в отделе.

Ну и Галина нахваталась тут от продавцов таких слов и выражений, которых Анджела и знать не могла в своей школке.

И они ей рассказали, откуда хозяин берет товары в отдел овощи-фрукты и в молочный. Да и в мясной.

И это тоже пригодилось, теперь она вместе с мужем Колей закупала продукты не в супермаркете за бешеные деньги, она уже знала про дешевые фермерские хозяйства и отоваривались они с Колей там, ездили по округе, а чеки и фирменные пакеты — их в супермаркете лопатой гребли.

Да хозяин и не проверял поштучно, смотрел только где итог и оплачивал чеки.

Хозяйка-мадам приготовленным брезговала, ела свое, какие-то отруби, искусственное молоко, че-то протеины и аминокислоты, блин.

Галина утром приготовит, подаст дочери и мужу в семь тридцать завтрак — и поехала Кустодиев на велосипеде, повезла дочку в школу, а потом на работу.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хозяйка по утрам ела все свое, из банок. Соблюдая свою вечную молодость. Без глютенгов.

Хозяин вставал к часу. Все ночи смотрел видео и Интернет, порнушку.

И Галина ему подавала ланч.

Одно сильно ее подкосило: смерть родных.

Брат Юрик год назад вышел покурить на балкон, так сказал дознаватель, а был Юра выпивши, дали такое заключение, и его нашли под балконом на асфальте. Сигарета валялась в крови.

Бывшая жена тут же приехала качать права, что она наследница. Но Юрик успел развестись, а деньги на квартиру давала мама, и у нее сохранились все бумаги и Юрина расписка, мать как в воду глядела, что эта приезжая женщина с ребенком нацелилась на квартиру, раз она вышла за пьющего и безработного эпилептика.

Юра с ней познакомился не где-нибудь, а в ее палатке ночью, она там торговала, а он тут как тут, на своем драндулете. Мать ему купила скутер, там прав не надо.

И он все время в Москву мотался к какому-то другу, звонил ему, говорил «я еду, шуманем, попишемся у тебя на районе», а эту бабу спьяну нашел в палатке с ящиком в руках, она хотела этот ящик типа поднять. А тут он зашел купить сигарет, а это оказался овощной.

Но ничего, он ее ящик этот на себя взвалил и с полу до прилавка донес, она потом рассказывала, такой заботливый!

Пригласила его за прилавок, угостила бананом и своей настойкой из банки, там холодно было, она согревалась ночью.

Ну и они друг другу подошли сразу, он сказал. До утра он у нее досидел, ел что хотел, бананы, апельсины, пил настойку.

Она в Москве круглосуточно работала, снимала комнату с напарницей, одна уходит, другая спит. Вот она его и повела к себе в пустую кровать.

С Юркой они быстро поженились, сходили в ЗАГС, но прописывать ее Юра не стал, послушал мать.

Вид на жительство ей посулили только через три года. И, прождавши год, она сошлась с одним покупателем, пожилой военный к ней ходил.

Ну так вот, а самое было страшное, что Юра перед смертью, как оказалось, продал свою эту однушку как раз хозяину того круглосуточного ларька. И доживал в своей квартире, тот мужик сказал, что он ему разрешил еще две недели перед ремонтом, пока составляют смету. Мужик предъявил все документы.

Квартира у Юры уже была к тому моменту полностью убитая. Мать-то к нему не ездила, далеко, а сам он не мог ничего. Ни пола было, ни стенок, все в санузле раскурочено, унитаза на боку.

Называется, купи сыну квартиру, ни сына ни квартиры. Но мама с ним измаялась, вырос второй отец. Руку на нее поднимал.

И тот хозяин ларька говорил, что типа Юра хотел этими деньгами за квартиру выиграть в какую-то биржу. Ну дурак и есть дурак, царствие небесное.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И никаких денег в квартире не осталось. Этот хозяин ларька и толкнул его вниз, конечно. Хотя зачем, все документы были уже в порядке.

Мать была не в себе, чтобы понимать, что произошло, а Галина прилетела хоронить с Анджелкой под мышкой, братнину нищету перерыла, разнесла все по ниточкам, ничего.

И задумалась, а не убили ли Юру за его деньги. Ни копейки ведь не осталось. Но квартира, когда дознаватель пришел, была закрыта изнутри на цепочку, ее вскрывали, а верхние и нижние балконы жильцы давно застеклили, и ни снизу ни сверху хода к Юре по балконам не было.

Но теперешние люди, они за деньги альпинистов с крыши спустят, у Юры ведь балкон незастекленный был, те пьяного-сонного через перила скинут, деньги возьмут, цепочку навесят, и их обратно вздернут, все дела.

Галина осталась сидеть с мамой, та скончалась через две недели в полном маразме.

Галина, еще пока мать дышала, собралась с силами и попросила ее узнать у Юры на том свете, куда он девал деньги. «А потом ты мне приснись», — сказала Галина.

Услышала ли ее мама, непонятно, но с тех пор Галина, вернувшись в Монтегаску, все свои сны рассказывала Коле за завтраком, не найдет ли он какого-то намека.

Коля всегда жевал долго как телок, а тут вообще ел, глаза уперши в тарелку, и ни разу не заметил ничего подозрительного.

— Ну вот, слушай. Я расскажу тебе мой сон. Вот приснится такое, что не поймешь, о чем. Ну и вот. Типа иду я по земле, а она такая черная, типа как угли, и горячая. А там лестница вверх. И мама на этой лестнице типа стоит. Я к ней хочу подняться, земля горячая, жжет ноги. Представляешь, а тучи такие типа низко-низко. Тоже черно-серые, как пепел. И давят. Дышать нечем. И мама поднимается по лестнице, а там, наверху, отец с топором, представляешь? Я ногу так на ступеньку, а ступенька эта, представляешь, раскаленная! Как мама на ней стоит? Мама, мама, спускайся ко мне. Смотрю, а она там не стоит, а типа плавает. Ноги до ступенек не достают. И я задыхаюсь. А тут все пропало, я лежу, а у меня на лице одеяло. Ночью жарко было.

Коля помычал что-то. Он ел.

— Я хочу, чтобы меня понимали в личной жизни, — сказала Галина и наконец, после долгих месяцев, смогла расслабиться и разревелась от души.

Коля опять мэ, мэ. Телок.

Полтора месяца не было Галины и Анджелки, он вообще, что ли, отвык, и то, что жена сделала пластическую операцию по уменьшению груди, с восьмого на четвертый, и липо-как-са-цию, липо-кас-са-цию, как ее там, живота, он не заметил.

А Галина, кстати, сильно сэкономила, в Туле это во сто раз дешевле, даже с Москвы к ним ездют.

Но мужу такое не расскажешь, если он вообще ничего не понял. Долго типа объяснять такому.

Галина еще в городе у себя познакомилась с женщиной — похоронным агентом. Ну два гроба вынесла же за месяц.

И та женщина ей понравилась, Галина, как только мать скончалась, второй раз уже другому агенту даже не открыла, он сразу в дверь стал рваться после отъезда скорой помощи. Позвонила той Венере.

Венера мигом приехала, посидели-выпили, и та ей открыла секрет, что у них свой человек дежурит сутками на прослушивании радиосвязи скорой помощи. И как только поступает сигнал от скорой в милицию о смерти, они обязаны им первым сообщать, там же и адрес они передают, то этот связной звонит агенту, ночь-не-ночь, с адресом и фамилией, и агент быстро едет по адресу и звонит в дверь первым. Еще до ментов. Пока эти растелепываются, уже наш человек в дверь. Примите сердечные соболезнования, Иван Петрович скончался, я помогу вам. Бывает и ночью, люди еще не пришли в себя, все подпишут.

И Венера обещалась в случае чего устроить Галину в их систему.

Мужа своего, который был моложе ее на десять лет, Рустама, Венера тоже уже устроила в морг санитаром, там много денег родные дают, а сама хотела поступать на курсы ведущей, ну, которая с лентой у гроба стоит и говорит «а теперь, родные и близкие, настало время прощаться» типа.

Галина заинтересовалась тоже, но Венера ей сказала, что с такой грудью восьмого размера ее в крематорий не возьмут. Там строго отбирают.

И Галина нашла у них в Туле клинику и быстро сделала две операции, убрала живот и грудь.

А дом материн со всеми потрохами сдала, та же Венера ей подсказала, куда обращаться, к брату Ве-

неры, Эдику, Венера его устроила риелтером в агентство.

Что там будет с домом внутри, со всей этой мебелью, Галину уже не интересовало, она забрала только фотографии и два сервиза, чайный и «Мадонну». Это был для нее страшный дом.

Спасибо, что деньги ей каждый месяц теперь ложили на книжку.

Все приварок.

А Эдика она попросила найти покупателей на дом.

А от мужа Коли взяла обещание не верить никаким обещаниям хозяина подарить им квартиру в Москве на Садовом кольце, ничего не подписывать, и не принимать от хозяина ни подарков, ни денег, потому что он сразу же может заявить в полицию, что его слуги его ограбили, и даст номера денег. У него все записано.

Было ведь такое дело, страшно вспомнить.

Что хозяин один раз, отправив Колю в соседнее государство по поручению из Москвы, а жену куда-то в Израиль в клинику, долго сидел смотрел видео, это были порнофильмы.

Обычно он их на ночь смотрел, а тут как с цепи сорвался.

Новые купил, что ли. Японские.

А Галина как раз вернулась из своего супермаркета и делала ему брекфест.

Ходила туда-сюда и видела все эти картинки со стороны. Да и звуки раздавались понятные.

То есть он сопел-сопел, даже как-то подсмеивался-фыркал, потом сказал:

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Садись, че бегаешь.

Галина сказала:

— Погодите.

— Нечего годить, садись. Ты так, небось, не умеешь, погляди — полюбуйся, че она вытворят, а, Кустодиев?

Надо было просто не обращать, Галина накрывала на стол, ходила из кухни в залу.

А хозяин стал рассказывать со смехом:

— Мы как-то были в Японии и захотели японских проституток взять, нас повезли. Входим, там сидят Катя, Маша и Даша. О, кричат, наши пришли. Мы в другое место, там опять сидят Катя, Маша и Даша. Вы откуда. Все из Хабаровска и с Владика. Пока нашли местных, уже не до них было. Че, неинтересно тебе.

Галина тогда сняла с себя фартук, перчатки (он все хрюкал, глядя на нее, и похлопывал по дивану рядом с собой), а потом повернулась и ушла вообще.

Ушла к себе в дом, где начала плакать.

Все снова-здорово.

Стояла, ела Анджелкино мороженое из холодильника и плакала, утираясь кухонным полотенцем.

И тут он ворвался в дом, не успела обернуться, как обхватил ее сзади, за косу сдернул на пол, сволочь, и сильно ударил чем-то по затылку, кулаком, наверно, со всей силы, и стал доскребаться, бормоча «Кустодиев, где твой куст вонючий, кустодиев».

И она сдалась — изувечит ведь. Папашины уроки даром не прошли, научилась подстилаться, чтобы не покалечили.

Но хозяин и двух минут не проскакал, спустил.

И убрался к себе, сказал на ходу: «Ты, тупая телка».

И Галина так обиделась! И позвонила в полицию, раз уж так.

Те приехали быстро, она сказала, что на нее напали, она не видела кто, сзади.

Она не плакала, а тряслась.

Они все записали, сфотографировали, забрали с собой Галину в полицию, потом в больницу, там у нее взяли мазок на анализы.

Хозяин дверь полиции не открыл, притворился, что его нет дома.

Да и его «Бентли» не стоял в гараже, они сунулись туда.

Коля ведь на нем уехал.

Спросили ее, а где босс, она ответила «не знаю»: — Нолл са.

А сама знала, что он сидит в ванной у себя и слушает что творится в усадьбе. Сирену точно услышал.

Конечно, испугался — того, что наделал, и что Галина вызвала полицию.

Дальше было что — Галина помылась, привезла на велосипеде Анджелку и сидела с ней, а Коля приехал только вечером.

Как ни в чем не бывало, утром Галина вошла в дом, открывши дверь своими ключами, и приготовила хозяину завтрак.

Он вылез из спальни с конвертом в руке и с поганой улыбкой на морде.

— Ну что, будем прощаться. После этого работать у меня тебе не захочется. Так я думаю. Да и мне

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

это уже неинтересно. В результате твоего поведения.

Галина сказала:

— Так не обойдетесь. В полиции ваш мазок. Они у меня взяли на анализ.

— Чё?

— То. Вы сядете на тридцать лет.

— Ах-ах. Разбежалась. Сегодня же выметайтесь все отсюда. Вот вам деньги и катитесь (он выругался). У меня премьер-министр друг.

— Это вам не там. Это здесь.

— А я Кольке скажу, что ты подстилалась мне все время. И пошла на шантаж, когда я сказал, что больше не хочу и это в последний раз.

— Коле что угодно говорите. В полиции записано и снято на видео, что мебель повалена и у меня синяк на затылке. И волосы из моей косы выданные на полу у дверей они нашли.

— Волосы ты сама выдрала, (...)! И синяк об дверь наставила! Я тебя не трогал, ты, (...) мне подстилалась! Жопой вертела кто?

(Опять одно и то же. Как отец.)

— А в тюрьму вас заберут. И в России многие захотят, чтобы вы сидели не здесь, а там.

— Охо-хо. От ты какая! Ну ладно. Кустодиев, что ты сердишься? Ну сорвался. Так ты же красотка! Вертишься тут ходишь. И святой не вытерпит! А тем более я, нецелованный.

Струсил. Испугался реально. И все время конверт выставляет вперед, как защищается им.

— Кустодиев, что тебе надо? Гражданство здесь? На всех?

— Не купите. Будете на зоне мотать срок.

— Я и не покупаю. Я тебе денег пока что не предлагал. Ну хочешь квартиру в Москве? У меня там четыре. На Садово-Спасской, на Сивцевом Вражке и две в высотке на Восстания.

— Сядете.

— Ух ты злобная. Я сегодня же оформлю тебе квартиру сто двадцать метров, мне пришлют самолетом бумаги.

— В Коми республике будете сидеть. В зоне особо опасных преступников строгого режима. Ларек раз в неделю. И передачи никто не будет посылать. И будете там козлом вонючим. Я вам это устрою.

— Нахваталась, Кустодиев. Откуда ты все знаешь?

— Будете срок мотать.

— Кланяюсь тебе в ножки, Кустодиев. Спаси меня от тюрьмы. А хороша твоя роза в кустах, Кустодиев! Не забыть прямо! Пойдем ко мне? Не спеша, как говорится...

— Еще чего, раскатали губу.

— Я бы сейчас тебе сразу денег дал, пятьдесят тысяч евро, но я не могу их снять со счета. Тут же в полиции заподозрят, что плачу за шантаж. Это ведь шантаж? То что ты задом своим передо мной крутила?

— Я? Перед вами?

— Ну иди ко мне. Не могу прямо.

— Все, я накрыла вам завтрак. Мне некогда.

И хорошо, что она не взяла конверт.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наверняка там были меченые деньги, и он бы обратился в полицию, что его обворовали.

Но она не пошла домой.

Кустодиев протиснулась в щель под верандой, там села на деревянный поддон, это было место, куда выходила какая-то забытая строителями продушина — прямиком из кухни.

Ее обнаружила Анджелка, она залезла туда, ну как все детишки все обследуют, и мать ее долго искала, сошла с ума, а Анджелка закричала «ку-ку», когда Галина уже собиралась звонить в полицию из кухни, и мать услышала близко-близко это «ку-ку».

Как будто кто-то рядом сказал. Выбежала из дома, рассчитала место, где должна была находиться кухня, а там, под верандой, можно было пролезть между столбами, и Анджелка отозвалась на крик.

Галина потом не раз по-пластунски забиралась в тайник, там она вполне умещалась сидя.

Все подслушивала, все разговоры-переговоры, все скандалы мужа с женой, жена хотела, чтобы хозяин усыновил ее парня тридцатилетнего.

По законам Монтегаско наследство переходит сначала не к жене, а к детям.

Хозяин отвечал, хочешь быть моей вдовой? Но у меня, говорил, свой сын есть, на... мне твой вы... док. Сейчас хозяин говорил по телефону.

— Значит, купчую на квартиру на Восстания. Имя я тебе сейчас продиктую и адрес... погоди, перезвоню.

Галина быстро выбралась из схронки и побежала домой. Ее настиг звонок по мобильному:

— Кустодиев! Ты вот что, пошли мне смс-ку со своим адресом и паспортными данными.

Галина не отвечала, она бежала.

— О, ну че ты молчишь? Боишься? Да нужна ты мне вообще сто лет. Сама же крутила жопой, сама вызывала.

— Все! (Она уже поднялась к себе на веранду и могла говорить свободно.) Я ничего не знаю и знать не желаю. Вы будете сидеть в тюрьме.

— Хорошо уже, я сам приду.

Он пришел в ее прибранный домик, где Коля сидел в трусах и смотрел теннис, и стал этот пройда улыбаться и сказал с порога, что решил подарить Коле и Галине квартиру за хорошую, преданную дружбу.

Галина отвечала, держа в руке скалку:

— Это ваше дело. Я ни при чем. Ничего подписывать не буду. Мне ничего от вас не надо.

Коля, наоборот, стал чуть ли не плакать и совался обнять хозяина.

Галина ушла в дальний угол сада и принялась там полоть, обливаясь слезами. Ее всю трясло.

И еще Галина подумала, а что Коля такой прямо равнодушный стал, не связался ли Коля с мадам? Или с Риммой?

Нет, нет, мадам как ездила, так и ездит к тренеру по фитнесу, Коля ее сам и возит и говорит, что она, наоборот, спит со своим тренером.

Нашли друг друга две тощие воблы копченые. Этот тренер у нее немка.

А про Римму надо подумать, она недаром в гости ходит.

Вот таков был расклад обстоятельств в семье водителя Коли, когда он привез к хозяину парней из Москвы. Сына в двойном экземпляре.

Дальнейшее читатель узнает в конце, из рассказа Галины Кустодиев, которая возилась с ланчем на кухне, а кухня с гостиной — это одна общая зала.

Итак, бизнесмен Сергей Серцов, гражданин Монтегаско.

6. История Маши и Сергея Серцова

Как он, этот Сергей Серцов, вообще здесь в Москве оказался, задавались вопросом окружающие, тем более поступил в такой институт, как МГИМО, куда поступают только дети больших людей и все, как правило, изнутри профессии, из семей дипломатов, — но этот вопрос так и останется вопросом, потому что Сергей, невысокий такой, невидный из себя парень, сам с Краснодара, из района, хранил по этому поводу молчание — поступил после армии, все. Сам еще отработал в райкоме комсомола два года, готовился.

Поступил, выучил английский плюс ханди и ирду, достаточно для того, чтобы потом ехать в Хандию сразу в посольство, но тут стоп; поскольку сначала надо поработать после института.

А у него ни прописки, ничего, даже из общежития после института попросят. И на работу в Москве таких не берут.

Тут в процесс включилась одна Маша, которая училась вместе с Сережей, и она заявила по международному телефону родителям, что выходит за своего однокурсника Сережу замуж, чтобы ему помочь.

Она им сказала все открыто, честная Маша, что они друг друга только уважают, не больше, однако Сергею надо помочь, и она готова. И что он, возможно, поедет потом в страну, в Хандию или Пакистан.

Разговор шел пока что с отцом.

— Сам он откуда? — протонародно спросил отец, в настоящее время посол.

— А какая разница? — обидчиво возразила Маша. — Ну, город есть один под Краснодаром.

— Ага. Село Мухосранское. Поселок городского типа, что ли? Ты долго такого искала?

— При чем здесь поселок, — упорствовала дочь.

— Тебе же тоже придется с ним ехать в страну! С этим вахлаком! — крикнул отец, Валерий Иванович. — И жить с ним!

— Ну и что, — отвечала Маша. — Почему с вахлаком. Он...

— Три года! Всю жизнь!

— Ну и что. Он хороший человек.

— Молчи! И дети родятся!

— Правильно, — соглашалась на все нестигаемая Маша.

— Как хочешь, а я его не пропишу!

— Пропишешь, — возражала Маша, — а если не пропишешь, я по суду отсужу себе комнатку, и все. Я имею право.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Дура! — вопил отец. — Предаешь, понимаешь, нас с матерью, которые все только для тебя! Все! Квартиру тебе строят! Взнос уплатили в кооператив! В дорогой, между прочим, куда все рвались, а я устроил для тебя! Для тебя же, дура!

Мать, Тамара Геннадиевна, не была допущена к переговорам. Но она все слушала по отводной трубке.

Позже, в спальне, она сказала:

— Маша не дура. Она влюблена в него, Валера. А ему надо отработать в Москве, чтобы уехать в страну. А без прописки на работу не берут.

— Мне-то что!

— А то, что она хочет выйти за него замуж. И пользуется ситуацией. Пропишет его.

— Дура. И ты дура вдвойне еще. Он пользуется, он!

— Может быть. Тебе лучше знать. Именно тебе.

Кто, как не ты, должен это понимать.

Молчание, обиженное сопение.

Мать продолжала:

— Это Машино дело. Мы должны пойти ей навстречу.

— Какой-то сиволапый будет с нами жить?

— Мы же приедем всего на месяц, Валер. Через полгода.

— А вернемся через два года?

— А вернемся, они уедут. У него хорошее будущее. У него дядя двоюродный в системе Медимпорта.

— Кто такой?

— Маша говорила, Виктор Иванович. Чермухин.

— Сам Чермухин?

— Матери его двоюродный брат.

— Ну.

— Он его хочет отправлять в Хандию. На три года. Через год.

— Откуда ты все знаешь?

— Знаю. Маша сказала. Я ей звонила.

— От бабы... Сговорятся, понимаешь... За спиной.

— Как ты помнишь, мой отец тоже был против того, чтобы я за тебя выходила замуж, — сказала Тамара Геннадиевна.

— Прав он был, — сердито отвечал муж. — Как в воду глядел. Не был бы я дурак...

— Мой папа из-за этого и умер, — сказала Тамара Геннадиевна.

— Пряма, — возразил Валерий Иванович. — Пил много, вот и все. Алкаш был.

Видно было, что не в первый раз возникает этот разговор.

7. История Тамары и Валеры

Эти собеседники — Валерий Иванович и Тамара Геннадиевна, родители Маши, — были как раз из того самого слоя советских людей, который в их собственных кругах назывался словом «контингент», — сдержанные, вышколенные дипломаты, сам с красивой зачесанной сединой, Валерий Иванович, тоже, кстати, с югов, ставропольский, из станицы, бывший футболист, а потом спортивно-комсомольский деятель. Работал в обкоме инструктором, там его заметили.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тогда были такие времена, что дипломатов и вообще руководство набирали из проверенных людей рабочего происхождения, и правильно делали.

Именно на них, на их вкусах и на их культурном уровне, все и было основано в стране, театр, кино, телевидение, литература и научные устремления — щедро финансировались только закрытые «почтовые ящики», работающие на войну и космос.

Была даже в одном НИИ (научно-исследовательский институт) отдел биохимической направленности, в котором заведомо, женщина, кандидат биологических наук, пробивала научную тему для своих сотрудников, хотела создать нечто, что действует только на определенную расу.

Потом, уйдя на пенсию, она спала на брошюре одного энтузиаста воскрешения из мертвых. Он собирал огромные залы и продавал свои книжечки, имеющие силу.

Теперь о Валере. Жenu он себе отыскал именно уже в посольстве, это была дочь посла, красавица, по матери из гнезда московских грузинских князей, по отцу (послу) тоже деревня, но вся целиком пошла в мать.

Тамара, студентка, приехала к родителям в зарубежную страну на каникулы, за красивым каменным забором тут были все свои, все посольство жило под одной крышей и чуралось как иностранцев, так и изучения местного языка. Хорошо разбирались только в ценах, где, на каком оптовом складе продукты и вино дешевле. Повара-туземца по прозвищу «шахтер» (поскольку чумазый) посольские бабы насобачили

солить грибы и огурцы, он даже делал капусту по-гурийски, лобио и аджаб санда, это мадам Нина Георгиевна, жена посла, постаралась.

Водилась икорка с родины. Закатывали русские обеды для коммунистов-аборигенов.

Сидели в садике, где бегали дети персонала.

Играли в города.

Карты были под запретом. Имелись шахматы и шашки.

Ну и местное телевидение, которое все смотрели ближе к ночи.

Для обучения языку, так объясняли.

А там одни песни-танцы показывали и музыкальные фильмы производства кинофабрики соседнего государства под названием Болливуд.

С субтитрами на местном языке, бежали такие курьезные строчки.

Не было ни фиги не понятно.

Дочь посла Тамара пригляделась к молодому сотруднику Валерию (по презрительному определению посла-отца, «футболисту»), пригляделась к нему с балкона, когда он именно что играл в футбол с детьми посольства, он тренировал их как команду, хотя мальчишек было всего четверо, пятый путался в ногах, запасной дошкольник.

На чужбине разрешалось держать детей только до одиннадцати-двенадцати лет, дальше надо было их усылать на родину, не было в посольстве для них школы.

Так что он играл с малолетками. От бумажной работы на что не пойдешь!

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тамара, сидя на балконе, как раз оказалась единственной болельщицей. Она обмахивалась веером там, на втором этаже, а внизу дети гоняли мяч.

И, засидевшись за письменным столом, футболист Валерий в первый же вечер по приезде Тамары вышел во двор к своей команде, бросил взгляд на тот балкон — и от души продемонстрировал все, на что был способен.

Дочь посла Тамара загрустила как-то, с туманным взглядом сидела за ужином, ничего не ела.

На следующий день Валера, — по просьбе умной жены посла, которая тем вечером вовремя заглянула на балкон и, вернувшись к себе, тут же посмотрела из окна во двор, где орали юные футболисты, — он был призван к жене посла.

И этот Валера поехал показывать девушке местную столицу.

В том числе он показал и другие свои таланты — подавал руку, вынимая из автомобиля пассажирку, пропускал даму вперед.

Шутил, довольно, правда, грубовато.

Стояла дикая жара. Девушка томилась.

Тамара, грузинка по материнской линии, худощавая девушка с выщипанными тонкими бровями, дребезжала как струна от каждого его прикосновения. Это ему было заметно сразу.

Он даже пару раз не отпустил ее руку после автомобиля, вел и вел.

Лицо Тамары, однако, оставалось аристократически каменным, что внушало уважение и одновременно как бы подначивало Валерину мужскую гордость.

Валера бы, правда, сам в дальнейшем ни на что бы не решился, как вдруг посол лично его вызвал и хмуро велел снова сопровождать Тamarочку по городу.

— Выразила, понимаешь, желание ознакомиться со страной, с обычаями. На базар, в кино.

На базаре Валера купил ей огромный грейпфрут, который обозвал, конечно, «грейпфрукт», сам его взрезал и показал, как надо есть, снимая кожицу с каждой дольки.

Потом он купил билеты в кино за свои кровные, за местную валюту.

Кинотеатр был худо-бедно с кондиционером на американский манер. Для народа он был дороговат. Зал был заполнен только наполовину. По рядам бежали дети. Взрослые перекликались. При каждом повороте сюжета зрители шумели (фильм был из местной жизни, с убийствами, пением и танцами).

Валера кое-как переводил, склонившись к аккуратному уху дочери посла (с бриллиантиком в мочке).

От его дыхания у девушки шел мороз по шее, явно. Валера иногда специально поддувал.

Напряжение достигло такой силы, что в конце концов Валера губами дотронулся до бархатистого ушка, и Тамара тут же якобы вопросительно повернулась к нему, сделав брови домиком и прикрыв свои красивые глаза.

Валера не сплеховал. Целовались до конца фильма, а потом сели в парке на скамейку, после чего залезли в местные колючие кусты, Валера подстелил пиджак изнанкой вниз. Сцепились бурно как самби-

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

сты. Все произошло по полной программе. Валера даже не ожидал, что это случится так скоро.

Вернулись потрепанные, как из помойки, у ворот осмотрели друг дружку, смеясь. Валера заботливо, как каждый мужчина после совокупления, вытащил пару соломинок из прически своей невесты.

Тамара была не девушка: немудрено в двадцать семь-то лет. Хотя и слишком опытной ее тоже нельзя было назвать. Так, несколько раз за жизнь.

Знающий Валера сразу понял ситуацию. У нее давно никого не было.

Тамара сначала невольно шипела от боли, а потом принялась тоненько подвывать.

«Молчи», — громовым шепотом предупредил ее Валера.

Хорошо, что недалеко бурно играла местная музыка.

Тамара кончила честь по чести, хрипло дыша и бурно, но молча вздымаясь. Валера был доволен собой, хотя пришлось выбросить носовой платок.

Без которого тут было не продержаться.

Жара сорок постоянно и высокая влажность.

Хотел было платок сохранить, но потом понял, карман промокнет. Штаны хлопчатые, местные, тонкие.

В руке держать как дурак не станешь.

Юбка у нее осталась чистая, так как Валера эту юбку надлежащим образом в самом начале заботливо завернул от пояса выше.

Опыт по части девушек у бывшего футболиста был большой.

В этот парк он уже водил некоторых.

Собственно, все об этом знали.

В доме посольства, как считалось, была прослушка, и жена посла любила дать понять подчиненным, насколько она в курсе дела. Недаром именно Валера был выбран ею в провожатые. Двадцать семь лет грузинской деве, на что это похоже!

Новобрачные наконец вперлись в помещение посольства.

Валера в темном холле долго стоял рядом с девушкой, что-то бормоча, прежде чем отпустить.

Шептал он всякую ерунду типа «у тебя такие глаза» и «ты моя жена».

Целовались.

На втором этаже горел свет. Мать с отцом не спали, сидели встревоженные, одетые.

Всякое бывало с молодежью, случались и невозвращенцы.

Дочь посла сбежала с сотрудником, осталась за рубежом!

Гражданская казнь для родителей отщепенки, ссылка на родину!

— Так. Где была? — спросил отец, стремительно подходя с оплеухой. — Мы тут чуть полицию не вызвали.

— Папа! Я выхожу замуж! — уворачиваясь, крикнула Тамара.

— Выходишь? Ты у меня выйдешь! — завопил отец на автопилоте, но тут вмешалась мать, Нина Георгиевна.

Она увела Тамару, все выпросила и вернулась к мужу успокоить его.

— Сопляк он еще! Кто такой! Вокруг Тамарки такие парни ходили, сын Туманяна! Дубины Виктор

Петровича внук! — кипятился отец. — А она что? Обратила на них? Нет! Ни малейшего! И потом! Ты соображаешь, какие проблемы начнутся? Меня могут отозвать! Семейственность, понимаешь, развел тут! Валерку отзовут вот уж точно! Муж, тоже мне! Куда он, прохиндей без кола без двора? Тренером в Краснодар детской команды? Дурак, дурак! Квартиры у него нету, в общежитие Тамару сволокет, да? Голозадый в принципе, да?

— Погоди, погоди, — увещевала его мадам, — Тамаре-то сколько лет! Ей пора!

— И при этом! У Валеры задание, он не может его бросить, проделана, понимаешь, работа.

Имелось в виду, что Валера занимался попутно еще и шпионской деятельностью и завербовал одного старика-эмигранта, который вращался в местных антисоветских кругах. Старику очень нужны были деньги. Валера в результате посылал в контору толковые отчеты о благотворительных балах, ярмарках и литературных вечерах с белогвардейским оттенком. Контора, таким образом, держала руку на пульсе эмигрантской светской жизни. Старик Тротский, даром что ветхий, проявлял жуткую активность, потому что пылал ненавистью ко всем без исключения эмигрантам (а они к нему).

За многие годы, прошедшие после революции, небольшое русское сообщество (уже в третьем-четвертом поколении) насолило каждому соотечественнику свыше всяких мер, перессорилось, многожды переженилось, в том числе мадам Тротская ушла к князю Шарахову сразу после кончины княгини Уйгур-Ша-

раховой, забрав с собой все сбереженные семейные жемчуга дома Тротских и присовокупив теперь к ним знаменитую уйгур-шараховскую шкатулку.

Злые языки мгновенно донесли Тротскому, что те двое только того и ждали, чтобы объединиться. Как бы они давно совершенно нагло сожительствоваали. И не отравили ли они несчастную старуху?

В полицию было пять писем. Безрезультатно.

Теперь Тротский (имея полные 75 лет) специально таскался по всем мероприятиям, которые прежде ненавидел, нахально напрашивался на чай, даже на детские дни рождения, и писал доносы как на Шараховых (яростные антисоветчики, тайное общество), так и на всех остальных.

Не таясь, он начал прилично одеваться (раньше обходился одним лоснящимся пиджаком) и завел платонический роман со вдовой адвоката, у которой была машина еще на ходу.

Теперь он повсюду раскатывал на авто и посещал со своей дамой бесплатные мероприятия типа городских фейерверков, по поводу чего строчил Валере (т.е. в КГБ) злобные доносы на местных городских чиновников, зря расходующих деньги налогоплательщиков.

Там же он упоминал все факты взяточничества властей и полиции.

И хотя эти письма были как бы не по адресу, запасливый Валера все покупал и отправлял, в рамках изучения настроений местного населения и развивающейся коррупции поименно.

Т.е. кто из чиновников берет уже совсем откровенно и на кого можно возлагать надежды в случае чего.

А недавно Тротский вообще отличился, посчитал количество аборигенских танков на параде. Было шесть, но один остановился прямо на площади.

И теперь, когда Валера женится и его ушлют, данная деятельность посольства тоже окажется под угрозой.

Кроме того, кто разрешит пребывание такой разросшейся родни под крышей посольства (сам с женой, его зять и дочь плюс еще возможные дети!).

Посол, в добавление ко всему, был влюблен в свою дочь как мужчина и не мог допустить даже мысли о том, что его красавица и умница ляжет под какого-то косопятого мужика и ее будут использовать в постели как шлюху. Она обязана была хранить невинность навеки как знак верности своему отцу, так он понимал ситуацию.

Хотя он соображал, что дочь уже засиделась, но одновременно считал, что и подходящей пары для нее нет и неизвестно (Тамара работала уже три года в министерстве библиографом, сидя где-то на задах книгохранилища в сугубо женском коллективе, туда ее пристроил любящий отец) — но так оно и спокойней.

Назавтра посол, Геннадий Иванович, вызвал Валеру и с криком «ты что тут, понимаешь» лихо, как в молодости, заехал подчиненному в ухо.

Валера же, не будучи аристократом и дипломатом, по-уличному сунул дяде Гене куда попало (под дых), посол упал, а сам Валера выскочил, забежал наверх к Тамаре, сказал «надо поговорить», повлек ее за собой и уехал с ней на электричке куда глаза глядят, получилось что в довольно прозрачный пальмовый ле-

сок, за которым шла высокая стена и где, в лесочке, не обращая внимания на каких-то солдат на вышке, Валера немедленно засандалил Тамаре ребеночка, чего не сделал накануне, оберегая честь дочери посла.

В конечном итоге оказалось, что они прилегли у полосы отчуждения вдоль стены местного гарнизона, в другом бы случае их арестовали как шпионов, но тут все обошлось (солдаты, видимо, сбегали за биноклем, там наверху, на вышке, что-то поблескивало, когда Валера с Тamarой уходили).

Валере было важно именно спустить в Тamarу.

Ухо его горело и призывало к отмщению.

Он использовал не Тamarу, а самого.

Так, в атмосфере злорадной мстительности, и была зачата будущая девочка Маша.

Когда Валера с Тamarой вернулись, опять ближе к ночи, посол безмолвно лежал в супружеской кровати и не встал, чтобы достойно встретить гулящую дочь.

Он принял решение не усугублять ситуацию, а спустить ее на тормозах.

То есть сперва удалить Тamarу, раз, а потом как-нибудь подловить и уничтожить Валерку.

Так, чтобы его поймали на нехорошем деле, допустим.

Посол лежал и увлеченно (кровь кипела) воображал в уме разные картинки.

Одна интрига уже вертелась в его мозгу, как у опытного драматурга.

Однако Валера на следующее же утро подал заявление об уходе по собственному желанию.

Но Москва начала трезвонить. Лубянка не давала разрешения. Москва ничего не могла понять. Парень поставлял хорошие отчеты. Что случилось?

Посол уже был готов ответить, ночка даром не прошла, и он по международному телефону обрисовал ситуацию так, что Валера спутался с местной проституткой, у него сифилис, то есть Валера потерял, а кастелянша нашла у его двери бумажку с результатами анализа и с его фамилией (уже имелся врачебный документ, творчество посольского доктора, все было подготовлено).

Прилагалась также пустая ампула из-под антибиотика. Якобы из мусорной корзины Валеры.

Год назад подобная история произошла с водителем, которого врач отправила на обследование, после того как уборщица заявила, что с ней что-то не то и что она живет только с водителем. Его и уборщицу послали на мазок в лабораторию, а затем, не ожидая результата, отозвали. Результат пришел, кстати сказать, положительный только у уборщицы.

Так что путь был проторенный. Врач по указанию посла сфабриковала подобный листочек на имя Валеры.

Тамара тоже выслушала версию отца, долго плакала у себя, ей была предъявлена и ампула, и анализ чего-то на фамилию отщепенца.

Посольский дом кипел. Все сторонились Валеры.

Когда он вышел во двор тренировать ребят, детей не оказалось. Он сунулся в квартиру кастелянши Милы, матери одного из своих футболистов, но Мила вышла, загородив собой дверь, и сказала:

— Сюда ходить вам нельзя как венерически больному (причем с выражением особенной ненависти на своей широкой физиономии, так как Валера все это время сожительствовал с Милой).

И добавила:

— Больше не суйся, б.

— Кто б.-то, — стал было возражать Валера.

Но Мила уже хлопнула дверью.

Валера ничего не понимал. Ситуация была жуткая.

Однако посол не учитывал, что Валера прошел краткий курс молодого шпиона. Пригодились и маленькие приспособления.

Короче, из внутривосольских телефонных разговоров, подслушанных с помощью жучка, изумленный, потный Валера к обеду все понял.

После чего он составил шифровку в родимую контору, где обрисовал ситуацию так: посол присвоил деньги, предназначенные Тротскому за особо важное задание по прогулкам вдоль стен гарнизона, возможно, ракетных войск, нуждается в уточнении, на станции NN (означенную сумму в долларах Валера предварительно спрятал во второе дно чемодана), а когда он, Валерий, задал послу вопрос насчет денег для Тротского на это сверхсекретное мероприятие, посол Геннадий Иванович сказал, что деньги не поступали, т.е. факт присвоения денег выяснился.

А затем посол, пойманный на этом присвоении, пустил в ход клевету с поддельным анализом на сифилис (пусть обратятся туда, где была выдана эта бумажка, и выяснят, что факта посещения лаборатории не было!), тем более что это вызвано тем, что посол

возражает против брака своей родной дочери Тамары с ним, с Валерием.

Валера также приводил адрес гарнизона, того самого, в лесочке в получасе езды от столицы, куда Тротский должен был быть направлен для прогулки вдоль стен.

То есть донесение Валеры пришло немного позже, чем сообщение Геннадия Ивановича.

Потом Валера пошел к врачу посольства и потребовал, чтобы ему выдали на руки этот якобы его анализ на сифилис, чтобы найти лабораторию и вскрыть подлог.

— Какой анализ, вы что? — возразила ему перепуганная врачиха посольства. — Где вы видели сифилис? С ума сбесились вообще? Или приснилось с перепоею?

— Сама б., — снова ответил вздрюченный Валера. Терять ему было уже нечего.

8. История рождения Маши

В результате и посла, и Валеру (и врача) отозвали.

Летний отпуск Тамары закончился горькими сожалениями.

Валера улетел в Москву не попрощавшись, посол лежал с сердечным приступом, его жена, заливаясь слезами, лихорадочно собирала нажитые вещи.

Мебель надо было вывозить водой, на теплоходе.

Траты, траты! Вместо новой «Волги» и кооператива для Тамары (за которую был внесен первый пай) шиш с маком.

Сама и виновата.

Жена посла была оскорблена до глубины души. До сих пор она чувствовала себя если не владычицей мира, то, во всяком случае, главным действующим лицом своей вселенной.

Все ей подчинялось, муж, его сотрудники, местные слуги, даже туземные правители и их жены.

Что уж говорить о родственниках в далеком Поти! Там оставалась вдовая сестра, ее единственная дочь вышла замуж за продавца из газетного киоска!

Надо ли добавлять, что всякую связь с родней Нина Георгиевна пресекла навеки и никогда не открывала дверь на неизвестный звонок, будучи в Москве в отпуске.

Ни-ко-гда.

А то был один случай, когда пришлось не пустить наглых приезжих с чемоданами, которые заявили прямо с вокзала, якобы это племянница с мужем и малолетним сыном! «Я вас не знаю», — сказала Нина Георгиевна и резко захлопнула дверь.

А то повадятся.

И тут такая чудовищная, непоправимая история!

Безработный глава семьи, опозоренная и, скорей всего, беременная от проходимца дочь.

Ехали в трауре. Нина Георгиевна не плакала. Наступил край жизни.

Вернувшись, в ожидании санкций начальства семейство бывшего посла тут же выехало жить на дачу.

У Тамары, которая все еще пребывала в отпуске, на глазах у родителей начался токсикоз беременных. Ее рвало по утрам. Мать требовала сделать аборт:

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Как ты думаешь, ребенок, больной сифилисом, это что, слушай? Сухотка мозга! Паралич! Сердце мое, прочти в медицинской энциклопедии! Отец сейчас, слушай, безработный! На что мы будем его содержать, твоего сифилитика ребенка! (Дальше шли проклятия, судя по выражению лица мамыши.)

В тяжелые минуты она переходила на язык своего отца.

Самое главное, что Тамара не знала, где искать Валеру.

И у Валеры тоже не было адреса дачи.

Однако она недооценивала своего будущего мужа. Ночью в ее окно поскреблись. Она тут же открыла задвижку, сорвала марлевую сетку. Валера залез как вор. Они долго молча целовались, Тамара плакала.

— Собирайся, пойдем, — сказал Валера.

— Ты что, я беременная, — ответила Тамара.

— Это тебе полезно, гулять, — отвечал бравый Валера.

Он вылез и принял Тамару под мышку. Пошли куда-то наугад и провели ночь буквально под чьим-то забором. Тамара некстати плакала и твердила: «Ты мой. Я тебя люблю. А ты?»

Он сквозь зубы отвечал «я да».

Под утро все обсудили. Валера ждал назначения в другую страну, под крышу агентства ТАСС.

— Туда берут только женатых, — сказал он. — Паспорт твой где? Пошли заберешь. А то они спрячут, я знаю эту породу.

Бывшего посла дядю Гену через полгода отправили в убогую пока что нейтральную страну на очень дальнем востоке торговым представителем, покупать

у местных их товары низкого качества, а на самом деле осуществлять экспорт оружия для поддержки местных прокоммунистических повстанцев. Чтобы влиять на политику.

Нина Георгиевна опять стала хозяйкой, но теперь уже торгового представительства, учреждения гораздо меньших масштабов.

А Валеру с Тамарой послали гораздо раньше в одну из стран Латинской Америки.

Их дочь Маша, однако, родилась в Москве из экономии, Тамара выехала на роды месяцем раньше срока, чтобы не тратить валюту в местных клиниках.

Всю жизнь затем повзрослевшая Тамара, позже Тамара Геннадиевна, как тень, следовала за Валерием Ивановичем. Классическая жена шпиона, выдержанная, терпеливая, немногословная, аккуратистка. Больше никаких вопросов и слез.

Он над ней невесело подшучивал, ерепенился.

Специально употреблял простонародные выражения и мат, чтобы расшатать ее чувство собственного достоинства.

Видимо, ему покоя не давали слова тестя, которые тот повторял при каждой okazji: «Путем меня и Тамарки сделал ты хорошую карьеру. Утопив меня».

При этом дочь такого неотесанного папаши-посла Тамара Геннадиевна была аристократка до мозга костей. Умела одеться как герцогиня, покупала за границей ткань, а шила ей по зарубежным выкройкам дешевая московская портниха.

Надо отметить, что Тамара Геннадиевна ориентировалась только на один образец: на Джеки Кенне-

ди. Такие же пальтишки, шляпки-таблетки, костюмчики с открытыми ключицами.

Собственно, и лицом она была похожа на Джеки, чего, правда, никто не замечал.

Дочь она водила в типичных нарядах английских принцесс: клетчатые юбочки, лаковые туфельки, блузки с большими воротничками, короткие пиджачки.

Дочь, правда, росла не очень красивой (где вы видели красивых английских принцесс? Принцесса Анна? Маргарет?), но была очень впечатлительной девочкой.

И при том дома царствовал невоздержанный Валерий Иванович, который срывал на жене и дочке все свои неудачи и то и дело приговаривал: «Ремня захотели».

Тамара любила дочь безумно, однако с двенадцати лет девочку вынуждены были отправить в Москву, в школу, и ее растила бабушка Нина Георгиевна.

Которая, в свою очередь, воспринимала воспитание Валериной дочери как бессрочную каторгу.

Что касается деда, посла, то Геннадий Иванович довольно быстро ушел после пережитого позора. Мужик-медведь не терпит другого медведя в своей берлоге, побежденный должен подохнуть.

9. Любовь Маши

В результате Маша выросла совершенно одинокой и не очень красивой девушкой. Не умела кокетничать, краситься.

Что же, во всем мире принцессы все как одна одиноки, не могут найти себе пару и в дальнейшем испытывают страсть к слугам, увы...

Втайне Маша была доброй, пылкой и чувственной, но никак этого не показывала.

Все это знала ее мама, Тамара Геннадиевна, и прозревала в ней вечную одиночку.

Они очень любили друг друга и часто перезванивались. Мама была единственной подругой Маши.

Белесая в отца, неприметная отличница, девочка из хорошей семьи, вежливая, молчаливая, неконтактная.

На первом же курсе она тайно влюбилась в Сергея, потому что он как-то в раздевалке сказал ей:

— У вас сумочка открыта, надо застегнуть. Мало ли. Давайте я.

И застегнул ей молнию на сумке. А сумка как раз висела на боку.

Его заботливые, умелые руки прошлись по Машинному бедру.

И потом он всегда с ней здоровался.

К весне третьего курса, за месяц до своего дня рождения, Маша как бы обезумела, поняла, что пора действовать, то есть созрела окончательно, вымыла, вылизала всю квартиру (бабушка часто болела, а мама, как всегда, проживала за рубежом с мужем-послом), затем во время международного телефонного разговора попросила маму прислать с диппочтой самые модные музыкальные записи и материал для новых занавесок, а также джинсы, тонкий свитер, кружевные трусики и такие же лифчики и пригласила на

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

свой день рождения много народу, к каждому подходила индивидуально, вручала карточку с адресом и датой, и, в том числе, подошла с тем же самым к Сергею, который учился в другой группе.

Он сказал:

— Спасибо, приду обязательно. Что нужно принести?

— Только сухое вино, если вам не трудно.

Бабушка не одобрила внедрения в квартиру шумной оравы, когда все пришли (многие и совершенно посторонние, как бы друзья приглашенных, весьма дикого вида), и она легла в спальне, запершись на ключ, но Маша все приняла на себя.

Танцевали. Сергей сидел в стороне.

Маша, пробегая с тортом, случайно наступила ему на ногу. Он кивнул и в ответ на извинения сказал: «Прощаю». Солидно так.

Потом удалился раньше всех. Раньше чем заблевали всю ванную и ковер в гостиной.

Но через несколько дней он подошел к ней в коридоре и спросил, нет ли конспекта по Первой мировой войне, раздел Балкан.

Маша предложила зайти к ней после лекций.

Пили чай. Бабушка всем своим видом протестовала. Сергей был одет как-то бедно, обувь вообще не-сусветная, туристические ботинки из кирзы.

Когда он ушел, бабушка спросила:

— Дорогая, он откуда, чей?

— Он сам по себе, с юга. Родился у моря.

(Правда, до моря там было триста километров, но бабушке-грузинке можно было и приврать.)

— Мало нам твоего папочки-футболиста. При том что прадед наш князь. А как он учится?

— Не знаю. По-моему, ничего.

— Ну и что ты в нем нашла, слушай!

Маша промолчала.

Потом в отношениях с Сергеем опять была длинная пауза.

Здоровались, и все.

Так, ни шатко ни валко, продолжался этот односторонний роман. Иногда оказывались вместе в библиотеке, в столовой.

Через год, в апреле, Сергей подошел к ней опять в раздевалке, пошутил:

— Теперь сумочка застегнута? Здравствуй.

Он был одет. Маша тут же спросила:

— А ты куда? В смысле, в какую сторону?

— Я в сторону Хабаровска, но поближе. Мне предложили там в аспирантуру в пединститут областной и преподавать. Видимо, буду ориентироваться на Китай. А зачем тогда было учить ханди?

Они пошли к метро, но на самом деле пошли дальше, по переулкам.

В первый раз гуляли вместе. Маша дрожала, у нее сводило скулы, но внешне ничего не было заметно.

— Как твой день рождения прошел? — спросил он. (Помнит!)

— Никак. У меня бабушка болела. Посидели в кафе вдвоем, и все.

(Знай наших! Правда, Маша пригласила в кафе подружку, вместе с которой занималась фехтованием.)

— Весело было?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Да уж. После того дня рождения я неделю грязь возила. Все напились с большими последствиями. Хватит с меня.

Все оказалось довольно просто.

Мечты, когда они исполняются, выглядят как обычная жизнь. Никакого счастья.

Шли к Кропоткинской. Даже не гуляли, просто шли в одну сторону. В его сторону.

Сергей сказал, что, конечно, с его языками преподавать историю в Мухобойске неохота.

Он разговаривал с Машей как с близким другом, обсуждал свою будущую судьбу.

— Так что вот что, — заключил он, туманно глядя по сторонам, минуя Машу. — Придется нам проститься.

— А в Москве? В Москве остаться? — тоскливо ответила Маша.

— Предлагали в одной конторе, я там проходил практику, в медимпорте, там есть место, даже со стажировкой в Хандии, но они без московской прописки не берут. Им все подходит. Очень сожалели. Я знаю ханди и ирду. И английский (как на собеседовании, перечислял Сережа свои достижения). Но возьмут скорее всего Шацкина, а он знает только инглиш и френч. Но, говорят, его подучат за год... Поднатаскают... Его отец знаешь где?

— Это не есть хорошо, — ответила Маша.

— Да знаю, — тяжело ответил Сергей. — Да и в Хандию посылают только с супругой.

Тут Маша решила, как в пропасть кинулась:

— Хочешь, я поговорю с бабушкой, мы можем пожениться фиктивно, и она тебя пропишет.

Что он ответил на предложение прописки, руки и сердца?

Он сказал:

— Сложно все это.

— Да, — протянула Маша горестно. — Да... Ну хорошо. Что же.

Они дошли до Кропоткинской, и тут Сергей простился:

— У меня дела тут недалеко в одном месте.

То есть не пошел провожать и не заглянул на чашку кофе, как планировала Маша.

И не остался на ночь, как она себе представляла — и проблем с бабушкой, скандала, слез, которые она себе представляла, не будет.

— Ну пока, — сказала Маша. — А то, может быть, пойдем к нам? Бабушка такой обед приготовила! Голубцы! А потом видео посмотрим, мне такой фильм родители прислали!

— Пока не могу, — задумчиво отвечал Сергей. — Пока что не могу.

— Запиши мой телефон и приходи сегодня, мы все это обсудим.

— У меня есть твой телефон, — сказал Сергей.

— Ну, приходи. Пока.

Ночью Маша плакала. Она сама сделала Сереже предложение!

И он, похоже, отверг его.

Она начала подозревать, что у Сережи уже есть кто-то. Возможно, он хочет жениться.

А как он это сказал — «только с супругой». Дескать, с тобой свяжешься, а потом еще и ехать в Хандию, волоочь тебя как бесплатное приложение.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тем не менее вечером следующего дня (Сергея в институте она не видела) Маша завела с бабушкой разговор:

— Скажи, а как ты отнесешься, если я собираюсь замуж?

— За кого это? — ужаснулась бабушка Нина. Она всегда предвидела все самое плохое. — За этого?

— За кого за ЭТОГО?

— Кто к тебе приходил, слушай, а то я не понимаю! Я сразу все соображаю! Кто чай у нас пил! За него?

Маша пожала плечами.

— И откуда он? — продолжала бабушка.

— С нашего курса.

— Нет, он с какого города?

Маша неохотно ответила, как будто произнесла вслух нечто непристойное.

— А-ааа. Ну конечно. Слушай, а ты знаешь, что он на твоём дне рождения шуровал по всей квартире, даже ко мне в комнату без меня заглянул? Я вхожу после туалета, встречаю его у себя на пороге и насмешливо так спрашиваю: «Кто вы», а он отвечает: «Будете звать меня Сережа». Хамоватый такой, спокойный.

— Ты мне не рассказывала.

— Маша! Я ничего никому не рассказываю без необходимости. Он потряс меня, моя дорогая, просто потряс своей, слушай, самоуверенностью. Я — буду звать его — Сережа! Он что, сделал тебе наконец предложение?

— Это не есть важно.

— Что не есть важно! Именно это важно! А я тебе скажу, дорогая моя, что ему нужна только прописка от тебя! Это видно сразу!

— На самом деле ничего ему не нужно, — горько сказала Маша.

— И не думай, — не обращая внимания на слова Маши, завопила бабушка. — Я его не пропишу, да и ты прописана не у меня, а у отца с матерью. Но они точно его не примут. Устроят тебе такое! Увидишь, выступят единым фронтом. Помирятся для такого случая. Недаром они квартиру заперли и тебя туда не пускают. Как чувствовали.

— Бабушка, он не собирается на мне жениться ни при какой погоде.

— И где вы будете жить? У меня — мне его не надо. Я старый, больной человек. Терпеть его присутствие в ванной и уборной! Слушать, как он харкает! Или еще чего почище какие звуки! И он тебя будет использовать буквально у меня на глазах? Спасибо! У меня зять такой. Папа твой. Футболист. Из-за которого дед в могилу сошел.

— Успокойся, бабушка. Вечно ты отца попрекаешь!

— Что успокойся, слушай! Что ты мне затыкаешь рот! И запомни, родители в свою квартиру не пустят вас. А тем более я! Поняла?

И она приготовилась заплакать. Маша отвечала так:

— Бабушка, вопрос снимается. Сережа не собирается оставаться в Москве.

— И что, ты поедешь с ним?

— Бабушка! Он меня не позовет. Я ему в природе не нужна.

— Не-ет, нужна. Я уже предчувствую, чем дело кончится. Беда, беда, ой. Вырвали бы мне заранее глаза мои несчастные! — и т.д.

10. История Алины

Эта история начинается с того, что девушка Алина, студентка МГУ, живущая в общежитии под названием «На Горах», сошлась со студентом Автандилом, познакомившись с ним на танцах.

По субботам в университете на Ленгорах смуглые студенты в общеаге, в холлах на двух этажах ставили такую музыку!

Вся Москва мечтала попасть туда.

Алина не стояла ни одного танца, ее все время приглашали.

Алина была сиротой при живом отце, мать ее недавно умерла от туберкулеза, а он ушел сразу же, как только был поставлен диагноз, развелся в полном своем праве и женился на молодой сволочи, которая после смерти матери въехала на плечах отца в дом (Алина уже жила в общеаге) и буквально не пускала девушку на порог, мотивируя это тем, что она «заразная».

Родной дом под Москвой, в дачном поселке, теперь был закрыт для Алины. Мало того, и все маминьы вещи оказались недоступны, все имущество.

Мачеха завела свирепую собаку и спускала ее по участку.

Не с милицией же было заселяться!

Но пока существовало общежитие, Алина особенно не горевала.

Она была хорошенькая как ясный день, беленькая, стройная.

Автандил же, само собой, был как горный олень — курчавый, с прямым красивым носом, с большими карими очами и красивым ртом, все как полагается.

Мало того, когда Алина увидела Автандила, ей показалось, что она его уже знает, и довольно хорошо.

Потом уже, когда они в первый раз оказались в постели и настало утро, надо было убегать на лекции, Алина посмотрела на спящего и вдруг вспомнила: в художественном кружке, где Алина в детстве занималась лепкой, Автандил уже присутствовал в виде головы Антиноя.

Единственно что — он был коротконогий.

Ну и тоже неплохо. Мало ли, может быть, Антиной был точно таким же.

На что они жили: Автандилу присылали хорошие деньги. Его отец торговал газетами в киоске в приморском городке Потти и сдавал отдыхающим два дома, причем комнаты были с перегородками. Получалось двадцать коек. Сам с семьей (жена и дети) в летний сезон жил во дворе в каменной пристройке. А мама у Автандила была заведующей аптекой.

Автандил поступил на географический факультет неизвестно почему (сам не знал; вроде бы там работала знакомая мамы, она отдыхала у них несколько раз) — и не особенно утруждал себя образованием.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Его делами занималась как раз эта женщина из учебной части.

В зачетке Автандила даже троек не было.

Тем не менее настал момент, и Алина сказала своему любимому, что беременна и хочет, чтобы у ребенка был папа.

Автандил не понял:

— Кто, мой папа?

— Нет. Ты. Ты папа.

— Что, не понимаю, слушай. Я папа? (Улыбнулся как ребенок.)

— Нам надо пойти в ЗАГС.

— Куда?

Алина все ему растолковала.

И тут же закатила истерику, сказав, что ее давно зовет замуж один человек...

И хоть она его не любит, но ребенку нужен папа. И она скорее всего выйдет за него замуж. А он иностранец.

— Кто, этот Мбвала? — крикнул взбешенный Автандил. — Убью его!

Мбвала был симпатяга коричневого цвета, сын вождя своего племени, мусульманин. Он действительно обожал Алину и много раз в шутку делал ей предложение быть его младшей женой. Дома у Мбвалы в его семейном шалаше уже обитали две супруги с тремя детьми. Мбвале было семнадцать лет. Он часто показывал Алине фотографии своих детей.

— А что же мне делать! — продолжала Алина. — Ты ведь не хочешь на мне жениться!

— Хочу, дорогая моя!

Но имелось препятствие. Ему еще не исполнилось восемнадцати лет. Алине же должно было стукнуть двадцать один.

Автандилу для женитьбы следовало получить, как несовершеннолетнему, разрешение родителей. Он тут же написал маме с папой.

Но те как-то не спешили.

А Мбвала продолжал обнимать Алину при каждой встрече и показывать ей фотографии очаровательных крошек.

Автандила это выводило из себя (все эти встречи, разумеется, происходили на его глазах, так уж получалось).

Спустя три месяца, когда ему стукнуло восемнадцать, он, не ожидая благословения от родителей, пошел с Алиной в ЗАГС, где они подали заявление.

Автандил торжественно написал об этом счастливом событии отцу.

Алина приписала тоже несколько слов по-русски.

Через небольшое время та самая женщина из учебной части сказала Автандилу, что отец прилетает и просит, чтобы он с невестой встретил его в аэропорту. Протянула бумажку с датой и номером рейса.

В назначенное время Автандил и Алина (у нее уже наметился маленький живот, шел восьмой месяц, она почти не потолстела) стояли в зале прилетов.

Вдруг Автандил дернулся всем телом и рванул вперед.

В толпе пассажиров шел маленький усатый толстяк в огромной кепке и тесном черном костюмчике, похожий на Чарли Чаплина. За ним ковыляла краси-

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

вая, очень полная, с низким обширным задом, женщина в белой шали.

Автандил бросился к ним, чуть не заплакав.

Они обняли его.

Алина помертвела, продолжая улыбаться. Как, это его родители? Жуткие хмурые лица, усатый толстяк, тоже почти усатая тетя, красные глаза у обоих навывкате. Как будто плакали или долго не спали...

Толстяк выслушал Автандила, посмотрел на стоящую рядом Алину и сказал ему что-то по-своему очень коротко.

Затем все трое повернулись и ушли ровно в ту же дверь, откуда вышли.

Алина стояла три часа на месте, ожидая Автандила.

Потом ей стало плохо, она упала в обморок.

Ее увезли и положили в больницу на сохранение.

Оттуда она звонила соседке по общежитию, подруге Фае, и Фая все разведала и сказала, что Автандил отчислен из университета по собственному желанию. Прислал заявление.

Все его вещи из блока забрала та тетка, которая работает в учебной части.

Алина проливала слезы, лежа в палате.

Ей стали что-то колоть. Роды приближались.

Алина опухла от неподвижности, начались осложнения. Ее не выписывали.

И тут в палату женщин, лежащих на сохранении, поступила новая беременная, Маша.

Ей было столько же, сколько Алине, двадцать один год, но она уже закончила МГИМО и собира-

лась с мужем Сережей в Хандию на работу, в город с каким-то очень длинным названием — вроде бы Пампарампарампрадеш.

Маша, узнав каким-то образом историю Алины (все тут все знали), старалась развеселить ее, все время угощала, подкармливала фруктами и витаминами, давала ей читать книжки о воспитании новорожденных, но Алина не реагировала.

Она не хотела ничего.

Она не хотела читать книжки о воспитании младенцев.

Она, прежде всего, не хотела ребенка.

Она вызвала юриста и сказала этой тетеньке, что хочет оставить здесь будущего младенца.

Юрист отвечала на эти речи так, что сначала надо родить, и обещала принести бланк заявления.

И чем больше Маша бодрилась и призывала соседку радостно готовиться к родам, чем больше совала ей книжек, тем хуже Алина ко всему этому относилась.

И тем больше завидовала соседке.

Той каждый день передавали пакеты с фруктами, журналы, ей писали записки.

У Маши тумбочка была пустая. Стакан и ложка.

На самом деле дела у Маши были тоже не блестящие, у нее начались осложнения, нашли белок.

Это могло вызвать смертельный исход при родах.

Даже поговаривали о том, чтобы сделать ей кесарево сечение заранее.

Но Маша не унывала. Она каждый вечер уходила к окну первого этажа, чтобы разговаривать со своим

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

мужем Сережей и с бабушкой, а мама и папа были за рубежом, приехать не могли.

Маша уже решила, что назовет ребеночка Сережей.

— А ты? — спрашивала Маша.

Алина отворачивалась.

Как назвать ребенка? Да хоть Гитлер.

Автандил никак не проявлялся с тех пор.

Богатые ведь люди! Могли бы прислать хоть сколько деньжонок!

В прежние времена Алина с Автандилом не вылезали из ресторанов, покупали себе хорошую еду, у Автандила было три костюма. Он и Алине купил розовый костюмчик, джинсы и шубку из козлика, а также сапоги и две пары туфель, не говоря о всяких мелочах.

А теперь идти с ребенком некуда. В общежитие не поселят с младенцем.

И сохранились ли ее вещи? Подруга Фая обещала узнать, куда все дели.

Но к телефону ее было вызвать трудно, он один был на весь коридор.

Позвонишь, а человек не пойдет искать. Лень или некогда. Трубка лежит по десять минут.

А на место в семейном общежитии — туда, где живут парочки с детьми и одинокие мамы вроде Алины — надо было заранее, чуть ли не в первый день беременности, как шутили в профкоме, подавать заявление.

Но там, как сказали, мест нет. Большая очередь, видите ли. Так ответили Фаяе.

У этой подруги, у Фаи, год назад был подобный случай, она родила, Волков сказал «это не мой», с

усмешкой, причем наглой, и переехал из общежития к москвичке Конвицкой, то все сомневался, не хотел, а тут его как подстегнули.

Как итог Фая пока что оставила ребеночка в Доме малютки, чтобы сдать сессию, а когда через месяц с лишним или через два пришла, ей сказали, что он умер и его сдали в крематорий: «Не держать же на льду, пока вы заявитесь!»

Обо всем этом Алина думала после каждого звонка по телефону, но не говорила никому, а вот Маше было весело, она учила язык ирду и рассказывала Алине о Хандии, она перед больницей смотрела несколько документальных фильмов про эту страну.

— Представляешь, там среди улицы ходят священные коровы! И никто их не уводит. Никто не доит! И если корова начнет есть с прилавка фрукты, ее не имеют права остановить!

Алина отвечала:

— Вот бы мне так!

Роды у обеих начались почти одновременно.

Их увели в предродовую.

Они шли бесконечным коридором, который, как в бане, был выложен белой плиткой. Маша семенила согнувшись, держа живот в объятиях, словно боялась потерять ребенка.

Алина шла как на казнь, но не гордо. Она тоже держалась за свой тяжеленный живот, но не оберегая ребенка, а испытывая невыносимые муки. Ее живот жгло как раскаленным железом, и открывалась во всей своей красе полная безнадежность происходящего.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Они рожали на соседних столах. Алина орала, а вот Маша молчала.

«Вот выдержка у девчонки», — между схватками подумала Алина и из гордости тоже перестала кричать.

И вдруг все бросили Алину и столпились у стола Маши. Забегали, примчались с уколом, поволокли капельницу. Раздался писк.

— Маша! — все повторяла акушерка. — Маша! У тебя сынок! Маша! Открой глазки!

А другая подошла и потрогала Машину шею:

— Все, девочки.

В этот момент Алина отчаянно заорала:

— Все! Рожая! Суки проклятые! Подойдите! Кто-нибудь! Не бросайте меня — ааа!

К ней подскочила тетка в очках:

— Не ори! Ты что! Сейчас поглядим... Так. Давай! Работай! Тужься! А теперь стой! А то порвешься!

— Что вы делаете! — завывала Алина.

— Это не мы, это ребенок твой, — сказала акушерка.

И тут же из чрева Алины стал выдавливаться с нечеловеческой силой и безумной болью, а потом вылился, как огромный ком плотной горячей глины, ребенок.

— Мальчик, — сказала акушерка. — Посмотри.

— Не буду, — ответила Алина. — Уберите его.

— Но-но, мамаша, какая сердитая. Все пройдет. Будешь его любить больше жизни своей! Вон подружка-то твоя померла. Сироту оставила. Его некому будет к груди прислонить...

Детей унесли в соседнюю операционную, что-то с ними делали, дети пищали.

Привезли каталку, переложили на нее тело бедной Маши и увезли. Все.

И почему-то все ушли.

Алина встала как безумная, схватила свою окровавленную пеленку, прикрылась, собралась бежать, чтобы больше никогда не вспоминать об этом ужасе.

Ее ребенок попадет в детский дом и будет жить жизнью сироты. А ребенок умершей Маши поедет в Хандию и будет жить как царь.

Почему это другим везет — и семья, и заграница, и еда, и деньги, — а ей никогда не везло!

Алина, заливаясь кровью, шатаясь, пошла в соседнюю палату к лежащим под кварцевой лампой детишкам.

У них у каждого были разложены заранее приготовленные по два браслетика с именем и фамилией матери.

Вот — Алина Речкина, мальчик.

Вот — Мария Серцова, мальчик.

Алина, не глядя на детей, взяла и поменяла местами браслетики.

В коридоре загалдели, застучали: шли акушерки.

Алина вскарабкалась на свой родильный стол.

— Что это, все в крови! — заорали. — Весь пол! Ты, что ли, вставала?

— Вставала посмотреть, — ответила Алина, трясясь от холода.

— А! — сказала акушерка. — Забрало за живое! Все-таки решила, мамочка, взглянуть на ненаглядного. Разобрала, где твой? Справа!

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Да, — стуча зубами, отвечала Алина.

— Ну, — сказала очкастая акушерка, — теперь будешь кормить и любить. Мама, которая посмотрела на своего ребенка, от него уже не откажется. А уж грудью покормишь — все, рабыня на всю жизнь. Поехали.

Медсестра ушла к новорожденным, может быть, стала повязывать им браслетики с именами матерей. И эти браслетики определяют всю их жизнь, да.

Алину повезли и оставили в каком-то темном месте под лестницей.

— Лежи, — сказала акушерка. — за тобой придут.

Несколько часов Алина провела в этом закутке под простышкой, дрожа от холода. Один только раз мимо прошла медсестра, подняла простыню:

— Если сильное кровотечение будет, следи!

Уже совсем стемнело, когда Алину повезли на лифте наверх и выгрузили в палате.

Принесли тарелку горячего супа.

Алина с жадностью выхлебала его. Маленькое счастье.

11. Дальнейшая история Сергея Серцова

Сергей Серцов все уже приготовил к возвращению Маши с ребенком из роддома.

Вылизал квартиру, которую они с Машей снимали вот уже год, коляску подарили сослуживцы сразу

же, как только он отвез Машу в роддом. Немножко поспешили, вроде бы не полагается.

Но Сергей, когда ему сказали, что Машу повезли рожать, не выдержал напряжения и устроил для всего отдела маленький праздник, и ему тут же прикатили коляску, которая хранилась в подсобке.

Вечером, когда все ушли, он имел свой обычный сеанс секса, наспех, с секретаршей начальника Лариской, потом проводил ее, дав денег на такси, затем забрал из подсобки коляску и в сложенном виде повез на метро.

На следующее утро Сергей, невыспавшийся, опять побежал в роддом с бульоном в банке, послал продукты и записку и застыл у окна в ожидании ответа.

Через десять минут он выскочил на улицу, его начало рвать прямо у подъезда...

Потом он оказался на работе. Бабы сразу сообразили, что Сергей не в себе.

— Случилось чего?

— Да осложнения после родов, — отвечал Сергей.

— Родила? Кого?

Все кинулись поздравлять, побежали за вином, за тортом опять.

Бабы стали рассказывать друг другу, как протекало это дело в их собственном случае.

Потом пригляделись к Сергею и хотели отправить его домой, но он сказал, что поработает.

Вроде бы стал разбирать документы. Проблем накопилось выше головы, и все надо было решать самому. Но мыслей в голове не было никаких.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Надо было растаможивать крупную партию медикаментов из Хандии, но существовали какие-то проблемы со сроком годности.

Как всегда с этой фирмой «Ортена» ...

В комнату зашел начальник, Виктор Николаевич:

— Ну, что стряслось? Я вижу по лицу.

Доложили уже ему.

— Зайди.

Зашел.

— Что с тобой?

— Да вот... Маша скончалась, — сказал Сергей, захлебнувшись.

— Когда?

— Ночью. Во время родов.

— Ах ты господи... Сочувствую, Сергей. А ребенок?

— Ребенок... Мальчик жив.

— Ну поздравляю тем не менее. Иди-ка домой.

— Нет, — возразил Сергей. — Тут опять с Ортенной вопросы.

— Да нет вопросов. Щукин тут звонил. Все опять решится так же. Иди.

— А катетеры просроченные? Сколько рекламаций из больниц? Что трескаются прямо в руках?

— Говорю тебе, Щукин звонил. Все. Будем принимать с этими сроками. А то придется такую неустойку платить, сам знаешь...

— Да. Хотели мы с Машей ехать в Хандию и там все контракты переделывать... Да. Маша была в курсе. Выгучила ирду почти что.

— Да... Мне тоже хотелось переломить ситуацию... Специально же я тебя к этому готовил... Фирма «Кама» тебя ждет, господин Прадеш звонил только что.

— Теперь уж я не поеду, — сказал Сергей. — Что уж. Теперь от Щукина поедет представителем этот... как его... Мотев.

— Да... Мотев уже за прошлый свой срок кооператив построил... Ортена платит хорошо. Недаром Щукин его параллельно с тобой оформлял... Как предчувствовал... Если бы не полный абсурд такого предположения, я бы подумал, что твоя жена скончалась не просто так... Но это глупости. И не думай. Надо звонить Прадешу... На, выпей коньяку.

Выпили.

Сергея как прорвало, рядом была родная душа:

— Самое жуткое, что Маша о себе совершенно не думала. Всегда о других. Что я ем, как сплю... Ведь уже знала, что больна. Нет! Какой-то ерундой занималась, о других заботилась. То мне писала целые письма про какую-то соседку по палате, которую бросили все, студентка там чего-то, ни денег ни хаты, она голодает, она то, она се, ребенка некуда девать, привези продуктов побольше. А эта девушка, она уже юриста вызвала, чтобы от ребенка отказаться. Еще не родила, а уже... Маша мне писала, а не взять ли нам второго ребенка, сразу, написала, все проблемы решим. Второго мне вряд ли, писала, удастся родить... А тут было бы двое... Вот я передачи для них двоих и таскал... Для четверых...

— Да мы уж видели... Горы...

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— А теперь я уверен, что у той все в порядке.
А Маши нет...

Выпили. Сергея била лихорадка.

— Извините, — выскочил из комнаты.

Когда вернулся, Виктор Николаевич озабоченно на него смотрел:

— Что с тобой?

— Не знаю, с желудком что-то, бегаю каждые пять минут...

— Медвежья болезнь. Это у мужчин бывает. ...С-слушай. Я вот тут прикинул... Узнать надо, эта женщина... Ну, которая с Машей лежала... Где она, кто она?

— В каком плане, — изнемогая, спросил бледный Сергей.

— А в таком. Не говори никому, что жена умерла. Ясно? Ты, кстати, за кооператив внес?

— Да. Заняли с Машей у ее родителей, у тестя, первый взнос проплатили... Ооо. Еще им сообщать. Не могу, не могу.

— Сергей, если ты не едешь в Хандию сейчас, все пропало. Мотев поедет, перезаключит контракты еще на три года. Фирма «Кама» уже была готова перечислить предоплату. Надо же, чтобы так совпало... Все рухнуло. В том числе и твой кооператив. А вот что. Надо узнать, что это за дамочка... Родила, нет, кто, откуда...

Возникла пауза, в течение которой Сергей Серцов все понял.

— Да мы не успеем ее оформить, вы что, дядь Вить...

— Да, оформить не успеем... А вот заслать другие фото на анкету и на загранпаспорт...

— Нет, не могу, дядь Вить...

— Подумаем...

— Я конченный человек. Мне без Маши не жизнь. Я и представить не мог, что бывает такое... Маша... Э, да что теперь говорить. Она такой друг... была (он слотнул комок в горле). Только обо мне думала. Там любовь, страсть, я понял очень хорошо... это как украшение на пути человеческого размножения. А вот доброта... Когда можешь на человека полагаться во всем. Когда он не подведет. Два года мы прожили с ней, как один день. Как сон.

Сергей не умел плакать.

— А! Вообще мне все равно, что со мной будет. Теперь осталась только работа.

— Не скажи! И сын.

— Да... Сыночек... Как теперь его растить... Отдавать не хочется. Господи ты мой...

— Она, эта женщина, если она родила и отказалась от ребенка... Она же может кормить твоего сына?

— Не знаю... А в общем, надо подумать. Да. Поговорить! Да. Это мысль.

— Это дело трэба розжуваты...

— А?

— Говорю, трэба розжуваты.

— Понятно. (Встрепенулся.) Идея неплохая...

Извините, я сейчас...

Вернулся. Под глазами черные круги. Бледен был как полотно.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Да. Что же... Мысль вашу я понял.

— Правда, Сережа... эта девушка... мало ли кто она окажется... Воровка, проститутка...

— Так и надо. Пусть. Пусть что угодно, только уехать отсюда.

— Три года с ней! Может оказаться такой, что взвоешь.

— И лучше. Я и так вою. Ну другой выход повеситься.

— Она и ребенка твоего может возненавидеть. Своего-то бросила, а на кой ей чужой?

— Может, и так будет. А что делать-то? Я ее тоже выручу в какой-то мере. За границу возьму.

— Да там жизнь-то, Сергей, не такая сладкая. Я знаю. А уж в Хандии... Они экономят все... Она поймет и сбежит, тебя с ребенком оставит... Ты знаешь, что у детей из нашего представительства в хандийской школе бывают голодные обмороки... Родители жалеют денег даже на грошовые бананы... Обо всем мне докладывали.

— И ей все же лучше, чем пропадать под забормом. Мы оба конченные люди, я думаю.

— Ох, берегись. Темную лошадку берешь.

— Да нечего мне беречься...

— Не говори. Поедем в роддом. У тебя деньги есть? Понадобится много. Я дам тебе займы. Потом вернешься из Хандии и отдашь.

12. Продолжение истории Алины

На следующий день с утра в палату принесли первых младенчиков.

Палата заполнилась детским плачем, воркованием молодых мамаш, их писком и шипением: кормить грудью, оказывается, было очень больно. Принесли и Алине чужого мальчика.

— Не буду, — сказала она. — Унесите.

— Да ты посмотри, какой красивый, — пела старая нянька. — Бедный голодный, как изводится!

Младенец противно орал.

— Не буду.

— А не станешь кормить, заболеешь. У тебя уже, глянь, молочко вступило. Температура будет. Для своего здоровья покорми, дурочка.

— Отстань.

Но как тяжело было ночью! Грудь надулась и онемела.

Опять принесли маленьких. И принесли снова сына умершей Маши. Он безостановочно плакал.

— Ну покорми его, здоровая девка, ну дай ему молочка-то, самой легче будет. А то ведь потом сиськи тебе оттяпают, опухоль начнется! — твердила нянька.

— Хорошо, — сказала Алина. — А кто того ребенка будет кормить?

— Какого?

— Ну вот Маши. Которая умерла.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— А господь с тобой, кто же его будет кормить! Так, из пипетки дадут... разведут порошка... Да не жилец он. Плохой.

— Пусть и его принесут. Буду кормить только двоих.

— Ну скажу... Ну зараза ты девка... То одно, то опять другое...

Она кормила обоих сразу. Малыши были чем-то похожи — оба черненькие, носатые...

Саднило соски, но стало гораздо легче.

Детей кормили шесть раз в день, с перерывом в шесть часов на ночь. Палата почти не спала.

Алина старалась не смотреть на детей, чтобы не привыкать, но все же, не глядя, каким-то боковым зрением отличала их друг от друга.

«Мой» быстро уставал, засыпал, и его уносили голодным.

«Машин» сосал как маленький насос, трудолюбиво, и уже на третий день, не глядя, только по массе тельца, можно было сказать, что он явно поправился.

Алине было ужасно жалко «Моего», она его все время теребила за носик, заставляя просыпаться.

Ее научила этому медсестра.

Алина не глядела, прищуривалась, почти с закрытыми глазами находила носишко и прижимала ноздри, тоненькие, как лепестки ландыша.

Но он, дорвавшись до мамкиной груди, благодарно к ней прислонялся, немного чмокал, бедняга брошенный, и тут же задремывал.

Жалкий, невесомый почти ребеночек.

Наверно, будет потрясающе красивый.

Сквозь полуприкрытые веки как-то заметила, и в мозгу навеки отпечталось: на бедной черепушке приклеились две пружинки волос — будущие кудри.

Никому не нужный.

Но его возьмет богатая родня. Он будет жить как царь.

И справедливость восстановится... Прощай, прощай, моя любовь, мой ангеленок. Отберут тебя.

Но вот однажды детей не принесли.

— Они оба заболели, — сказала няня. — Сцеживайся пока. Я тебе баночку припасла. Их будут кормить.

Алина, сердитая, мрачная, стала сцеживаться.

Нельзя было не сцеживаться. Иначе грудь разбухла, становилась твердой как мрамор.

Было тошно.

Пришла юрист с бумагами, предложила ознакомиться.

Долго читала, а в глазах был туман.

Никто из девчонок в палате с ней не разговаривал.

Алина все время плакала о Маше, которая была ее единственной родной душой за последнее время.

Вот бы ее фотографию, хоть маленькую.

Маша, как она заботилась об Алине, старалась ее подбодрить. Кормила все время.

У мамаш по всем тумбочкам стояли соки, пакеты с молоком, витамины, фрукты, цветы в банках.

У Алины ничего.

Фаина отказывалась ее навещать, вела себя как чужая, как будто не жили два года в одной блоке, не отдавали друг другу последние сигареты, как будто Алина не делилась с ней буквально всем, что перепадало от Автандиловых родителей — вареньем из молодых грецких орехов, из абрикосов с ядрышками, домашней колбасой и сыром — все это коробками привозили земляки, торгующие на Центральном рынке. Как будто Фая не занашивала все Алинины кофточки и брюки до последнего, не залезала в ее шкаф и в косметичку.

Сейчас, по телефону, Фаина вела себя как существо равнодушное и даже злобное.

Она все время твердила, что живет на одну стипендию, голодает и не может встать с постели.

Когда Алина звонила ей, с трепетом ожидая, позвонит или нет (все-таки общага, идти далеко, телефон в холле), та разговаривала каким-то безжизненным голосом.

— Фай, ты узнала? Там нет на мою фамилию писем в боксе?

— Ничего. И не жди. Они такие. Они его, небось, уже женили.

— Он меня любит.

— Да он отца с матерью любит больше. Целиком от них зависит.

— Фай, приди ко мне, а? Принеси мне хоть молока...

— Нечего тебе там залеживаться. Выходи. Ребенка отдай сразу. А то будет как у меня... Да его, моего Ваню, наверно, продали.

— Скорее всего.

— Вот, Алина! Продай своего парня! За десять тысяч! Купишь себе жилье за городом. Полдомика. Честно!

— Как это...

— Дашь объявление.

— Откуда я дам, отсюда? И где?

— Ну ты что, думаешь, я тебе буду помогать? За пятьдесят процентов, пожалуйста.

— А пока что где я буду жить? С ребенком? У меня же нет семейного общежития. Там такие очереди...

— Поедешь к своему отцу. Имеешь право. С милицией войдешь и поселишься. Все же это близко, под Москвой... Не как у меня, елки, трое суток езды.

— Нет, не могу... Как это с ребенком к отцу... Все соседи смеяться будут. Эта жена его меня со свету сживет, а маленького вообще собаке кинет...

— Ты что сказала?

— Что.

— Маленького?

— Ну.

— Ты к нему уже привыкла, что ли?

— Да нет...

— Кормишь, что ли?

— Да...

— Я же тебе говорила! Не привязывайся, не привыкай! Ой, хлебнешь горя, как я. Ну ладно, а то уже тут очередь. Знаешь, Алина, не звони мне... не надо. Мне и так тошно жить на свете. Есть вообще нечего.

— А мама твоя что? Прислала что-нибудь?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мать Фаины раз в месяц присылала дочери с поездом посылку — в основном сала с мясными прожилками, тушенку, вяленую рыбу... Фаина, правда, никогда не угощала Алину, приговаривая: «Жирно будет. Обожрешься».

Сейчас Фаина отвечала так:

— Мама! У мамы двое там. Мама вообще пишет, чтобы я вставала на работу, а учиться незачем. Чтобы я ей помогала. Дармоедка, пишет, живешь на всем готовом. Она на двух работах вкалывает... Понятно, да? Да я хоть сейчас уйду... На лекции уже не хожу. Апатия жуткая. Депрессуха. В петлю прямо лезу.

— Ты что! Ни в коем случае! Нам полтора года осталось! Сколько перетерпели!

— Не знаю... Перевестись на заочный...

— И вообще не закончишь...

— У меня от голода в глазах темно. Пойду я.

— А твой Волков?

— Волков что, он теперь женился на этой. Весь их физфак гулял. Живет у ее родителей, гуляет с собакой. У них карликовая такая собачка с желтыми бородавками как брови.

— Ты откуда знаешь?

— Я все знаю. Адрес и двор. Сидела на скамейке весь вечер. Волков вышел, спустил с рук эту Кису... О своем ребенке так не заботится, как об этой суке.

(«Какой свой ребенок? — в ужасе подумала Али-на. — Его же нет»).

— Ну я ему устро-ю!

— Ой, Фая...

— Да! Куплю крысиного яду и побросаю... Я ему за Ванечку отомщу!

Помолчали.

— Ну ладно, некогда мне тут... — зевая, сказала Фаина.

— А то я в тот последний день иду с Автандилом, вижу, Волков с Ингой пошел. Но я тебе не стала говорить...

— А что говорить. Когда все на виду. Алина! Не надо об этом.

— Гад Волков.

— Инга ведь знает, что у меня Ванечка от Волкова. Иван Эрикович. Вот она гадина так гадина.

— Фай! Это... А Волков в курсе... А? Что мальчик умер?

— Нет, он не в курсе. Он думает, что ребенок в Доме малютки. Никто не знает. И ты молчи, хорошо?

— Молчу. Фай, принеси молочка...

— Нет денег.

— Фай, никто не знает, где я?

— Нет. Я сказала, ты сломала руку.

— Ты лучше скажи в учебной части, что у меня отец заболел.

— Да уже поздно. И кому ты нужна в учебной части! Я сказала старосте курса, этой Надьке...

— Семеновой?

— Она вообще вредная оказалась девка. Только за деньги. Только. Она тебя не отмечает, но я ей подкинула, приплатила. Кстати, ты мне должна. Полстипендии за каждый отчетный месяц. Ты как будто на

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

лекции ходишь. Уже два месяца. Значит, ты мне должна уже целую стипендию.

— Спасибо на добром слове. Ну и сволочь Семенова. А такая честная отличница!

— А ты какая сама? Доила этого сопляка грузинского...

— Слушай, Фай. Скажи, а мои вещи... Ты узнавала? Особенно чемодан желтый такой...

Фаина отвечала:

— Ой, дура я была, что не написала еще его отцу, забыла, про то, какая ты тварь. Какие же это твои вещи, это вещи Автандила. Я с ним дружила больше, чем ты! Он со мной жил все это время. Не думай! Ты за порог, он на порог, да! Он мне говорил «моя сладкая». Я тебе не докладывала.

— Так ты что, с двумя жила?

— С десятью! Знаешь, не звони мне больше. Я тебя слушаю, но больше не могу, все, не звони. Мне ты помогала, когда я Ванечку отдала в Дом малютки? Нет. Вот и все.

Гудки.

13. История Киркорян

Тем временем в родильный дом со стороны женской консультации вошла женщина далеко за тридцать, бледная, голубоглазая, полная, с большим животом, хорошо одетая, в манто и в песцовой шапке, и сразу прошла в кабинет главврача, не глядя на секретаршу.

— Татьяна Петровна? Я... вам звонили от Бабаяна насчет меня.

— Вы, простите, как фамилия?

— Киркорян.

— Киркорян? Здравствуйте, здравствуйте, Киркорян вы наша... Садитесь. Ну что... А, вы правильно, правильно делаете, подложили подушечку на живот... Ха-ха... Пока суть да дело, соседи знают, что вы в положении...

Дама не поддержала разговора. Вообще была слегка недовольна. Она сказала без лишних предисловий:

— Я бы хотела на него поглядеть. Ну, в смысле... Все-таки он должен быть похож на мужа. Я езжу по разным родdomам... Выбираю.

— Он будет, будет похож. Я вас уверяю. У меня глазок наметанный.

— Нет. Вы знаете, все-таки...

— Хорошо. Вот вам белый халат. Обувь взяли?

— Захватила тапки.

— Вас как звать?

— Елена Ксенофонтовна.

— Так. Елена Ксенофонтовна, снимите верхнее, переобуйтесь пока.

Женщина повесила на крючок шубу, шапку положила в сумку, сняла сапоги, переобулась, надела халат и шапочку, заведующая повязала ей на лицо марлевую маску:

— Мы идем в детскую, Елена мм?..

— Ксенофонтовна, — недовольно ответила та.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Да, да... Ксенофонтовна. ... Так, в маске, вам лучше... И вас никто потом не опознает. В случае чего.

Дама каменно промолчала. Крепкая женщина. Из больших жен.

Они вошли в детскую.

В кроватках плакали малыши.

«Ксенофонтовна» и заведующая склонились над ребенком.

Заведующая завела:

— Ой, спит как крепко! Не кричит! Ой, какой хороший парень у вас будет! Солидный, смотрите. Все кричат, а он молчит. Начальство, сразу видно.

Внезапно Елену Ксенофонтовну как бес под ребро толкнул, она показала на соседнюю кроватку, где верещал младенец:

— А это какой ребеночек рядом?

— А при чем здесь? Ваш этот. От него мамочка отказалась уже... Юриста вызывала, сейчас пишем бумаги...

— Нет, вы только подумайте! Это что за ребенок? Я прямо в шоке.

— Это... Сейчас посмотрим.

Перелистала карточку.

— А... Серцова Мария... Мальчик. Умерла одна мамочка. Держим его, проверяем пока... Очень тяжелые роды были... Другая мамаша подкармливает...

— Это вылитый Грант! Это он! — запричитала дама под повязкой. — Господи! Вылитый он! Как все они! Весь их род!

Она протягивала свои полные руки с большими перстнями к чужому ребенку, желая его взять сразу же:

— Просто мой Грант!

— Нет, что вы! Елена Ксенофонтовна, нет. И не думайте.

— Я вам говорю, такого не бывает... Чтобы настолько был похож...

Женщина волновалась. На лбу выступили капли пота.

Она была похожа на безумно влюбленную.

— Нет, вы что, этот ребенок имеет отца... бабушек и дедушек... Они ждут выписки.

— Пойдемте, — властно сказала Елена Ксенофонтовна.

Они вышли.

Главврач тащилась сзади как на казнь, с посеревшим лицом.

Через некоторое время она вошла в детскую, уже одна, поставила сумочку на пол и торопливо, резко распеленала одного, потом другого и поменяла им браслетики на ножках и ручках. Дети кричали благим матом. Затем тетя в белом халате брезгливо подменила детей, переложив их каждого в другую кроватку...

Выходя, она невольно перекрестилась, а потом сама себе кивнула. В сумке у нее лежал ценный груз, который стоил всех браслетиков и всех детей роддома, вместе взятых. Это было платиновое кольцо с полновесным бриллиантом. Кооперативная квартира для сына. Или «Жигули».

14. Алина. Продолжение

К Алине пришла какая-то довольная, хоть и очень занятая, юрист:

— Ну что, мамочка, посмотрели бумаги? Быстро! Будем писать заявление по форме.

Алина сказала:

— Нет, надо выйти в коридор.

— Что за секреты?

Алина промолчала, встала, потащила своей шаркающей походкой, волоча ноги.

Юрист пошла за ней и догнала ее в коридоре:

— Ну тогда ко мне в кабинет. Да что вам эти девочки! Соседки! Не услышат они! На что им ты со своими этими темными делишками! Ну оставляешь ты ребенка. Ну забираешь ты ребенка. Им дела нет. Они своими детьми заняты больше всего. Они выйдут из роддома и твое лицо назавтра забудут! Что их стесняться? Что меня гонять туда-сюда? Да по лестнице.

Юрист была очень полная, с одышкой. Еле ковыляла.

Поднялись на этаж, пошли к ее кабинету.

Тетка уселась на свое место с переменившимся выражением на лице. Сейчас это было презрение и желание быстрее со всем покончить.

— Ну че ты тут из себя строишь, какие секреты.

Алина села у ее стола. Хоть какие строй рожи, буду бороться.

— Я не согласна просто так. Мне нужны деньги.

— Что, в каком смысле?

— В таком. Есть же люди, которые могут заплатить...

— Речкина... Это срок! Ты понимаешь? И мне!

— Ну что же... Тогда я не оставляю ребенка.

— Иди и подумай. Если это так, зачем вызывать? Меня таскать? У меня диабет, ноги отказывают! Работают из последних, понимаешь, сил! Дома эти сидят, все безработные. Так идите на биржу! На биржу труда!

В ней все кипело. Она выглядела как глубоко обманутый честный человек.

— И тебе, зачем это было все разыгрывать?

— Я ничего... Вы что. Как это я разыгрывала?

— Артистка. Родила на продажу, так?

— Нет. Это был ребенок у нас с мужем. Его родители его увезли на родину, они богатые.

— Спектакль. Есть женщины! Которые рожают на продажу. И одна уже села у меня. — Юрист похлопала белой рукой по столу. На пальцах было два кольца — обручальное и массивный перстень с рубином.

— Ну знаете ли! — гордо сказала Алина.

— Получила семь годочков.

Алина встала и потащила вон из кабинета.

15. Киркорян. Разговор с мужем

Елена Ксенофонтовна тем временем, придя на работу, повесила манто на плечики в шкаф, песцовую шапку водрузила на настольную лампу, села за свой стол, нажала кнопку и попросила секретаршу принести ей чаю с лимоном.

Затем набрала номер:

— Грант, дорогой, вот я уже и на работе! Пришла. Приползла еле-еле из больницы.

— А что сказали?

— Ну что. Завтра меня кладут на сохранение... Я была у врача... У акушерки. Она волнуется.

— Что такое?

— Нет, ничего особенного.

— Нет, почему так она волнуется? Что еще случилось? Говори, мне некогда.

— Она говорит: вы преступница! Да, так сказала.

— Что сказала? Почему преступница? Что ты сделала? Что опять начинается?

— Нет! Сказала, вы преступница, потому что ну как же можно так с собой обращаться! Вы не бережете себя и работаете до последнего дня!

— А зачем это было? Кто просил работать? Что, в доме хлеба нет?

— Я специалист. Я не могла бросить. Как целый отдел будет без меня, надо все запланировать.

— Что планировать, вы там статистикой занимаетесь. Сбор данных.

— Ты не знаешь нашей специфики!

— Да знаю. Какие вы цифры там даете. Черт ногу сломит. Каждый год сев начат раньше прошлого года.

— Такие данные дают, мы ими и оперируем. Послушай. Но дело не в этом. Рожать в моем возрасте...

— Моя бабушка в пятьдесят родила. А тебе срок.

— Это твоя! Она в горах живет! Свежий воздух, питание!

— Да у нее пять коров до сих пор, сыр делает чанахи! Сыну уже шестьдесят! Ни черта не работает. На дудуке играет, понимаешь. На все свадьбы зовут. Некогда ему. Бездельник дядя.

— Это у нее коровы, пойми. Свежее молоко прямо от травы. А мы в других условиях, врач говорит, что мне надо подстраховаться.

— А что такое опять?

— Да нет, ничего страшного. Уже подходит срок. Да...

— Вызову маму. Целый Дилижан с ней здоровается, детей приводят показывают.

— Ну зачем.

— Мне кажется, надо. Я вызвал.

— Я говорю, ну зачем было тревожить твою маму. Она же старенькая.

— У нас в семье нет стареньких.

— Не надо пока, не звони ей.

— Она уже едет.

— Ой, нет, что ты, зачем ей приезжать, Грантик. Я что, не справлюсь? И моя мама наготове, уже подрубает распашонки. Хотя я сказала, что до родов нельзя. Дурная примета.

— Извини, звонят.

— Не беспокойся, не надо твою маму, уже целый полк нянек, ха-ха-ха!

16. Алина. Смерть младенца

Утром Алина сидела, ожидая, когда принесут детей, пила воду из стакана.

Остальные мамы кормили, молча и сосредоточенно, вперив глаза в своих детей.

Нянька приволокла последнего.

Алина спросила:

— А мне?

Нянька подошла вплотную. От нее несло перегаром.

— Умер твой мальчик, — тихо сказала она. — Все.

— Как это? — дернулась Алина.

Стакан упал на пол, но не разбился.

— Мне же в шесть их приносили!.. В девять сказали, что делают им процедуры...

— Да. Я в девять заступила, его кроватка пустая. Сестры сказали, унесли его на низ.

— Ничего не понимаю, — затрясла головой Алина. — Был же живой-здоровый. Ничего не понимаю.

— А, — махнула рукой нянька. Она близко придвинулась к Алине, склонилась над ней. — У нас в роддоме еще и не то бывает. Заражен роддом-то. Стафилококком. Его бы по-настоящему сжечь надо и построить другой. Ты, девка, беги отсюда, пока инфекцию не подцепила на всю жизнь. Мне тебя жалко. Я сама без мужа родила. Теперь сыну в тюрьму посылки вожу, двадцать килограмм одна, к окошку стою в очереди. А мать дома парализованная. Да. А ты... Отмучилась ты. Свободна теперь.

Она, кряхтя, нагнулась, подняла стакан и машинально опустила его в карман.

— А сын этой... Серцовой Маши? Жив?

— Жив, слава Богу. Но его пока не дают носить на кормление.

И тут Алина затряслась, уткнувшись в подушку.

Нянька придвинулась:

— Тише! Как будто ты ничего не знаешь. А то мне попадет. Унесли твоего сына, все. Кровать пустая. Только не кричи.

Алина повернула к ней залитое слезами, улыбающееся лицо:

— У меня все хорошо, слышишь? У меня все хорошо!

И она завывала в голос.

— Ладно-ладно, больная. Успокойся. Сейчас схожу, сестра укольчик поставит тебе. Смотри только не кричи, не пугай мамок. А завтра пойдешь с Богом домой.

Ушла нянька.

Молодые мамы, вытаращившись, смотрели со своих кроватей на Алину, стараясь как-то заслонить своих младенцев от ее плача. Дети их мирно сосали.

Одна, по соседству, вдруг тоже заплакала.

Алина била себя кулаками по голове, сморщившись, и рыдала, сама не зная почему, победными слезами.

Она уже любила своего ребенка больше жизни.

17. Смотрины в роддоме

А в кабинете у главврача сидели двое: солидный мужчина, по виду начальник, и молодой человек нездоровой наружности.

— Такое дело, — говорил старший, — мы знаем, что тут у вас одна девушка родила ребенка и хочет от него отказываться...

Главврач живо возразила:

— Вы опоздали. Ребенок у нее скончался.

— Скончался? Когда?

— Только что. Утром.

— Печально.

Помолчали.

— ... но в целом это резко меняет ситуацию, — внезапно сказал старший, обращаясь к молодому. — Так... не могли бы вы с нею поговорить, чтобы она пришла сюда?

— Сюда? Как сюда?

— Вам звонили?

— Но не до такой же степени... Это запрещено...

— Так. Пожалуйста, пригласите ее.

— Не могу, а что вам надо?

— Мы бы хотели на нее поглядеть.

— Зачем это?

— Есть такая необходимость.

— Ну так встаньте в коридоре, ее сестра проведет тогда мимо.

— Договорились.

— Только погодите. У меня просто голова кругом идет... То одно, то опять другое...

Медсестра вошла в палату:

— Речкина, пойдем.

— Куда? Не надо мне вашей валерьянки и никакого укола.

— К главврачу на второй этаж.

Алина поднялась, вытерла полотенцем лицо, натянула косынку на волосы, подпоясала байковый казенный халат, сунула ноги в корявые больничные шлепки.

Впереди шла хорошенькая медсестра на каблучках, в высоком колпаке, снежно-белом халатике, а сзади тащилась зареванная, с распухшим носом, с горящими щеками Алина.

Они поднялись на четвертый этаж на лифте, пошли по коридору.

У окна стояли двое мужчин.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Они прямо-таки застыли, встретив и провожая глазами странную парочку, хорошенькую конвоиршу и роженицу, похожую на заключенную в ее убогом больничном наряде...

Алина, волочась мимо, еще больше сжалась. Мужики в роддоме? Кто это?

Мужчины переглянулись.

— Сойдет, — сказал старший.

— Мда, это не та, что впереди шла...

— Ну-ну, — сказал, как укротитель, старший. — У тебя сейчас, ты думаешь, богатый выбор, но это не так. И потом, они действительно похожи с твоей Машей. Обе белой масти..

— Та, что впереди, все же лучше. Эта совсем уже вокзальная нищая.

— У нее ребенок только умер, ты что.

— А, да.

— Я понимаю, что тебе хотелось бы взять Лариску нашу?

— Лариску? — растерялся младший. — Как это, Лариску.

— А то никто не знает, что ты с ней запираешься после работы каждый день. В подсобке под шумок. Да не выйдет. Она замужем. А здесь легенда легко ложится. Понимаешь? Один роддом, они похожи.

Разговор шел на пониженных тонах.

Через минуту медсестра прошествовала мимо, ступая специально изящной походочкой. Мужчины редко посещали роддом.

Молодой незаметно покосился в ее сторону.

— Хороша Маша, да не наша, — резюмировал старший.

Еще спустя несколько минут по коридору, шмыгая подметками, проследовала Алина, не глядя по сторонам. Она как-то странно улыбалась и была похожа на психбольную.

Младший опустил глаза и не посмотрел ей вслед.

— Сойдет, — сказал, подождав, старший.

Тяжело помолчали. Очень тяжело.

Вдруг младший как-то усмехнулся:

— А Лариска? Может, действительно?.. Она за Хандию с мужем разведется... А то эта уж больно страшная.

Безумная надежда зажглась в его небольших глазах. Он даже покраснел.

— Лариска твоя? Да у нее же двое детей. И мужа она любит. Она курва бесстыжая, это да, она пробить, но не до такой же степени, — отвечал ему на это старший. — Это первое. Второе, что оформить мы уже ничего не успеем. Третье, что Лариска нужна нам здесь, она народное достояние. Ха-ха. Я уже не могу без нее, ну чисто наркотик.

Сергей слушал, опустив голову, как будто его намеренно оскорбляли.

— Ты представляешь, как она всех в Хандии на уши поставит? Для нее же ничего святого нет. Про нее и наши все бабы говорят: в коллективе завелась жаба. И тебя отзовут... И Лариску нашу выгонят.

Они вернулись в кабинет главврача.

— Можете вы с ней поговорить, чтобы она вышла замуж вот за него?.. Срочно причем.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Что?!!

— Да, есть такая задумка. Его жена скончалась, а они с этой...

— С Алиной,— уточнил Сергей.

— Были подругами. Его супруга даже писала, что хочет усыновить ребенка Алины, чтобы были близнецы. Так ей ее было жалко.

— Маша была очень хороший человек, — неожиданно сказал Сергей.

Неловко помолчали.

Потом Виктор Николаевич продолжал:

— Тем более что вот ему с ребенком надо ехать за рубеж.

— А... Понимаю. Срывается поездка, да? Без жены не пускают?

— Ну вы в общих чертах правильно уловили нюанс.

— Так... Она станет Марией Серцовой. Но куда мы денем саму эту больную? Речкину?

— У нее, судя по всему, вообще никого нет... Так что выпишете справку о смерти.

— Ух... Сразу как много... На большой срок потянет, ха-ха.

— Ну мы вас отблагодарим.

— Это надо много с кем договариваться... Патанатома надо присоединить... Сестрам приплатить... Тоже. Знаете, не хочется, чтобы информация просочилась...

— Но все деньги будут переданы вам.

— Мне машину надо, — просто сказала главврач. — «Жигули». Деньги это деньги, на них много

не купишь (засмеялась). При нашем дефиците (это у нее была шутка).

И невольно она поглядела на свои пальцы. Кольцо пока лежало ненадеванное, хотя очень хотелось. На работу было опасно. А где еще его носить? Куда мы ходим? На какие балы? Работа — дом — вышестоящие организации, вот и все. На свадьбу чью-то, на день рождения не наденешь, сразу пойдут письма в инстанции. И никуда этот миллион рублей не прислонишь, будет все видно.

— Деловой разговор, информация к размышлению, — ответил Виктор Николаевич. — Нам вроде выделили лимит на машину.

— Ведь придется переписывать истории болезни. И знаете что? Организуйте-ка ей передачку. Вы, мужчины, несообразительные. Там, что: фрукты, пастилу, печенье. Молоко два литра каждый день. Ей же надо будет кормить вашего ребеночка! Чем она будет кормить? Наши супы и каши не в счет. Ей же никто ничего не приносит. Я знаю все. Пока ваша супруга была... это, жива, она подкармливала Речкину. И записку напишите, от незнакомого друга.

18. Алина. Заочное сватовство

Наутро опять Алина входила в кабинет главврача.

— Так, Речкина. Тут тебе предлагают выйти фиктивно замуж. Очень серьезные люди и обеспечат хорошо. Не раздумывай.

Алина измученно, даже затравленно посмотрела на главврача.

— Что?! Шутите?

— Да нет, серьезно. Просто у них нет другого выхода. Им нужна кормящая мамочка, кормить ребенка. Выкормишь, разойдутся пути, и еще, может, и заплатят. Ну и еще одно условие — жить не в Москве. Куда-то его посылают. Это муж той покойной Маши Серцовой. Соглашайся.

Пауза повисла в кабинете главврача. Алина стояла, глядя безумными глазами в окно. Потом она очнулась и внезапно спросила:

— А... Сколько заплатят?

— Ну ты даешь! Без кола и двора, вообще должна ноги мыть и воду пить, что тебя берут... Сколько заплатят, столько и возьмешь. Понятно? Торговаться будешь с ними? Ребенка потеряла, гляди, вся была заплаканная, а тут на тебе — торгуется. Быстро взялась за ум.

— Я никого не теряла, запомните! Никакого ребенка!

— Ну-ну, ну-ну, я так... с языка сорвалось... Я понимаю, тебе тяжело. На, выпей маленько...

Достала из сейфа бутылку хорошего коньяку, взяла простой граненый стакан от графина с водой. Плеснула хорошо за треть.

— Пей, пей. Новую жизнь начинаешь. И помни про меня. Что я тебе советовала: бери жизнь какая есть и не борись. Я за тебя тоже волнуюсь. За всех за вас как мать... Соглашайся. Глядишь, кривая и вывезет. Честных людей нет. Есть просто те, кому мало предложили.

Видно было, что сама главврач уже не раз прикладывалась к бутылочке.

— Вот я... Простая баба... Всех на себе волоку: дочь с мужем и ребенком, сына, мать, мужа с его мамой... Она под себя ходит уже... Но держит в руках всех нас... И брата еще мужа, будь он неладен... Алкоголик... У меня двое выросли, ума не вынесли, дочь и сын, Олег и Мариночка, тоже их содержу... С их семьями... Выпила? На конфету. Попроси у своей новой родни, они люди большие, чтобы мне насчет квартиры помогли дочери. А то живут в однокомнатной втроем. А может, и не надо, а то будет лишняя комната, и он начнет задумываться, захочет развестись, разменяться... Но «Жигули» нужны, ой как нужны, может, словечко им скажешь? — неожиданно заключила главврач.

— Нет, я ничего у них не попрошу. Не буду, короче.

— А... Ну-ну. Смотри, а то я живо другую кандидатуру предложу... Вон у меня лежит девка семнадцати лет, не сравнить с тобой, секс-бомба... Также хочет ребенка загнать... В смысле оставляет его у нас. Также проститутка, как ты. Также денег хочет за дочку. И молоко у нее пришло.

— Кто проститутка-то? Кто тут торгует?

— О!

— Да кого хотите предлагайте. Я студентка МГУ. Я на четвертом курсе. Отличница, между прочим. Через год буду уже в аспирантуре. И забуду про вас. Про ваш ад крошечный. Дети гибнут у вас, у вас.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Ты не в себе. Любой роддом — это в наших условиях вредное производство. Когда нет аппаратуры, нет врачей с квалификацией, одна я тут на всех паши... Да! Некоторые не выживают. Никто не виноват. Тяжелые условия беременности... Ребенок твой был это... не жилец... Ему же с ними там будет лучше, поверь мне, чем с тобой было бы...

— Где это «с ними»?

— А что я сказала?.. Будет лучше на небе. С ангелями.

От нее явственно несло спиртным.

— С ангелями... знаешь, ангели на небеси...

— А.

— Если эти... ну, они... Согласятся на твою кандидатуру... которую я им предложила... то с тобой завтра переговоят. Скажи старшей, Лидии Семеновне, пусть тебе душ откроют... Голову помоешь. А то как попрошайка. Ты же красотка. Ну вот, глаза раскрылись... Голубые глаза, все у тебя в порядке. Давай, давай. Я же тебе добра хочу. И все.

— Добра!

— Ну вот... Мария Серцова будешь. Ты на нее, кстати, похожа. Она сейчас лежит у нас в патанатомии. Я спускалась. Мраморная красавица. Вот горе так горе. Поняла? У тебя это не горе, а с полгоря.

— А паспорт мой?

— Паспорт что, твой паспорт подлежит уничтожению. Тебя оформим как умершую.

— Да отдайте его мне.

— Не думай.

— А как я, если он от меня откажется, как я буду жить? У нее другая совсем биография, и мать, наверно, есть, и отец... Специальность другая, три языка... Я вернусь, меня быстро вычислят с этой фамилией, что я не она. А так со своим паспортом я смогу восстановиться в университете... Как-то продолжать жизнь.

— Не знаю... Это как они решат.

— Как хотите, это мое условие. Деньги вперед... И мой паспорт.

— ...Ах, ты так? Не знаю. Иди, помойся. Попроси у них шампунь, у Лиды есть. Она из-за города, деревенская, ездит сюда два часа в одну сторону, моется на работе. Да! Сцеживайся обязательно, твоя задача сохранить молочко.

— Может, мне выдадут мое все? Там, белье, юбку, свитер? Сапоги?

— Белье тебе твое сейчас выдадут, постирай его. А остальное у тебя будет как из жопы вынутое... Утюгов у нас тут нет. Попроси у старшей сестры другой халат, получше... скажи, я велела. Но сапоги — ты права.

19. Сватовство Серцова

В вечернее кормление Алина сидела над баночкой сцеживалась.

И вдруг пришла санитарка с огромным пакетом.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В пакете было молоко, фрукты, печенье, иностранные витаминки. Дорогое мыло. Салфетки. Но ни слова, ни бумажки с именем.

— А кому... Это мне, что ли?

Санитарка кивнула и ушла.

Соседки переглядывались.

На следующее утро за Алиной пришла медсестра, другая, но тоже на каблучках.

Алина уже была с чистой головой, дали другой халатик, выстиранное высохло на батарее. Алина натянула свои красивые сапоги на каблуках. Совсем другое дело.

Она вошла в кабинет.

Двое мужиков, старый и молодой, посмотрели на нее. Старший кивнул. Молодой сидел безразлично. Глаза красные.

— Ну лады, — сказал старший. — Завтра вас выписывают, Марья Валерьевна Серцова. Так? Самое необходимое у вас есть. Остальное будет в рабочем порядке.

— Ребенок пока останется здесь, — вмешалась в разговор главврач. — Надо за ним пронаблюдать. Скорее всего, переведем в специализированную больницу. Могут быть всяческие неожиданности. Не все в порядке с кровью. Все-таки мать-покойница была с патологией.

Алина хотела вмешаться, сказать, что никакой патологии, вот она я, его мать, сижу, — но потом промолчала.

— Да, его надо укрепить, — сказал старший.

— Будете возить молоко два раза в день сцеженное, — продолжала главврач. — Сначала сюда, потом, возможно, в больницу... Ничего, справитесь. Иди, девочка.

Алина не посмотрела на Сережу, он не взглянул на нее. Зачем? Все решилось без их участия.

Она повернулась и вышла.

— Стало быть, две справки о смерти: на Серцову и на Речкину, — сказал старший.

— Лады, лады, — откликнулась главврач.

— И на ребенка Речкиной.

— Все будет.

20. История Тамары Геннадиевны

В это время приземлился самолет. Бабушка Нина Георгиевна встречала Валерия Ивановича и свою дочь, Тамару Геннадиевну.

Они горько плакали, обнявшись. Валерий Иванович был суров. Никаких эмоций на осунувшемся, бледном лице.

— Когда похороны? — спросила Тамара.

— Вас только ждали. — И бабушка Нина залилась слезами.

Пошли на выход, сели в мидовскую машину. Посол впереди.

Отперли квартиру, где мебель была укрыта простынями, люстры в марле, окна без занавесок.

Немолодая Тамара и ее мать пошли за тряпками, щетками и ведрами.

Началась генеральная уборка.

— После похорон надо будет поминки устроить... Собрать народ... Надо всем позвонить, ее друзья придут. Сережа, подруги Маши из библиотеки... Однокурсники, — сказала бабушка.

— Не знаю, как Валерий решит, — откликнулась Тамара.

— То есть как? — встрепелась Нина Георгиевна.

— Ну он не любит этого... Чужие люди... Ему это ни к чему. Орава. Посидим своей семьей. Выпьем.

Выпьем.

— Что выпьем, что выпьем! Вечно ты «выпьем». Ладно. Тогда я устрою поминки у себя, — затрясла головой бабушка. — Это же, слушай, не по-человечески...

— Да, все не по-человечески. Да.

— Как она готовилась! Как радовалась! — заплакала бабушка. — И вместо этого похороны. Что я раньше не умерла, о господи!

Нина Георгиевна, московская грузинка, стала рвать на себе волосы. Тамара ей не препятствовала, никак не утешала. Молча протирала тряпкой пыль с подоконников, батарей. Снимала с мебели простыни. Нина Георгиевна опустила на колени и стала мыть руками пол.

— Возьми швабру, мама, — строго приказала дочь.

— Ноги не держат, доченька.

И она легла на пыльный пол.

Вскоре приехала скорая. Нину Георгиевну отправили в Кремлевскую больницу. Она была «контингент». Жена бывшего посла и теща нынешнего. Но и контингент страдает даже в условиях Кремлевки. Четыре человека в палате, ночью храп стоит. Хоть развозят обед в судках, а толку-то!

К похоронам бабушка была совсем плоха. Ее не выписали.

Но младенца им пока что не отдали. Как-то исследовали его, то ли лечили. Тамара Геннадиевна крупно поговорила с главврачом. Та разводила руками:

— Есть опасения пока. Ребенок очень, ну очень слабый.

— Вы ответите за все, я вам гарантирую, — произнесла Тамара Геннадиевна на прощанье.

— Камень, а не женщина, — сказала, выйдя из кабинета, главврач своей секретарше. — Гранит.

В этот момент в приемную вошла полная беременная дама.

Минутой раньше они столкнулись в коридоре — Тамара и эта дама. Обменялись взорами. Признали друг в друге равных. Шубы из клямма, муаровый рисунок тончайшей шелковой шкурки, нерожденный ягненок, вынутый из рассеченного чрева живой беременной овцы. У обеих были такие шубы, совпадение. Творение спецателье разных ведомств. Только на голове Тамары был шелковый черный платок, знак траура, а на голове дамы — шапка из песка, роскошный головной убор цековских баб.

21. Подготовка к родам Киркорян

— А, Елена Ксенофоновна, — с неподдельным радушием воскликнула главврач. — Мы уже все приготовили вам. Палата на втором этаже.

— Телефон есть?

— Да. Правда, номер как в ординаторской. То есть иногда он будет занят. Пойдемте, я вас провожу. Только придется всю одежду снять и отдать... Халат, рубашечку, носки и тапочки взяли?

— Ну.

— Кто вас привез?

— Водитель, Иван.

— Какая машина?

— Черная «Волга», какая.

— Ему отдадут ваши вещи.

— Черная «Волга».

— Отдадут, отдадут.

— Не перепутайте, — сказала дама. — Сначала спросите, как зовут. Иван Петрович. Вот номер машины (записала). Кроме шубы.

— Нет, и шубу ему отдайте. У нас условия хранения не очень... Знаете, затхлость какая-то... Типа плесени. Все жалуются, кто без сопровождения поступил, бывают роженицы одинокие и некому было вещи отдать... Шубы калянеют.

— А если мне понадобится выйти?

— Да вас же завтра и выпишут! Зачем выходить вам?

— Нет. Я должна здесь быть пять дней. Как полагается.

— Ммм... Вы знаете. У нас ведь только одна такая палата... Для очень сложных случаев, когда надо срочно... Это у нас ведь малая операционная...

— Я что-то не поняла. Вам разве не звонили?

— Ну хорошо, ну хорошо. Ну договорились. Пять дней так пять.

— А когда ребенка принесут?

— Сегодня, Елена Ксенофонтовна, так... вы рожаете ночью... В пять утра.

— Лучше в семь.

— Нет, уже тут написано.

— Переправьте.

— Так... Ну что ж, хорошо. Все переписывать... Здесь уже с печатями, с подписями... Ребенка вам познакомиться принесут завтра к вечеру на первое кормление..

— У меня же не будет молока...

— Все равно принесут. Потом его покормят. У нас мамочки сцеживают. Ему достанется полная порция.

— Я сама его... из бутылочки... Надо тренироваться.

— Ну хорошо, под руководством.

— Идемте. О Господи.

— Да-да. Не волнуйтесь.

Вышли в длинный коридор.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Я? Я не волнуюсь. Будьте спокойны. Я своего всегда добиваюсь. У меня даже Грантик ничего не знает. Вот до какой степени. Живот я специально отрастила. Ха-ха-ха.

— Да? Ооо. Ха-ха-ха.

— Он меня похвалил. Что большая редкость для него. Живот понравился. Им такие, оказывается, коровы нужны.

— Как говорится, ха-ха, мужик только притворяется, что любит сухое вино и худых женщин...

— Мы же с вами знаем, у мужчин в этом возрасте молоденькие секретарши...

— Ох, знаем, знаем на своей шкуре.

— И только ребенок связующее звено. А я сама из города, где был атомный взрыв... Нигде об этом не писали. Челябинск... Многие не могут родить. И я решила. Я специально пила дрожжи, пиво и ела от души пирожные и торты. Булочки, вообще все мучное. На пятнадцать килограмм! Красавица, он сказал, стала.

— Вы очень хорошо выглядите.

— А теперь пять дней я буду худеть.

— Зачем? Многие мамочки не худеют после родов... Так, десять кило скинут за роды. Почти не заметно. Что девяносто пять килограмм, что восемьдесят пять.

— Десять кило за пять дней... Попробую. Я говорю себе, что нет ничего невозможного.

— Это опасно для сердца.

— По системе Брэгга — вы слышали о таком? — можно голодать пять дней без ущерба. Так. Вы позвоните мужу в семь утра, что родился мальчик.

— Да. Три девятьсот, пятьдесят два сантиметра.

— Зовут Гришка. Скажите, поздравляю, родился мальчик Григорий Грантович. Ух... Прямо мороз по коже. У меня мальчик!

— Еще не родился.

— Да. Да. Как он, поправляется?

— Богатырь! Набрал свой вес, который у него был при рождении.

— То есть? А что, потерял?

— Они все в первые двое-трое суток теряют свой вес. Тяжелая же работа, рождаться. Теперь будет прибавлять.

Они стояли ждали лифта.

— А на сколько он прибавляет вес?

— Ну... на сто грамм за три дня он прибавил.

— Мало. Нам надо больше. Чтобы за эти пять дней я бы похудела, а он бы поправился...

— Ну, будет вам все, что вы хотите.

— Мороз по коже. У меня мальчик! Вы понимаете?

— Ой, кто лифт держит? (Постучала.)

— Да, порядки тут у вас...

— Да кто к нам идет работать? Верите, условно осужденные на кухне, уборщица тоже, держим их, но что делать, зарплата такая, что стыдно.

— Осужденные? (Дама сделала ударение на «у», как на зоне.) Еще не хватало. Надо побережь вещи.

— Ой, еще и не так приходится выходить из положения (смех). А вот придете к нам года через два, подберем вам беленькую девочку.

— Ой, не говорите! Значит, так, не забудьте, вещи отдать водителю в черную «Волгу». Особенно шубу.

Они вошли в лифт и исчезли.

22. Тамара Геннадиевна выходит на тропу войны

А из-за приоткрытой двери туалета осторожно выдвинулась Тамара Геннадиевна, черная как грозовая туча.

Она все слышала.

Она спустилась по лестнице. Внизу у ведра вытряхивала тряпку уборщица.

— Добрый вечер! — сказала Тамара Геннадиевна.

— И тебе, коли не шутишь, — отвечала пьяненькая уборщица.

— Зовут как?

— Зовуткой.

— Зовутка, мне нужна уборщица на два дня. Привести полы в порядок. Заработаешь очень хорошо. У тебя какая зарплата?

— Ой. Товарищ, не спрашивайте.

— Столько получишь на руки за два дня.

— Аванс вперед, товарищ.

— А откуда я тебя знаю. Пропьешь и вообще не явишься.

— Я? Кто, я? Я не пью. У меня сегодня день рождения.

— Сколько стукнуло?

— А сколь дашь, милка.

— Ну, поехали?

— Сейчас?

— А когда же. У меня мать в больницу увезли, а одной не справиться. Готовимся к поминкам.

— Умер кто?

— Дочь...

Зовутка присвистнула:

— У нас, что ли?

— А иначе зачем я тут. Пришла за справкой.

— Ну, милка... Я же до утра работаю... Не выйдет.

— Хорошо. Тогда завтра я за тобой приеду к дверям машины. Я и сама приеду.

— О! Покатаюсь. Меня звать тетя Соня. Хоть я тебя и помоложе.

— А по отчеству?

— Софья Станиславовна Дорш.

— До завтра?

— Если не шутишь. А тебе что надо-то? — Уборщица вдруг зорко поглядела на женщину. Та стояла какая-то обугленная, иссохшая, в хорошем манто. Прямо член правительства на похоронах. Ах да! Дочь у нее умерла. Хочет выяснить обстоятельства.

— Знаешь, пани, — сказала Сонька. — Я хоть и последний человек, да? Но не продажная тварь. Я до-

бро не забываю. Стучать не буду. Я не такая, я жду трамвая, ха-ха-ха.

И из ее разинутой пасти вырвался перегарный дух.

— Тогда до завтра.

Спустя пять минут Софья Станиславовна с трудом выбиралась из туалета с мешком мусора. Ее поджидала медсестра:

— Теть Сонь, пока мусор оставь. Вот эти вещи надо спустить во двор. Там стоит черная «Волга». Ясно? Водителя как-то зовут... забыла. Ну, такое простое имя... Ах ты. Вот бумажка с номером. Короче, там черная «Волга» и туда надо отдать вещи.

Падал снег. Одна из черных «Волг» подкатила к самому крыльцу. Вторая осталась стоять на прежнем месте.

Сонька в двух халатах и в резиновых сапогах на босу ногу, с вафельным полотенчиком на башке, зябко переступая худыми ножонками, выскочила на крыльцо. Узел она волокла перед животом обеими руками. В руке трепыхалась бумажка с номером машины.

Черная «Волга» у крыльца гуднула и замигала фарами. Открылась задняя дверца. Шофер сказал:

— Вещи дочери? Сюда.

— Меее-нуточку, — проблеяла Сонька. Она хотела посмотреть в бумажку с номером, но было не с руки.

Когда Сонька сунула узел на сиденье, бумажка куда-то делась, ветром гонимая, да и хрен с ней.

Сонька шмыгнула назад в дверь роддома.

Черная «Волга» осталась стоять на месте, ожидая кого-то.

И тут же пассажирка в черном платке на голове вышла из роддома и села в машину — которая тут же исчезла за поворотом.

В другой машине, стоящей подальше, тоже черной «Волге», водила спал честным шоферским сном.

23. История манто Киркорян

Когда этот водитель проснулся, на часах было двенадцать ночи. Указаний никаких не поступало. Ждать? Или уезжать? Водитель подумал-подумал и заснул опять.

Утром в положенное время, в полдевятого, он подал машину к подъезду.

Вышел праздничный, хотя и помятый шеф.

В машине запахло коньяком.

— Сын родился! — сказал шеф. — Сегодня ночью! Невзапно!

(Шеф иногда как-то чудно выражался.)

— О! Большое дело, — откликнулся водитель. — Поздравляю.

— Невзапно, понимаешь? Три девятьсот, пятьдесят два сантиметра.

— Большое дело.

— Вот, возьми. — Шеф положил на переднее сиденье хорошую бумажку.

— Да ладно, да что уж вы, — медленно сказал водитель и сунул деньги в карман.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Выпей за его здоровье. Зовут Гришка.

— Я не пью, — как обычно, ответил шофер.

— Надо начинать, — как обычно, откликнулся начальник.

— Язва, — пояснил водитель.

— Тем более. Коньяк — лучшее излечение, понимаешь.

Поехали. Машина пришла к месту работы без пяти девять. Начальство не опаздывает.

В пять минут десятого, однако, к водиле спустилась секретарша. Его вызывал наверх шеф.

Начальник выглядел как-то странно:

— Тебе передали вещи? Шубу?

— Шубу? Каки вещи? Когда?

— Из роддома вчера.

— Нет.

— Ты что, отлучался?

— Я, — медленно сказал водитель, краснея, — простоял там до утра. У двери.

— Так.

Шеф набрал номер:

— Киркорян попрошу. Алло! Лена! Нет, он ничего не получал... Алло! Не молчи! Лена! Ну... Так. Я перезвоню.

Он положил трубку и сказал, не глядя на водителя:

— Иван! Получается, что у супруги украли все.

— Я стоял там, она велела обождать, я ждал. Никто не пришел.

— Ты спал?

— Я не спал! До утра! Не было никаких указаний!

Зазвонил телефон.

— Да! — Начальник долго слушал, молча кивал, рисуя на листочке какие-то острые углы. Потом ответил: «Сейчас» — и, зажав трубку, сказал водителю:

— Санитарка говорит, что передала вещи в черную «Волгу». Которая стояла у справочной.

— Ну я-то откуда знаю! — взмолился шофер. — Мне не передавали ничего!

— Алло! — рявкнул в трубку шеф. — Ты где там? Не плачь! Мама звонила, говорит, тебе нельзя волноваться, а то молоко... это... Кончится. А, у тебя и так нет, я забыл. Лена, дорогая, тут такое дело. Оказывается, Иван стоял у той двери у роддома до утра. Ты же ему не дала указаний. Как ты послала записку?

Водитель покачал головой, сжал губы, возвел глаза к потолку и развернул руки ладонями вверх, как мусульманин на молитве.

— Нет, он говорит, ничего ему не приносили. Вещи и записку? Ты видел вещи?

Водитель подумал и пожал плечами.

— И он ничего не видел. Нет, говорит, не спал. Почему врет?

Водитель стал глядеть резко вбок, в окно, и свернул рот на сторону. Все его мысли ясно читались на лице. Мысли были матерные.

— Ты не расстраивайся. Ну пропало... Ну я тебе новую шубу, понимаешь... А конечно! Норку. Я постараюсь достать. Разумеется, мы все выясним. Санитарка несла вещи? Ну. Ну. Санитарку отдадим под суд... По месту работы условно. Увольнять ее смысла нет. Да, и будут удерживать у нее из зарплаты.

Возместит... как это... Шофера как ты захочешь...
Возместит, да. Ладно.

Он тяжело положил трубку и сказал, не глядя:

— Увольняйся по собственному. Если не хочешь сидеть.

23. Тамара Геннадиевна и санитарка

Утром, в девять, Тамара Геннадиевна сидела в чужом «Москвиче» около роддома, под дверью с табличкой «Прием рожениц».

Пришлось ждать почти час, когда зареванная, опухшая Сонька наконец выскочила на мороз. На ней был синий сатиновый халат поверх пальто, на ногах дешевые стоптанные войлочные сапоги, на голове зеленый шерстяной платок. Нос красный, маленький. Глаза за очками красные.

Тамара открыла дверцу:

— Софья Станиславовна!

— А пошла ты! — выругалась Сонька. — Не до тебя!

Но в машину села, на заднее сиденье.

И тут же рассказала, что ее отдают под суд за кражу.

— А откуда я знаю, сказали стоит машина, черная «Волга», я и отдала! С девяти часов на меня орали! Главврач и эта... Из двадцать шестой палаты... В два хайла! Привезли вчера ее рожать... Главное, не ро-

дила ни х..., а орет, как роженица! Шубу я ее украла! Лида мне куль вчера отдала в белой простыне... Я и не поглядела, что там! И я сразу, клянусь, отнесла в черную «Волгу»! А она меня отдает под суд. Опять, матка Боска Ченстохоска... Из двадцать шестой палаты! Ну ты подумай! А я уже и так условно осужденная! Отрабатываю здесь! Кто еще найдется за такую зарплату г-но ихнее мыть! Теперь я, получается, рецидивист! В колонию на два года! А куда я мать неходячую дену? А сына кто будет навещать?

— Это кто, такая полная кричала? На руках кольца?

— Да хрен знает, здесь все полные! Пустых нет!

— В двадцать шестой палате, — повторила Тамара Геннадиевна. — Она родила, что ли?

— Да хрен родила! Не рожала она! Стоит у кровати и орет! Меня вызвала! Кидается прям с ногтями! И главврач тоже тут как тут! Галина Петровна!

— Минуту подожди, — сказала Тамара Геннадиевна и вышла из машины. Она открыла дверь с надписью «Справки». Внутри на небольшой витрине висели таблички с фамилиями и номерами палат. Фамилии рожениц сопровождалась стандартным «Поздравляем». В двадцать шестой палате значилась Киркорян Е.К., мальчик, три девятьсот, пятьдесят два см. Дата рождения сегодняшняя, семь утра.

— Да, — сказала себе Тамара Геннадиевна, жена и дочь профессиональных шпионов.

Она вернулась к машине, зашла сзади, повозилась у багажника, села обратно и продолжила разговор с Сонькой, трезвой и злобной.

— Ну что, Софья Станиславовна. Я вижу, сегодня нам не поработать. Вы ведь всю ночь не спали?

— Да уж чего там. В роддоме ночей-то нет. Вообще... Дома мать лежит с болезнью Паркинсона, а я одна вкальваю... Да на меня недостачу в магазине повесили... А я не ворюга! Не ворюга я!

— Хорошо, — сказала Тамара Геннадиевна жестко. — Тогда так. У тебя есть дома телефон? Давай, я запишу. У меня брат адвокат. Он тебе может помочь.

— Все на одного! Все на меня!

— Пишу. Так. Ну что, иди.

Сонька вышла из машины и чуть не упала. На дороге лежал тюк, завернутый в простыню.

— Пщца крэф! — непонятно возопила Софья Станиславовна. — Это что? Это оно!

И бедная уборщица схватила тюк и поспешила обратно в роддом.

24. Сергей забирает Алину с ребенком

Сергей с Машиными вещами, с чемоданчиком, который она приготовила перед уходом сама, приехал в роддом за Алиной. Все передал. Плюс бутылку хорошего венгерского токая и торт сестрам.

Хотя ребенка им не отдали, его перевели в детскую больницу, в отделение для новорожденных.

Через час из дверей вышла эта девушка. Совершенно чужая. Она несла один только Машин чемоданчик и сразу отдала его в руки Сергею. Но похоже было, что она ничего не тронула. Сама была одета в какую-то сильно помятую серую шубку, на голове торчащая колом меховая шапка. И чемоданчика при ней не было. Только сумочка. Никаких собственных вещей?

Сергей сидел рядом с шофером. Алина поместилась сзади. В машине возник какой-то поганный затхлый запах, как бы какого-то лекарства. Ну и ну.

А. Так пахнет плесенью.

Так пахнет на складах.

Молчали.

Приехали на квартиру.

— Ты не особенно открывай тут соседям, — сказал Сергей, сразу на «ты» и не поздоровавшись. — А то они сильно удивятся. Вообще не отзывайся. К телефону не подходи тоже. Я нашел еще другую квартиру пока что, друг уехал за границу. Завтра приедет мама Маши, заберет ее вещи. Ну там ее фотографии, письма, документы. Постарайся днем здесь не появляться, поняла? Где-то до четырех часов.

— Я рано поеду в общагу. Узнать насчет своих вещей. А в пять часов вечера надо уже везти молоко. А, я поеду в ту больницу и там сцежусь. Вы не беспокойтесь.

— Как знаешь, — без выражения сказал он.

Помолчали. Она больше не поддерживала разговора.

Сергей что-то сообразил и сказал:

— Я постараюсь с тещей договориться на пораньше. Вот телефон. Мой рабочий телефон.

— Хорошо. Надо купить кое-что... Из еды... — невнятно произнесла Алина.

Повисла пауза.

— В университетской столовой бывают хорошие пирожки, — неуверенно закончила Алина.

— Пирожки я могу есть, — неожиданно для себя ответил Сергей. — Я люблю с повидлом и с мясом.

Это был их первый семейный разговор.

— Там бывают еще с ливером, с капустой.

— Да хоть что. Купи. С работы я приду попозже.

— Хорошо.

— Где-то в полдевятого. А послезавтра переедем на новое место. Нам там надо будет перекантоваться два месяца до отъезда.

Алина не отвечала, а что отвечать. Все решено без нее.

Вышли из машины. Проследовали в квартиру.

Сергей разделся, обул тапочки, пошел дальше.

Алина сняла свою закоряжевшую шубенку, шапку, сапоги на каблуках, все долго размещала в прихожей, а потом, не решившись надеть Машины шлепки, проследовала в большую комнату, где и осталась стоять столбом и в одних носках, озирая свое новое жилье. Почему-то она не решалась сесть.

Сергей привычно вошел на кухню, поставил чайник. Достал из холодильника сыр, колбасу. Порезал хлеб. Вынул чашки из шкафчика. Налил чай.

Крикнул Алине:

— Кушать подано!

Алина пришла, села и сидела в дальнейшем как истукан.

Попили чаю. Алине пришлось сдерживаться, чтобы не глотать кусок за куском.

— Мне нужна баночка, — сказала Алина.

— А, баночка, — очнулся Сергей. — А какая?

— Молоко сцеживать. Вечером ехать его везти, а я еще не готова. Ребенка надо же кормить грудным молоком.

— Ааа. Знаешь, поищи... У Маши тут что-то должно было быть... Я ведь не понимаю ничего.

— И надо кастрюльку, простерилизовать банку.

— Все тут найди. Мне пора на работу.

— А как я выйду и войду?

— А! Это верно. Сейчас я тебе покажу... Довольно просто. Два замка. Вот ключ от верхнего.

— А адрес?

— Ну вот я тебе рисую как идти от метро. Вот пишу адрес. Сообразишь? Я приду в полдевятого.

— Соображу. Вас как звать?

— Сергеем с утра величали. А ты будешь Маша.

— Меня зовут Алина. Да. Дайте мне денег.

Опять пауза.

— Ну на что я завтра пирожки-то буду покупать...

— Сейчас у меня нет, вечером.

25. Сергей и Лариска

Сергей сидел на работе, говорил по телефону, печатал какие-то бумажки. В дверь всунулась Лариса, секретарша, неприметная девушка в очках:

— Ты скоро? А то мне надо убежать.

— Куда это?

— На свидание.

— К кому?

— А, ты его не знаешь.

Сергей пошел вслед за Лариской в подсобку, они заперли дверь на стул и, как всегда, занялись сексом. Это был ежедневный ритуал. Лариска была безотказная кобылка. Ни на что не претендовала, ни на какие подарки, разве что к Восьмому марта, на Новый год и на день рождения. Небольшие денежки, правда, брала, якобы на такси до дому. И иногда просила в долг. Сергей поэтому подозревал, что кроме него у Лариски есть еще кое-кто, иначе откуда такие дорогие хорошие вещи, которые можно достать только в валютном магазине. Мало того, дома ее ждал родной муж и двое детей. Это была загадка, почему Лариска сразу, с первого же дня, когда он ее схватил за задницу в коридоре, поддалась. Тут же он повел ее в подсобку и там, среди швабр и ведер, заперев дверь на ножку стула, Сергей быстро наладил контакт. Лариска сама заботливо подставила рот, молодец.

Может быть, Лариска была убеждена, что если она не будет давать начальству, ее погонят. Работник она была средний, грамотностью не отличалась.

Ее взял на работу прежний зав, взял для конкретных надобностей. Лариска была молоденькая, свежая, ходила в мини, на каблуках.

Виктор Николаевич и то иногда ее приглашал к себе на диван.

— Самое красивое женское тело, какое я в своей жизни видел, — один раз сказал он Сергею, когда Лариска вышла. Плотноядно так сказал.

Ничего особенного Сергей, правда, не замечал, баба и баба, хороша именно тем, что никогда не отказывает.

Маша, когда забеременела, страшно боялась выкидыша и извинялась насчет секса. Они мирно целовались, родственники и родственники, и спали в одной кровати как дети, деля одно одеяло. Маша любила спать головой на Сережином плече. Сережа любил обнять Машу и вдыхать запах ее волос. Он стриг ей ногти на ногах, когда Маша уже не могла сгибаться. Он тер ей спинку в ванной. Он слушал, как бьется ребенок в ее животике. Она каждый вечер делала Сереже массаж его усталой спины, колотила слабыми кулачками... Она ждала его с работы как бога. Он приходил домой после Лариски умиротворенный, радостный, виноватый. Всегда приносил что-то вкусненькое из магазина в центре.

Лариска деловито сделала все как надо.

— Ларис, — сказал он ей, застегиваясь, — а тебе это что-нибудь дает?

— Конечно. — отвечала она. — Ты че, вообще.

Лживая девка.

— А что тебе это дает?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Здоровье. Надо пить сперму. Что ты привязался?

— А зачем ты это мне делаешь?

— Люблю тебя, дурака. Слушай... Мне надо в детсад платить... Не одолжишь?

Это была такая форма у них, в долг.

Отсчитал треть. Тебе, мне. Это пойдет той.

Они расстались прохладно. Сергей долго размышляла по пути домой, что за человек Лариска. Угождает начальству, а вот что у нее в душе? Как она к нему относится?

Только Маша любила его одного. Любила много лет безо всякой надежды. И дело было не в постели. Маша, Маша.

Он коротко всплакнул в метро, стоя перед дверью.

26. Сергей и Алина. Семейная жизнь

Теперь дома сидит эта... Чучело огородное с двумя большими мешками спереди. С толстым брюхом. Кровь из нее хлещет. Капля на полу в ванной утром. Чистая мать-природа. Маша тоже так бы выглядела? Молочная машина. Корова. Нет. Маша все согревала своим теплом, добротой, заботой. Маша была не тело, а душа. Как она самоотверженно боролась с родителями, чтобы они его прописали! Не добилась ничего, а в суд подавать на раздел квартиры не реши-

лась, и так отношения были подорваны, отец вообще с ней не разговаривал. Но Сережа поступил в аспирантуру университета, и его прописали в общежитии. И они поженились все равно. Они уже к этому времени сцепились крепко-накрепко, как две половинки одного существа.

А как эта девка, что чувствует? Ведь у нее умер ребенок. И она сейчас собирает молоко для чужого сына. То есть думает о нем, заботится. Видно, кумекает, что от этого все зависит, вся ее будущая жизнь. Во всяком случае, на ближайшие три года.

Он вернулся домой. Алина сидела перед телевизором. На кухне стояли пустые чистые бутылочки.

— А что, ты не ездила молоко отвозить?

Усмехнулась.

— Ездила. Это мне дали чистые на завтра.

Помолчала.

— Это... Мне вы даже на дорогу не оставили... Я бесплатно на троллейбусах ехала.

— А. Вот тебе.

Положил деньги на тумбочку у кровати.

— Знаете... Мне ведь главврач сказала, что вы заплатите...

— За что?

— Ну, за всю эту историю...

— Мы и заплатили. Я деньги ей отдал.

— А мне?

— А она ничего не передавала?

— Откуда.

— Ммм. Ну что, этих денег от нее не дождешься.

— Да.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Пролитое молоко, как говорят англичане.

— Да?

— А больше у меня нет. Я на выхлопе. И так занял много.

— Ну тогда ладно, — сказала Алина. — Обманули меня, стало быть.

— Да, стало быть так. И меня в том числе.

Облегченно вздохнул.

Ушел на кухню, оттуда крикнул:

— Есть будем?

— Да спасибо, — ответила она.

— Что, поела?

Телевизор бубнит что-то.

Так. Стало быть, каждый будет есть в одиночку?

Сергей собрался с силами.

Он мог готовить вообще только яичницу и картошку в мундире. Помыл картошку, с грохотом водрузил кастрюлю на огонь. Поставил сковородку. Налил в нее масло. Разбил туда четыре яйца. Зашкворчало. Бросил в месиво заветренный остаток колбасы. Зажарилось. Принес сковородку на стол.

— Будешь яичницу? — крикнул он в комнату.

Она все-таки расслышала, вырубил телевизор и сказала:

— Можно.

Но тут она не ела точно. В холодильнике сколько было сыра и тот кусочек колбасы, столько и оставалось. Хлеба тоже не убавилось.

— Тебе надо поправляться. Имей в виду.

Сказал и засмеялся. Вроде как ты, корова, должна молоко давать.

— Да.

Сергей поделил яичницу напополам. Нарезал хлеб. Картошка варилась. Сунул поверх картошки две сосиски.

Она тихо, деликатно ела. Неторопливо. Маленькими кусочками. Сергей жрал как после дня на заводе.

Маша всегда встречала его обедом. Изобретала что-то... Всегда салфетки белоснежные крахмальные, свечка в старинном подсвечнике, цветочек в хрустальном стакане.

— Нам нужно продуктов бы купить. Я без Маши как-то и не ел...

— Я могу завтра после молока, когда отвезу, зайти в магазин. Я уйду в семь утра. Вернусь, наверно, в девять.

— В смысле оставить тебе еще денег?

— Да. Я потом принесу чеки.

— Чеки? Ну давай...

— А где тут магазин?

Обманет, конечно. А какой выход? Скоро тут появится сын. Так или иначе она должна будет вести хозяйство. Дай бы Бог не сбежала. Да нет, ей некуда идти.

— Магазин получше тут, на Нижегородской. Из подъезда налево и на углу.

— Что купить?

— Ну что будет.

— Молока, кефира...

— О, я не большой специалист по молочному. Этого мне не надо.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Пауза. Алина смотрит в сторону. А, это же ей нужно молоко.

— Мне бы сосиски, — автоматически продолжал он. — Колбасу... Рыбные консервы.

— А это бывает?

— Ну да. Выбрасывают. Правда, большие очереди. Я не могу стоять. А это мне дали на работе, у нас раз в неделю заказы.

— А я ела в столовой всегда.

(Про рестораны она будет молчать.)

— А ты где жила?

— В общежитии. Но я уже послала заявление туда насчет академического отпуска... Меня, наверно, выселили. Вещи мои, скорее всего, пропали.. Подруги говорят, в моем блоке уже живут другие. Насчет вещей ничего не знают. Меня забрали в больницу из аэропорта...

Задумалась чуть ли не со слезами на глазах.

Сергей поспешил встрять:

— Машины вещи остались... Вы вроде одинаковые.

— Вы знаете, мне не хочется.

Честно сказала.

— Хозяин барин. А вообще ты откуда?

— Дом у меня был. На станции Загорянка. Мама умерла.

— От чего?

— От туберкулеза. Последний год была в больнице, умерла в санатории в Крыму. К ней не пускали. Похоронили там.

— Понятно.

— Пока могла, она в Москву ездила на работу. Торговала на рынке до последнего...

— Понятно.

— ...семенами цветов. А там бывает очень холодно. Она была по специальности растениевод, закончила сельскохозяйственную академию. Но потом я родилась. Она вставала в четыре утра и по морозу каждый день кроме понедельника ехала на рынок. Там еще надо было платить за место... Сначала приходилось торговать на улице... В каникулы мы ей помогали.

— Трудовое воспитание.

— А, у нее уже не было сил. Постоянные плевриты.

— А отец?

— А отец нас покинул. Это уже когда мать умерла, он пришел и заселился с женой в наш дом. Я поступила в университет к тому времени, жила в общежитии... Брат пошел в армию... Приезжаю на выходные — там собака отвязанная бегаёт, и какая-то тетка стала говорить, не шастай сюда. Отец показался на крыльце и махнул мне рукой, уходи. А брат после армии женился, сунулся туда, ему говорит эта же тетка, не пущу, и он ушел жить к жене в Дедовск. А у отца уже каких-то двое детей...

— Дела, — скучно сказал Сергей.

— Но у меня была перспектива аспирантуры... С общежитием в ДАСе. В доме аспирантов. Мой научный руководитель предложила мне...

С упором на «предложила». Понятно. Намекает, что была честной студенткой.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Ты на каком факультете?

— Я на русском отделении филфака. Древние памятники. Ну это малопопулярно.

— Во как. Знаешь старославянский?

— Ну как сказать знаю... Это же мертвый язык. Много неясного. Я два раза ездила в экспедиции археологические. Господин великий Новгород, слышали?

Строит из себя ученую. А сама была занята, разумеется, личной жизнью. Что и кончилось полным крахом. Ребенок помер, жить ей негде. О, тоска зеленая.

— А какие языки знаешь?

— В основном славянские, болгарский, польский, чешский... Читаю, а говорить не могу пока. Ну и англиш так себе. Перевожу как могу со словарем. Литературу приходилось подчитывать и на французском.

— Хорошо. Надо спать, тебе в шесть вставать.

— В пять. В семь уже надо быть с бутылочками. Извини, я удаюсь.

Села в углу в комнате, достала из сумки все свое имущество: две пеленки из роддома с печатями, майонезную баночку...

Думала: где взять денег хотя бы на бельишко, на вторые носки. Свитер тоже надо стирать и вешать на батарею.

Сергей пошел в ванную, плескался там, потом как-то растворился. Прошмыгнула в ванную.

Сергей, оказывается, лег на кухонном диванчике.

Постирала с себя все белье, сменную пеленку, пропитанную кровью, свитер, носки и майку.

Все отнесла, разложила на батарее.

Поискала в шкафу, нашла мужскую рубашку, легла в ней: что делать.

Машино не могла ничего надеть.

Подложила под себя старые газеты, чтобы не закровянить постель.

Вот ваты нашла целый мешок, Маша запаслась.

Сколько же денег надо на обзаведение имуществом! Нет совершенно никаких вещей.

Надо бы завтра все-таки съездить в общежитие к Фаине. Хоть что-то выручить.

Ох. Никогда не было такой нищеты в полном смысле слова.

Знал бы Сергей, что ребенок не его, мигом бы выгнал.

Помолилась как-то по-своему, Господи, прости. Господи, помилуй нас с маленьким мальчиком. У нас ничего нет, мы одни на белом свете вдвоем. Я и мой сыночек. И только хитростью можно спастись, только придумать что-то.

Немного денег лежало на тумбочке. Жмот, однако, этот Сережа.

27. Тамара Геннадиевна и Зоха

— Ну и вот, — рассказывала Софья Станиславовна, санитарка из роддома, — можно я вам налью? Я в гости пришла со своим. Мы не можем ждать милости от кого-то! Ну вот. Выпьете? Нет? Ну хорошо. Я (буль-буль-буль) шла мимо и слышала. Дама эта

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

кричала прямо в сорок восьмой детской: как на моего мужа похож, я хочу этого мальчика. Ну... За ваше здоровье! Так. Ей же Галина главврач предлагает того, которого та девка из сорок восьмой палаты, Речкина, хотела оставить в роддоме. А эта уперлась, хочу другого! Мальчика Серцову Мрию... У нас дети по имени мамочек записаны. Сестры говорили, что на этого ребенка Речкиной уже оформили смертность, у нас прозектор, то есть врач по вскрытиям... В патало-аналогии в подвале (ясно так произнесла, патало-аналогии), она что хочешь подпишет за деньги, Канаева доктор. Какой хочешь диагноз. А то, если мать бросает ребенка в роддоме, это по правилам целая волокита, оформлять бумаги, потом он месяц должен оставаться у нас. Потом его посылают в дом малютки... А еще есть очередь за детьми. А это большие деньги. Ну и они просто делают, объявляют умершими. У нас самая высокая смертность. Я стою у сорок восьмой палаты, детской, на четвертом этаже. Ну вот (она хорошо хлебнула). Отличный портвейн, «Кавказ», я специально купила, попробуйте. Я в этом соображаю. Я специалист, которого уволили. Техник-технолог ликеро-водочной промышленности. Ну вот. Я полы подмываю в коридоре около сорок восьмой детской и все слышу. У нас какие номера у взрослой палаты, такой же номер и у детской. Они, главврач и эта баба немолодая, выходят оттуда, а я сразу убралась от греха в палату напротив. В сорок седьмую. Как бы обтираю дверь с другой стороны. Ее век никто не протирал. Стекло такое матовое. Но все слышу. Они ушли. Я вернулась домывать пол

в коридоре. Домыла, только двинулась в эту детскую, гляжу, Галина Петровна, главный врач, опять в конце коридора. Я опять в палату напротив. Галина, главврач, она так быстро в детскую сорок восьмую шнырь! А я: девочки, я опять, я вам недопротерла дверь. У нас детские тоже под теми же номерами, что и палаты рожениц. Я ничего против нее не имею, против Галины главврача, но она меня за что под суд хотела отдать? А вы меня выручили, узел мне подбросили... Могли бы и не отдавать на хрен... Меня бы и посадили... А что у меня мама останется одна парализованная... Подышать... (Махом выдула полстакана.) И сынок без передач... Сидит, уже второй год пошел. А я не брала их шубу! (Ее повело опять на подробный рассказ о вчерашнем происшествии.)

Тамара Геннадиевна прервала ее:

— И что дальше было?

— Я так тихо выхожу в коридор... А дверь детской как раз напротив и неплотно так приоткрыта. Я вижу, она обоих детей развернула, браслеты им обменяла... и переложила. У нас же каждая кроватка стоит там же, где у рожениц их кровать. Чтобы не перепутать. Няньки часто выпивши... Ну, отцы преподносят, при выписке-то... Вот что я тебе скажу, милая ты моя. Я потом мыла полы там в детской. Специально посмотрела, кого она подменила. Там справа четыре кроватки, у дверей две кровати, мальчик Алина Речкина и мальчик Мария Серцова. Скажу тебе, что это касаето ребенка той, которая умерла. А! Я догадалась! То есть твоей дочери. Вот! А той

сказали, что ребеночек умер... И его переложили на то место, где была та... Ясно?

-- Нет пока.

— Надо принять (выпила махом). Ну то есть: ребенок Речкина Алина... так? Теперь Серцова Мария... А Серцова Мария мальчик... налить тебе, последняя? Нет. Хорошо. Ик! А ребенок Серцова Мария идет к этой бабе. Ой! Куда ты встала? Не плачь. А!.. Вот за деньги тебе спасибо. Это большое дело. Я... Маме кресло хотела купить... Ее гулять возить. На руках я ее не утащу. А она света белого давно не видала. Лежит на меня орет, я света белого не вижу! Ей полагается кресло как инвалиду, и мне предлагали кресло после одного инвалида, они же умирают, да... Но все же оно стоит много для нас. У меня из зарплаты вычитают по двадцать процентов. Они на меня списали в винном отделе большую недостачу. Спасибо тебе, дорогая моя женщина. Я по образованию техник-технолог... Мама зовет меня Зоха. Можешь тоже так называть, ты мне как мать. Я тебя очень уважаю, ну просто как родную. Поцелуемся давай.

— Как бы обратно ребеночка-то подменить, — перебив ее, сказала Тамара.

— Техник-технолог винодельческой промышленности, — упорно гнула свое тетя Соня. Она стремительно уходила в свое прошлое, пригорюнилась, пустила слезу. — Работала потом как простая продавец...

— Я говорю, поменять бы детей обратно, — стояла на своем Тамара. — Эй! Соня!

Соня заморгала:

— А нет, она ребенка вашего взяла теперь к себе в палату. Эта дама. Хоть и это запрещено. Хоть он объявлен как умерший.

— Ну ты подумай! Что?!!

— Перепутала все...

— Так... Серцовой сын у этой бабы?

— Да уж... Что уж тут... У нее муж в прокуратуре... Я спою тебе одну песню, ты не слышала (завыла). Клен ты мой опавший!

— А! Все ясно. А мы, простые советские дипломаты...

— Клен заледенелый... Че?

— Ну хорошо. Спасибо тебе, Зоха.

— Спасибо некрасиво...

— Ладно. Коньяк будешь?

— Эээ... Можно! Как коньяк? У тебя есть? Что же ты молчала, пщя... Пщя крэв!

Выпили.

— Вот тебе еще денег, будешь мне звонить и все рассказывать. Будешь моим информантом. Я в КГБ служу, поняла?

— Что стоишь качаясь...

— Ну хорошо. Иди с Богом.

— Думаешь, я кто? Я ттехник-ттехнолохх... Мама! Мама моя родная! Ждет непомытая! А в метро меня не пусстят... (Облилась слезами.) Я выпимши! Что же теперь? Пешком ехать на троллейбусе? Через всю Москву?

— А. Мой водитель тебя довезет. Пойдем, я тебя посажу.

— Ты оччень хорошая, красавица моя. Я раньше после зоны жила с одной женщиной Теодораки, на тебя похожая, солидная ... Из Сухуми... У нее была такая... формли... формлиро... формуу-лировка: «Зося, сделай мне ребеночка». Так-то меня Зося, Зоха зовут. Зоха Дорш, пщя крэф... Но кто я... Об этом молчу. Теххх... ник теххн... нно... лх.

— Иди, иди.

— А давай поженимся!

— Господи... Вон дверь! Не туда!

— А на дорошшш...ку... на посошоххх... на посошок! Где у вас? Позвонить бабушке... Попудриться... (Завыла.) Кыы-лен ты мой опавший... Нет, погоди. (За дверью.) Сступеньки... Под метель... ю белой! Или кто увидел...

— В лифт, в лифт. Нет, я сама кнопку нажму. Слушай. Мне нужен адрес этой сволочи. Киркорян Елена Ксенофоновна.

— Запросто. Ик! Ик...сенофоновна. Нет, это... трудно.

Тамара Геннадиевна, проводив Зоху, вернулась на кухню и допила коньяк.

Немного осталось после этой.

28. Алина и Фаина

Алина предъявила пропуск, поднялась на лифте и вошла на свой этаж университетского общежития. Ее комната была заперта. Тронулась искать коменданта.

Комендант отсутствовала.

Поехала на другой этаж к Фаине. Постучалась, вошла. Фаина лежала, курила. На ней был Алинин свитер. Покраснела, поднялась на локте.

— Привет, Фая.

— Выписали?

— Фаин. Я совсем без вещей. Ничего нет. Коменданта нет, моя комната закрыта.

— Там живут узбечка и латышка со второго курса. У них, наверно, все твое.

— Фаин, отдай мне вещи.

— У меня ни х... твоего нет.

— Мне нечего надеть.

— Продай ребенка.

— Мне сейчас — поняла? Нечего носить.

— А я при чем?

— На тебе надет мой свитер.

— А... Этот? Да он выкинутый валялся в коридоре... Как тряпка половая. Я не знала, что твой. Я сплю в нем.

— Мне нужно носки, белье...

— Я не видела.

— Фаин. Отдай по-хорошему.

Алина кивком показала на шкаф.

Фаина ответила визгливо:

— Попробуй только шарить в моем шкафу! Я всем про тебя расскажу.

— А я про тебя Волкову!

— Сука. Ах ты сука.

Алина открыла шкаф и стала методически просматривать валявшиеся там в жутком беспорядке

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

шмотки, держа в поле зрения лежащую Фаину, которая покраснела как свекла. Все грязное, все переплелось, как на помойке. Ну и Фаина. О! Нашла свой зеленый носок один, грязные брюки, две тухлые майки. Аккуратно положила на стул.

Фаина сказала:

— Это мне узбечка Фирюза продала! Ты не имеешь права брать!

Лежала пыхтела. Смирилась с реальностью, сволочь.

Алина спокойно повернулась к шкафу, обнаружила самое дорогое — серую мохеровую кофту.

Сейчас, в холод, это самое оно. Вытащила кофту, расправила... Засаленный воротник. Стала снимать волосы с шерсти.

— Ну и грязнуля ты, Фая. Живешь как свинья.

Тут же Фаина налетела на нее сзади и, навалившись, царапая ногтями лицо, с силой вышвырнула за дверь. Сумка с документами вылетела через три минуты. Денег в ней не было ни копейки.

Алина сказала в дверную щель:

— Отдай деньги!

— А ты мне должна!

— Я пойду в милицию.

— Мне-то ничего не будет! А вот ты только попробуй... — пыхтя, крикнула Фаина через дверь. — Я расскажу, как ты ребенка продала! Ты же родила, а его у тебя нету! Нету!

— Он умер.

— Вот оно и есть! Я эти дела знаю! Продала, продала! Следствие начнется! Тебя отчислят за не-

посещаемость! Я все скажу! Моего сына продали? Продали!!! Не придуривайся! У тебя денег как грязи! Еще будешь мне платить! Каждый месяц алименты, что я молчу! Иди отсюда! Плять грузинская! Мальчишку на себе женить хотела! Да ему насрать на тебя! Я все его отцу написала! Когда ты Автандильчика в ЗАГС поволокла! Заявляю в милицию! Продажа ребенка!

Обессилев, Алина пошла в столовую, завернула в туалет, поглядела на себя в зеркало. Свитерок чистый, грудь, правда, огромная. Но худоба осталась. На лице какая-то грязь, царапина под бровью. Фаина метила ногтями в глаза.

Алина сидела в столовой, бесцельно глядя по сторонам. Вдруг кто-то найдется знакомый, покормит.

О! Вдали замаячил черный Мбвала.

Замахала ему обеими руками. Обрадовалась. Расцеловались.

— Алиночка! О, какая у тебя стала фигурка! Буфера классные! Ну, поехали ко мне наверх? Автандил где? Ты плакала? Такое лицо! Слушай, дай денег займы! Немного!

— Мбвала! Ты что! У меня ни копейки! Меня Фаина обчистила.

— Не может быть! Фаина? Ты врешь?

— Честно! Все деньги из сумки! Как раз я хотела тебя попросить, купи мне супа и хлеба!

— Да я голый! («Голий».) Без копыя! А где Автандил, где ты? Я смотрю, никого в общаге нету.

— Мбвала, я чуть не умерла, Автандил куда-то исчез. Не знаю, что с ним...

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— О, о. Ужас. Как жалко мне тебя. Я знаю, Автандил тебя кинул. Бросил.

— Нет, это не так.

— Дай мне денег взаймы. Как раз я вдруг пустой.

— Ну откуда, Мбвала!

— Я знаю, что ты продала ребенка... как же так?

И нет денег.

— Да нет! Как это я продала ребенка? Ты что? Кто тебе сказал? Мне супа купить не на что!

— Фролова. Она сказала, что ты продал ребенка, а говоришь, что он умер.

— Фаина? Ну ничего себе... Нету у меня денег. Стала бы я сидеть в столовой голодная и с деньгами!

— А... Нету денег? Знаешь, поедem в гости... Там тебя накормят, дадут выпить... И денег дадут. И жить там будешь хорошо. Хочешь, у меня друг есть? Все! Поедем к нему. В общежитие Лумумбы. Он даст денег. Три доллара. И еще друг там есть. За два доллара. И еще найдем по доллару. Много там есть. Переночуешь. Будешь давал им.

— Дурак, что ли? Мбвала, как не стыдно.

— Девушка как ты может заработать. Я не могу.

— Ты можешь заработать, продавая девушек друзьям.

— Как сама хочешь. Найдешь потом, цена уже будет другая.

Мбвала встал и ушел.

Алина поднялась, взяла стакан и налила себе пятку из огромного самовара.

Выпила два стакана.

Грудь медленно начала вздуться. О Господи. Надо ехать сжеживаться. Сил нет. Утром не поела ничего, Сергей этот спит в кухне... Надо будет уносить к себе на утро стакан молока и бутерброд делать, что ли...

Вещи, конечно, можно вернуть. Но это будет такой скандал! Да и теперь, после того как грязнуля Фаина таскала ее вещи, нельзя их надевать.

Все. С университетом покончено. Может быть, потом... через два года... Когда этот выпуск уйдет... Можно будет восстановиться.

Мимо шла староста курса Надька Семенова.

— О, Речкина! Ты! Пришла? Привет!

— Привет.

— А ты что такая? Плакала?

— Как видишь. Надь, купи мне супу и хлеба, а? Я тебе отдам. Фаина меня обворовала, забрала все мои деньги и вещи.

— Да? Но ты знаешь, что у тебя неприятности? Погоди. Сейчас.

Семенова пошла, встала в очередь, выбила что-то и принесла на подносе суп, котлету с пюре и компот.

— Ешь.

— Семенова, ты гений. Я тебе отдам вдвое!

— Глупая, что ли? Отдашь вот ровно столько.

Протянула чек. Алина его спрятала в сумку и накинулась на еду.

— Ну так вот, — продолжала Семенова, — тебя отчисляют за непосещаемость.

— А разве ты не... Мне Фаина сказала, что ты меня не отмечала...

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Почему. Тебя же не было почти два месяца.

— А мне Фаина сказала... Что она с тобой поговорила...

— Так. Речкина. Кто это со мной мог о таких вещах говорить? Я же свирепая. Срочно представь справки, бюллетень, ясно? Тебе полагается получить ведь по декрету. Из бухгалтерии интересовались. У тебя ребенок умер?

— Откуда ты знаешь?

— Да все давно знают.

— Надо же. Он умер только два дня назад...

— И ходи, ходи на лекции! Сейчас очень строго!

— У меня ведь декрет! Я же писала заявление об академическом отпуске!

— А. Ну это меняет дело. Куда ты писала?

— Я положила в письмо на имя Фаины, она должна была отнести.

— Ты знаешь, по-моему, никто этого заявления не видел. Пиши прямо сейчас мне. Я отнесу.

— У меня нет ничего...

Семенова порылась в своем портфеле:

— Вот тебе листок. Пиши. Декану филологического факультета...

Алина, однако, решила все узнать:

— Скажи, Надя, а вот Фаина сказала, что она даже платила тебе по полстипендии в месяц, чтобы ты меня не отмечала как отсутствующую. И я теперь ей должна стипендию целую.

— Да откуда она это взяла? Ну, каждый меряет эту жизнь по себе. Фаина есть Фаина. Пиши.

— А ты что, знаешь, кто такая Фаина?

— Она теперь у нас сумасшедшая со справкой. Ночь не спит, пьет и все такое, у нее там нечто творится, потом она не может встать утром, не может ходить на лекции, теперь единственный, кто ей мог дать освобождение, оказался психиатр. Она уже третий месяц на бюллетене. Уйдет в академку.

— Господи... А я смотрю, что это она лежит курит во время лекций. А на что она живет?

— По-моему, Фаина связалась с Мбвалой. У нее постоянно гости. Опустилась. Пьет. Дружинники к ней ходят, но она же псих со справкой. Ей все можно.

— Да... Это у нее потрясение после смерти ребенка.

— Вполне может быть... Так! А он разве умер? Она же говорит всем, что он живет у ее матери и болеет. Что ей надо туда деньги посылать... Вот это да...

— А ты что, не знала? Она все не шла после сессии к ребенку, все тянула, а когда все-таки поехала в дом малютки, а ей там сказали, что он уже полтора месяца как умер, и не будут же они его держать на льду, отдали в крематорий.

— При этом Волков ей платит алименты... Ну хорошо, пиши заявление. Это не университет, это паноптикум какой-то. Террариум.

— И она только что меня избила и обчистила мою сумку. Ни копейки не оставила.

— Принесешь бюллетени, получишь две стипендии. Но через месяц, учти. Обязательно принеси! Это основание, документы, для стипендии. Чтобы

тебя не отчислили. Ты же отличница, Речкина! Ты что! Тебя же в аспирантуру предлагают. Нас с тобой. А ты вдруг исчезла. То ли родила, то ли продала ребенка... Ты что!

— Это все зависть, Надя. Нормальная человеческая зависть.

— Пиши. Декану филологического факультета... Так. От Речкиной Алины... Как ты по отчету? Васильевны... Студентки четвертого курса... Так. Заявление. Потом сама отнесешь в деканат, ясно? Своими руками. Ни на кого это не перекладывай. Нас ждет наука и многострадальный старослав.

Ясными глазками отличницы Семенова, часто моргая сквозь густые ресницы, смотрела на Алину, как смотрело бы на нее собственное светлое будущее — прозаически, беспощадно и озабоченно.

29. Алина воровка

Алина вошла в гастроном самообслуживания. Встала в очередь за сосисками. Выстояла. Попросила полтора кило. Ей взвесили, налепили ценник на пакет. Продралась через очередь обратно. Опять встала в хвост. Выстояла новую очередь. Взвесила еще три штучки. Зашла за какую-то дверь, сунула полтора кило под шубу, под свитер. Стало жутко холодно, сосиски-то ледяные. Поискала, нашла старую газету. Подложила под сосиски. А то молоко пропадет. У них в палате лежала опытная мамочка, говорила,

если грудь вздувает, единственное средство лед. Тогда молоко уйдет.

Распределила сосиски на газете равномерно.

Встала в огромную очередь в кассу на выход. Выстояла. У кассирши был совершенно измочаленный вид, затравленный взор и пунцовые щеки, поскольку по причине выброшенных в продажу сосисок набежало народу как на пожар.

И только что был скандал. Кто-то пошел без очереди.

— Ой... — запричитала Алина у кассы, поглядев в сумочку. — Ой... Ой люди... Ой, что такое...

И она начала озираться по сторонам, готовая завизжать.

— Кошелек! Ой, люди!

— Оплачивать будем? — спросила кассирша нейтральным голосом.

— Я студентка! Только родила! Что же это такое!

— Оплачивайте, гражданка! — Тем же тоном сказала кассирша. — Задерживаете!

Алина вертела головой.

— Ой! — выдохнула она. — Ой.

Схватила рукой за сосиски, спрятанные на груди.

Сзади недовольно сказали:

— Что такое! Не задерживайте!

— Обокрали ее, — слышался голос.

— Ну что теперь, стоять будем...

— Так, — сказала кассирша. — Давайте сосиски.

Она железной хваткой вознесла пакет с тремя жалкими сосисками и отложила в сторону.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Найдете кошелек, подойдете без очереди!

— В карманах, в карманах порыщи!

— Упал?

Как могли, расступились. Все стали смотреть себе под ноги.

— Следующий, — провозгласила кассирша. — Ну что стоишь как чучело.

Алина бестолково топталась по ту сторону кассы и шарила руками по карманам. Уже разошлись те, кто был за нею.

Закусив губу, потупившись, с полузакрытыми глазами пошла вон.

Вдруг ее догнала кассирша, уже в дверях, и сунула ей пакетик с тремя сосисками.

Алина дико испугалась, покраснела, стала отказываться.

— Бери. Они не обедняют, — мрачно сказала кассирша. — Сами тащут целыми сумками. А ты кормящая мать.

Она кивнула на бугристую грудь Алины.

Алина взяла сосиски, побрела прочь и тут же вскочила в первый попавшийся автобус... Совершенно не туда поехала, красная от стыда.

Пересаживалась, добралась вовремя в роддом. Там ее проводили в комнату, дали пеленку, дали баночку. Налила стакан воды из графина, выпила.

Стала запихивать сосиски в пустую сумку, не выдержала, съела две штуки.

Села сжеживаться.

Закончив, съела еще одну ледяную сосиску.

30. Тамара Геннадиевна и Сергей

В это время у Тамары Геннадиевны был разговор с зятем.

Тамара Геннадиевна, мать умершей Маши, явилась за ее вещами.

Они сидели в большой комнате. На столе лежала пачка фотографий и какие-то документы.

— Где Машин паспорт, Сергей?

— Должен быть в роддоме.

— Они говорят, что отдали вам.

— Не было такого. Вы что! Я приехал к окошку, мне сообщили... о смерти... И я все, уехал. Кто мне что дал?

— А как мы будем оформлять все?

— Не знаю.

— Так... А ребенка вы нам отдаете?

— Нет. Зачем? У ребенка есть отец.

— Но вы же едете за рубеж?

— Нет. Я не еду.

— А кто будет смотреть за младенцем?

(Так и сказала, «младенцем».)

— Няню найду.

— Отдайте его мне.

— Нет.

— Сергей! Это ведь обуза на многие годы! На всю жизнь! И на ком вы еще там женитесь, мачеха всегда хуже бабки!

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Я принял решение твердо.

— Что-то здесь не то... Вообще много странного. Я хочу кое о чем вас информировать, Сергей.

— Да, — каменно откликнулся он. — У меня нет времени, простите. Надо еще на работу заскочить.

— Успеете заскочить и соскочить — значительным тоном сказала бывшая теща.

Что это? Она что-то заподозрила?

В квартире ни следа присутствия Алины. Ни зубной щетки, ничего. У нее же из имущества только две бутылочки, две больничные пеленки и баночка из-под майонеза. Одна пеленка, высохшая, на батарее. Все это он спрятал в холодильник. Туда бывшая теща не сунется.

— Вы на похороны хоть придете?

— Не волнуйтесь. Приду, Тамара Геннадиевна.

Она уже собрала фотографии дочери, ее книжки, тетрадки. Одежду не тронула.

— Да, Маша там. А мы тут. Это несправедливо, дорогой (горячая грузинская тоска в голубых глазах). Я должна была раньше уйти.

— Что вы.

— Послушай (начала она с ужасным напором). Нашего мальчика подменили. Я это знаю точно.

Воспаленный вид, свистящий голос. Сошла с ума.

— Вчера я сидела в машине около роддома, подъехала черная «Волга», номер у меня записан, мужчина вошел с букетом и через час вышел с женой и ребенком. Они вынесли вашего ребенка, Сережа.

Я поехала вслед за ними. Я знаю, где они живут. Дом знаю. Вас это интересует, Сережа?

— Конечно. Разумеется. Еще бы.

— Вот!

— ...Только этого не может быть.

— Хорошо. Мы останемся при своем. Я украду того мальчика. Это наш мальчик. Вы будете растить кого хотите.

— Красть детей — это не есть хорошо, — сказал Сережа Машиным голосом.

— Украла она нашего малыша. Она должна была взять того, которого родила эта одиночка ... Ну, которая отказница. Они объявили его умершим, им так удобнее, не надо оформлять много бумаг. И, я так предполагаю (тут она поджала на секунду губы), не надо платить матери за проданного ребенка. Понятно?

— Не совсем.

— Короче, этот якобы мертвый ребенок предназначался этой Киркорян. Но! Она увидела нашего Сереженьку и стала кричать, что это вылитый ее муж и она берет его. У меня же мама грузинка. И ваш ребенок с темными волосами! Несмотря на то, что вы оба с Машей светлые.

— У меня отец кубанский казак, тоже был черный, с черными усами. Директор племзавода. Мама светлая.

— Мама ваша жива?

— Оба погибли в автомобильной катастрофе.

— Царствие небесное им (перекрестилась). Ну вот. Эта Киркорян, у нее муж большой человек в

прокуратуре. Главврач у нее на крючке, я не знаю почему, но это точно. В этом роддоме воруют детей уже давно. Ясно?

— Ясно. Вы успокойтесь, Тамара Геннадиевна.

У нее, как у всех умалишенных, все выстроилось в стройную систему. Образовалась цепочка логически вытекающих друг из друга последствий.

Финалом должно быть преступление.

— Вам чаю дать?

— Нет! И не выдавай меня за психбольную! У меня есть свидетельница. Софья Станиславовна Дорш. Запомни!

— Кто такая?

— Уборщица, в настоящее время отбывает срок, алкоголичка.

Приехали.

— Ее показаниям никто не поверит.

— Я ведь не скрываю, кто она. Я поверила, этого достаточно.

— Слишком много преступлений — этого объявили мертвым, того на этого поменяли, а преступление совершила жена прокурора. А свидетель сидит в тюрьме, да?

— Не сидит. Она отработывает в роддоме условный срок.

— Просто какие-то чудеса, — машинально откликнулся Сергей и подумал, что спорить бесполезно. Надо со всем соглашаться. А то она в запале вообще наворочает дел.

— Я только верну нашего ребенка.

— Вас посадят, вы знаете?

— Сережа, они не посмеют вызвать милицию. Хоть ее муж и прокурор в больших чинах... Не посмеют. Я все описала, всю историю, и отдаю ее на хранение вам. Если со мной что-то в этом духе произойдет, отдайте эту тетрадь куда-нибудь на радио «Свобода».

— Я не могу с ними контактировать.

— Ну найдете кого-нибудь... Хоть эту вашу любовницу...

— Кого-кого?

— Вы знаете, о ком я говорю.

— Вам, возможно, известно больше нежели мне.

— Когда я его украду, я позову вас посмотреть на ребенка, чтобы вы все поняли. Хорошо?

— Я надеюсь, что вы не будете совершать противоправных действий.

— Но мне нужна ваша помощь. Нужна машина с вами за рулем.

— Да где же я ее возьму?

— Попросите у вашего Виктора Николаевича на три часа только. И с измененными номерами КГБ.

— Какое отноше...

— Я дочь и жена контрразведчика. И сама лейтенант. Но это не для разглашения.

— Это вы можете кому угодно рассказывать. Но не мне.

— Вы отказываетесь?

— У меня нет возможностей.

— Мой муж в прединфарктном состоянии. Вы обязаны мне помочь. Нужна машина без шофера и со сменными номерами. Они вывезут его гулять, тут

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

я налечу как вихрь... Они не могут же не гулять с ним!

— Тамара Геннадиевна, ну мы не на Кавказе же! Не в диких горах! Кругом люди! Это киднеппинг! Похищение!

— Я это сделаю, я вас уверяю. Это мальчик нашей Маши, не говоря о том, что это ваш родной ребенок. Я это сделаю и пешком. У меня приготовлено все приданое, я привезла из страны. Все соседи знают, что Маша погибла, а что ребеночка пока что не отдали нам. Понимаете, НАМ! Я вам его вручу.

— Не надо.

— Что не надо? Вам своего ребенка не надо?

— Тамара Геннадиевна, не надо вот все это громоздить...

— Я не сплю уже семь суток.

— Оно и видно.

— Ну, вежливостью вы никогда не отличались...

— Это не может быть наш Сережа.

— Сережа-Сережа, я вас уверяю. Я познакомилась с одной глубоко несчастной женщиной, которая родила в этом роддоме и которой сказали, что ее ребенок умер. Сейчас она под чужим именем устраивается туда няней, чтобы все выяснить, поднять все документы, проверить все варианты. Ее ребенка продали!

— Так...

— Я нет, я не сошла с ума, как это вам кажется. Я потом позвоню вам и приглашу вас поглядеть на ребенка. Это будет очень скоро! Ребенок Маши украден!

— Я повторяю, не делайте этого! Я вас ни в коем случае не поддержу!

— Ну хорошо. Я решилась. После Маши мне ничего не страшно. Вы знаете, она вчера приходила ко мне.

— Так.

Точно. Сбрендил теща. Ужас.

— Приходила ко мне во сне и сказала: сын не он, сын не он.

— Ну что ж... Извините, мне надо бежать.

— Я понимаю, вы бежите к своей любовнице. Она всегда торопится.

— Ну что, кто, что за бред.

— Мне Маша про нее говорила.

— Во сне явилась?

— Нет, по телефону жаловалась. Незадолго до родов. Каждый день, говорит, каждый день он с ней... Какая мука... Он с этой Лариской. Он без нее не обойдется уже никогда. У них на работе завелась жаба.

— Что, кто, кто сказал? Бред какой-то опять.

— Может, поэтому Маша и умерла. Не хотела больше жить. Родила, оставила ребенка жить, а сама умерла. У Маши была очень сильная воля.

Сергей заорал со слезами неожиданно для себя:

— Нет! Нет! Ну вы что! Ну вы что, в самом деле, совсем меня доконать хотите? Я во всем виноват? Какая... черт ее знает... Кого вы мне припишете еще?

— Лариска, Лариска. Дьявол Лариска, которая у всех сосет, чтобы ее не выгнали с работы.

— Разведчицы, ё... вашу мать!

— До свидания, Сережа, поглядите на себя в зеркало.

Из зеркала смотрело совершенно красное лицо, искаженное, глупое.

31. Ребенок Сережа-Вася

Сергей и Алина приехали на машине к роддому.

— Так. Бери чемоданчик.

Тот самый Машин чемоданчик. Теперь в нем детское приданое.

— Я не могу. Возьмите вы.

— У меня торт и вино.

— Я не возьму.

Пришлось волоочь все вместе.

Сидят в приемной и ждут, пока им вынесут одетого ребенка.

Молчат.

Наконец, упакованное сокровище выплывает на руках у пьяноватой няньки Софьи Станиславовны.

Зося бормочет, глядя на бутылку в руке Сергея:

— Ну как на отца похож, ну вылитое лицо!

Сергей сует ей деньги в карман, торт в руки.

Она перехватывает у него самое главное, бутылку, смотрит на этикетку:

— Пусть жизнь у вас заладится, сладкая будет и крепкая, как этот напиток!

Вышли из подъезда, у Сергея на руках ребенок.

Им вслед несется льстивый голос:

— Три звездочки пусть будет!

Алина пропустила вперед Сергея, задержалась в дверях и слышит еще фразу:

— Ни в мать ни в отца.

И ответ медсестры:

— Бывает.

Едут в машине. Сергей держит на полусогнутых свое сокровище. Алина почти не видит ребенка. Ему-то уже две недели. Наверное, вырос.

Сергей положил дитя в кроватку и тут же умчался на работу.

В холодильнике, однако, стояло молоко, два пакета, затем кефир, на столе в вазе лежали яблоки.

Когда Сергей успел все купить?

После того раза, когда Алина принесла полтора кило сосисок и больше ничего (но и чека не принесла, сказала, что ей купила подруга, которая чек не взяла, ее Алина не предупредила, чтобы не вызывать подозрений), и выглядела несчастной и больной, сразу легла, ничего не поела, Сергей неожиданно стал сам заботиться о провианте. Где-то что-то доставал. В обеденный перерыв? Приходил он как часы, в половину девятого.

Алина развернула ребенка, посмотрела.

Господи! Исхудал как! Совершенно не узнать человечка! Один носишко торчит. Изменился.

Или это не он?

Он: худой, полупрозрачный. На голове несколько прилипших пружинок.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

У них у обоих это было.

Взрослый стал.

Обмыла грудь, личико ему, все тщательно протерла ваткой, все.

Прислонила к груди.

Лежит не сосет. Что такое! Хлопает губешками, но сосательных движений не делает. Отвык!

Это он, МОЙ.

Слабенький, аппетита нет.

Не знала, что делать.

— Ешь, маленький! Надо есть, Васенька!

Почему-то он уже стал Васенька. Был «мой», стал Вася.

Тыкала ему соском в губы, засовывала поглубже.

Не умеет, разучился.

Как же он будет жить? Как его там кормили, в роддоме? Из бутылочки с соской. Все лилось ему свободно, не надо было трудиться.

Придется сцезиваться и поить его тоже из соски. О, горе.

Много молока пришло, стояло без выхода, толкалось, рвалось наружу.

— Ну? Ну соси, Вася!

Вздохнула и стала вытягивать сосок из его вялого ротика, и вдруг на последней секунде маленький схватил губами ускользящее сокровище и втянул в себя. Вдруг засосал, да как! Торопливо, жадно. Алина чуть не взвыла от боли. Как защемили грудь зверски, с ужасной силой.

Не МОЙ.

Или МОЙ?

Но когда он отвалился, сонный, с каплей молока под носом, Алина вдруг в первый раз за много времени улыбнулась:

— Молодец, Вася.

Почему Вася?

Господи, вот счастье-то! Счастье — это когда несчастье уходит. Ребенок пожрал. Грудь опустела.

И она поставила его стоячком, уместила его подбородок на свое плечо, чтобы малый отрыгнул, как учили в роддоме.

Через несколько минут Вася сделал «пфф». Воздух вышел. Можно класть его спать.

Как бы не так! Разорался!

Но мы тебя баловать не будем, Вася. Ори, устанешь и заснешь. А то быстро поймешь: стал орать — значит, возьмут на ручки.

Нет. Воспитывать надо именно сейчас. Так было написано в книге у доктора Спока.

Которую нам дала Маша. Эх, Маша, Маша...

Тихо! Тихо, Вася. В роддоме тебя не больно брали на руки.

Орал как резанный.

Понятно, молоко не то, чем его обычно поили. Поили разведенным порошковым. Потому он так и исхудал. А моим молоком кормили кого-то еще...

В половину девятого прибежал ЭТОТ.

Вася корчился. Вopil.

Алина сидела рядом, читала книгу академика Лихачева (взяла в университетской библиотеке).

— Что мы плачем? — спросил Сергей.

— Да вот, не знаю.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Он ел?

— Ел.

— Надо будет весы, бабы сказали. Можно достать в прокате. Сколько съедает. Не голодный ли.

— Ладно.

Побегал, что-то поставил жарить. Опять яичница у него, наверно.

— Вы ели? — крикнул.

— Нет.

Слава Богу, мы на «вы».

Застучал чем-то. Опять явился:

— Что же он плачет-то?

Неловко взял его на руки.

Вася немедленно, как выключили радио, заткнулся.

— А? — обрадованно сказал ЭТОТ. — Ну? Папа пришел? А? Серого увидел? Зайца нашего увидел? Папа Серого увидел? Реву увидел? Мальчишку-пальтишку моего?

И т.д.

С кухни пополз запах пригорелого.

— Ах ты...

С ребенком на руках метнулся на кухню.

Алина вдруг всплакнула.

Это было то, что должно было быть в жизни Алины...

Спальня, кровать, Вася и его папа, Автандил, с Васей на руках... Об этом она мечтала, что у нее будет Автандил и Вася.

Вот как, волшебным образом, их квартира, спальня и кровать с Васей. И Автандил его носит на руках...

— Так!..

Явился с Васей.

— Подержите, пожалуйста.

Взяла. Вася молчал.

Класть его в кровать нельзя, разорется.

Алина с Васей на руках продолжала читать своего Лихачева. Скоро писать курсовую.

Завтра надо съездить в роддом за бюллетенем. А! Получить декретные. У нее будут свои деньги! Пробегать по магазинам...

Достать белье, самое главное. Васе погремушечку.

Васька тихо дышал, как котенок. Мордочка довольная. Будда такой. Рот красивый, классической формы. Маленький Антиной. Господи, до чего же хорошо!

А как завтра съездить? С Васей не съездишь. Слишком мал для таких прогулок по городу.

То есть сегодня был последний свободный день в жизни, да? Все время потом Вася будет при тебе? Ни единой минуты?

Да. Не оставишь. Все.

Ну ладно.

32. Киднеппинг (продолжение)

У кабинета главного врача роддома опять эта стоит в предбаннике, мать той, которая умерла, и стоит не уходит, торчит рядом со столом секретарши.

Секретарша:

— Нет ее. Уехала в здравотдел.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— А когда будет?

— Завтра приходите. А кто вас пропустил?

В этот же миг около секретарши на столе оказываются запечатанные духи, какое-то иностранное название.

— Фиджи, Фиджи.

— Ой! Это мне?

— Вам, вам.

— Ойи... (так и произнесла, длинно). — Ойи...

Убрала в ящик.

— Маленький пустяк, но головная боль. Мой зять, муж моей дочери, которая умерла... ну вы знаете...

— Ойи... Конешшно.

— Мы приехали из-за границы на похороны.

— Ойи... Ну я не знаю прям... Ужжис.

— Да. Он в панике куда-то потерял справку о рождении... Похороны, бегаает... Могут нам выдать дубликат?

— Конешшна... Ойи, ну не маагу... Ужжис...

— Будьте так добры. А вашей главврачу мы, так и быть, не скажем.

33. У Киркорянов после родов

Елена Ксенофоновна лежала в подушках и кормила малыша из бутылочки.

Рядом стояли, склонившись, две бабушки — армянская, Ерануи Асламазовна, и русская, мама Леночки, Элеонора Анатольевна.

Ерануи приговаривала:

— У ти... золотой! Дорогой! Как он кушает! Кушай-кушай! Гриша-джан! Вылитый отец! Отец тоже хорошо кушал!

Элеонора же Анатольевна отвечала уже который раз:

— Да плохо он ест. Норма пятьдесят грамм, а он высасывает хорошо если тридцать.

Ребенок поел, тут же заснул. Бабушки поволокли его к весам.

— Отрыгнул!

Общая паника.

— Переодеть надо! Мокрая распашонка.

Елена Ксенофонтовна:

— Ой, дайте его мне!

Элеонора Анатольевна:

— Лежи! Ты утомлена после родов! После родов у меня было такое кровотечение! Вся заливалась! Полтора месяца как кабан резаный кровила! Но кормила грудью! Выкормила тебя до годика! Еле оторвала! Но нельзя было не кормить, потому что все было заражено, проклятый Челябинск. И все-таки ты выросла здоровенькая! И смогла родить! Благодаря моему молоку!

— Ма! Я это уже сто раз слышала!

— Но теперь ты сама в этом состоянии, теперь ты понимаешь! Ерануи! Надо, чтобы Грант поберег Лену! Пусть спит на диване!

— Еще новости! — отвечала Елена Ксенофонтовна. — Отучить его от меня хочешь? Это твоя мечта? Чтобы мы развелись? Чтобы ты сюда въехала?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Что ты! Что ты! Я просто помню, что мы ведь жили в одной комнате все, Сеня, его мама и мы с тобой, и Сеня спал на полу все полтора месяца, спал как убитый, хотя ты орала. Отец твой так называемый, Ксенофонт. Никогда к тебе не подходил, ни его мама чокнутая, только я, сама кровлю, молоко течет, я молоденькая, а ты кричишь... Челябинск...

— Хва-тит.

— Лена. Но его надо докормить! Он же срыгнул, погляди! Посмотри, распашонка вся впереди мокрая! Его надо переодеть!

Ерануи:

— Я согрею молочко...

Хвать бутылку и исчезла.

— МА-МА! Что ты устраиваешь, скажи! Зачем ты пришла? Уходи, будь добра!

— Это мой внук!!!

— У меня нет больше сил. Иди, я тебе позвоню, когда будет нужно.

— Первое: Грант обязан спать отдельно. Второе: давай я с ребенком погуляю, а ты пока поспишь. Ты же не спишь! Посмотри на себя! Ты старая, под глазами круги! Черные круги! Лохматая! Тебе надо в парикмахерскую как минимум! К косметичке! Я тебя учила делать маски изо всего? Учила. Как я: борщ варю — свеклу прикладываю...

— (Стон.) Ма... Ой...

— Да! Салат делаю — огурец по всему периметру лица ломтики. Или пожую, в руку выплуну и размажу. И дрожжи, дрожжи с желтком и лимоном. Я тебе принесла алоэ, где оно? Погибло? Год назад

принесла! С соком алоэ надо! Посмотри на меня! Мне будет пятьдесят шесть, у меня кожа как у молодой! Я ухаживаю за собой! У тебя кожа в меня! Очень трудная, проблемная! Вокруг носа и лоб жирные, да, еще подбородок, смотри, а щеки и виски, а особенно шея сухие! Это надо знать!

Ребенок закряхтел.

— Дай его мне! Дай! Ну как знаешь... Бедный мой! Как жалко, что он пошел в их родню! Армяшечка бедненький! Все его дразнить будут. У нас в классе была Шахпендерянц. Как только ее эту фамилию не искажали! Представляешь? Но она была не армянка, а ассирийка, как оказалось. Чистильщики обуви, мы с ней разговорились, древнейшая раса на земле, она сказала. Вот распашонка сухая, дай я его переодену. Дай!

— Не дам. Иди домой.

— Леночка, солнышко, ты переутомлена! Ты плачешь! А это вредно! От слез лицо иссушается! Будут ранние морщины, хотя тебе уже пора. Поздние роды это опасно, и поздний ребенок на грани риска, да. Еще неизвестно, боже ты мой... Надо, чтобы за ним следил невропатолог! Развитие речи! Я подчитала литературу. Занятия мелкими тактильными движениями! На скрипочке! Лепить из глины! Слепоглухонемых так делают людьми.

— МА-АА!

— Ты проверяла, он слышит?

Гулко хлопнула в ладоши.

— Смотри, Леночка, вздрогнул! Слышит, ласточка моя!

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Еще бы! Тут и я вздрогнула...

Всунулась идиотка Ерануи:

— Меропэ спасы! Сейчас, сейчас! Я слышу-уу!
У меня молоко сбежало!

Убралась.

— Естественно, горелым по всей квартире. Она не умеет к плите подступиться. У них дома печь с дровами, что ли? Домашний очаг? Как у папы Карло? Ле-на! Как по тебе Гарик тосковал! Ну как тосковал! А ты выбрала этого... Конечно, у тебя чутье. Ты видела, что у него будущее... Но Гарик! Кудрявый, волосы золотые! Нос маленький-маленький! Высокий, стройняга!

— Этот Гарик грузчиком теперь работает в мебельном.

— Да? Где?

— В Доме мебели на Ленинском. Мы с Грантом поехали за этим спальным гарнитуром... Смотрю, Гарька. Сам лысый. Морда синяя... Халат синий! Смотрит на меня гордо. Нет, говорит, я вас не знаю. Кто вы такая, женщина, я вас не помню. И ушел.

— Лена! Ты его бросила, он, разумеется, пошел по плохой дорожке. Не вынес парень! Тем более сын академика!

— Сын-то сын, но отец от них давно ушел.

— Это для них, для мужчин, конец и позор. Когда не они, а их бросают. Мы, женщины, приходим в себя быстро, потому что у меня, например, был смысл жизни ТЫ! И мне очень помогла моя мама! Не как ты, гонишь родную мать. Ой! Гришка покакал!

— Откуда ты знаешь?

— А это такое передергивание лица... И потом запах! У тебя что, нос заложен?

— Немного.

— Так я и знала. Немедленно сделаю тебе марлевую маску! Даже две на сменку! Где бинт? Ты заразишь Гришеньку! Сейчас! Мигом! Как же так, это элементарно, маску! Даже все врачи носят! Где у тебя бинт?

— На кухне, в ящике слева.

— Не вставай, я найду, найду.

В дверях они столкнулись с Ерануи.

— Молочко теплое. Как раз. Давай, Лена, я покормлю. У меня шестеро выросли. Ай, вай, Гришенька-джан... Ну... Взял рожок... Кушай, милый!

Потом мамаша торжественно принесла две маски из бинта, вся оказалась в белых нитках...

Долго навязывала надеть маску.

Надоела Елене до смерти.

Потом Гришка заснул.

Пошли все втроем пить чай с молоком. На кухне тарарам... Валяются ножницы, вся аптечка испорота буквально...

Долго препирались, надо ли гулять. Решили, что надо, погода неплохая.

— Я, Леночка, пройду с ним. А ты отдохни. Ерануи пока тебя покормит. Ерануи, сделай ей эти голубцы... Долма, что ли... Я тоже приду поем.

Одевали долго, как в космический полет.

Мальчишка некрасивый, смуглый, носатый, глаза как у китайца.

Ну ничего к нему нет, никаких чувств. Как только получила его в руки, как только глаза у мужа Гранта стали подобнее — он удостоверился, что сын его, — так всё.

Никакого интереса. Малый орет ночью. Приходится вставать к нему. Хуже тюрьмы...

Наконец мама убралась с коляской.

Е.К. пошла на кухню, села.

Ерануи развела там бурную деятельность, все у нее оказалось готово. Через две минуты на столе стояла тарелка с ихними армянскими голубцами, запах такой, что не оторваться...

Пошла поговорить по телефону, как там на службе.

Через десять минут — звонок в дверь.

О Господи! Мама, видите ли, забыла бутылочку с теплой водой! Раззява.

— Внизу соседка любезно согласилась посторожить... У подъезда на скамеечке. Такая приветливая. Пожилая. У нее внук в песочнице... Все равно делать ей нечего. А то коляску там поднимать на восемь ступенек... До чего неудобный у вас подъезд! Ты еще намучаешься, когда сама начнешь с ним гулять. Надо так: ребенка вынуть, а коляску за собой волочь. Это мой тебе совет.

Нашли бутылочку, теперь надо вскипятить свежую воду и ее остудить. Ерануи советовала положить туда сахарку.

— Ни в коем случае!!! — вскричала бабушка. — Будет пучить!

— Вай, — отвечала испуганная Ерануи.

34. Знакомство с Мишулис

У подъезда скамейка. Неподалеку песочница. В ней пара детей, крича на разные лады, возят железную машину, самосвал с песком:

— Жжжж! Джжжж! Ты-ды-ды-ды... Ддджжжж...

Бщщщ...

На скамейке сидит пожилая женщина, улыбаясь.

У нее металлические зубы, шапка вязаная на лоб, сверху платок, платок хороший, импортный, блестящий.

На носу очки. Чудная какая-то. Странная вообще.

Покачивает коляску.

Только что тут была заполошная бабка в короткой куртке, в брючках, с коляской.

Вынесла тяжеленную коляску, села.

— Внучка? — кивнула ей пожилая тетка с этим странным сооружением на башке.

— Что вы, господь с вами! Синяя коляска! Внук! Григорий! Григорий Киркорян! Григорий Грантович! А? (Она нагнулась над коляской.) А? Кто у нас Гришенька? А? Кто армяшечка маленький? А?

— Сколько ему?

— Десять дней! Только десять! Но погода хорошая, у них постоянный врач, забегает ежедневно, советовал пойти гулять. Именно гулять! А не на застекленной лоджии.

Тетка в странном головном уборе снисходительно заглянула в коляску. Очки ее резко блеснули.

— Глаза синие, что ли?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бабушка улыбнулась покровительственно:

— Ну, это у всех маленьких они такие... туманные. (Заверещала.) Открыл глазоньки свои? Открыл глазоньки?

— Он на вас похож, я не улавливаю?

— Неизвестно на кого, представляете? Вроде на него, а вроде...

— Бывает в двоюродную родню. У меня муж удался покойный как раз в дядю. Все просто поражались. А вы вдовая?

— Я? Почти что. (Рассмеялась, поправила шапку.)

— А волосы у него есть?

— А он у нас кудряш. Темненький.

— А звать как?

— Я сказала. Гришенька.

Пауза.

— Необычное имя.

— Это в их родню. Прадед у них был... (заглянула в коляску). А? Кто у нас тут Гришка?

Рявкнула на радостях так, что ребенок запищал. Дура.

Затрясла коляску. Ребенок хныкал.

— Знаете что, — сладко запела странная тетка. — Ему водички надо. Тепленькой. Его газики мучают. Он у вас искусственник?

— Да...

— Ну и вот. Я же вижу. Я по первой профессии детский педиатр. Врач. Сейчас я психоневролог.

«Оно и видно», — подумала бабка Гришеньки и сказала:

— Да вы что.

— Им всегда надо, искусственникам, — наставительно продолжала психоневролог эта, — после кормления давать теплую водичку. Где-то через полчаса.

— Ой! Да! Как же я не знаю!

— Вот видите.

— Теперь целое дело обратно коляску волочь. Как же так! А что доктор не сказал им?

— Доктор это одно, а у меня Денис вырос тоже искусственник (кивнула в сторону песочницы). Да сбегайте, я покараулю. У меня вон в песочнице здоровенный парень, вырастили. Ничего страшного. Я с ним гуляю, хотя у меня отит, воспаление среднего уха (притронулась справа к тяжело вооруженной голове). А вы бегите... Мне все равно сидеть... Я перед прогулкой замотала ухо как следует быть... Так что посижу.

— Ну спасибо... А то я первый раз ребеночка вывезла... Мать у нас такая распустеха... Лежит. Я не лежала! Мне было некогда! Вся семья на мне была! Я быстрая была! Нора-ракета! А у нее, видите ли, поздние роды, тяжелые причем... Стареющая первородящая. Двенадцать часов роды. Причем неожиданно для нас. Она должна была через две недели, но положили на сохранение.

Ребенок разошелся. Бедный пищал как котенок.

Бабка трясла коляску.

Тетенька с ухом сказала как бы между прочим, глядя в сторону песочницы:

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Да сбегайте за бутылочкой. А то ему вредно кричать, воздух не очень-то... Воздух холодноватый для плача. Зима ведь.

— Да, правда что...

— Идите за водичкой. А то после первой же прогулки у него могут быть последствия. Но воду надо совсем свежую. Только вскипяченную. Вы знаете, да?

— А да, да, мы знаем. А как?

— Вскипятить, горячую залить в бутылочку, это как бы стерилизация... Затем охладить под струей из-под крана... Знаете? Ну, а я здесь еще час. Так что не спешите. Потом, может быть, вы меня подмените, когда надо будет в магазин сбегать... Или вы сходите иногда в магазин, а я подежурю. Я всегда здесь сижу с внуком. А вас я что-то первый раз вижу...

— Мы городского ничего не покупаем, — отвечала на это вскользь, вставая, глупая дура. — У нас заказ на Грановского. Кремлевская столовая.

— Да у нас тоже, но хлеб-то нужно иногда...

— Ну, я сейчас. Вас как зовут?

— Полина Игнатьевна Мишулис.

То есть типичная еврейская психиатр с большим ухом.

— А меня Элеонора. Нет, мы городского хлеба не едим.

Как припечатала.

И с этим пошла, ступая дорогими сапожками, натянутыми на толстенные икры. Ножки как из-под рояля. Брюки вправлены в сапоги, не хуже чем у ков-

боя. Смешная недотепа. Поднялась в подъезд. Грохнула дверью.

Пауза три минуты. Нет, еще минуту. Так.

Из песочницы вопль:

— Джжж! Джжж! Поворот! Ты че? Совсем, да? Куда ты свою машину? Опрокинул мою, дуррак!

— Сам... дуррацкий!

Со скамейки ответный крик:

— Денис! Встань с колен! Все штаны изгвадал!

— Да! Антоша! Действительно! Встаньте с колен!

Дует мамаш, сидящих немного в стороне.

Пора!

Мамаша, как птицы на проводах, сидят и чирикают. А нам надо смываться.

Как забилось сердце! Как пересохло во рту!

Полина Игнатьевна Мишулис встает, лениво как бы потягивается, поправляет очки и свою рогатую, как у коровы, голову и, взглянув на часы, а потом на подъезд, бодро катит коляску в сторону метро.

У песочницы как раз крик, почти драка, матери встали и стоят над ребятами спиной к дому.

— А че он пихнулся!

— А это не его экскаватор!

— Прекрати, Денис! Как не стыдно! У него дома точно такой!

— Просто мы подумали, что вам двоим хватит этого! Но оказалось, что нет! Какие же вы друзья после этого!

— Я зачем вообще волокла вам этот драндулет!

Бабка за углом машет рукой, останавливает машину.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Затем вынимает ребенка из коляски, берет на руки, водитель складывает дорогую коляску уважительно, со словами «я знаю как, у нас тоже такого типа».

Едут.

Машина останавливается у какого-то дома.

Рогатая тетя сует водителю деньги и просит помочь, поднять коляску до лифта. Водитель охотно соглашается:

Затем он сбегает по ступеням, молодой, симпатичный.

Хлопает дверца, машина уезжает.

Бабка завозит коляску в лифт, кладет ребенка в коляску, поднимается на лифте на пол-этажа, снимает с себя платок вместе с шапкой, стаскивает серебряную фольгу с зубов и большие очки, это Тамара Геннадиевна.

Достает из сумки нечто белое, кружевное.

Все с себя снятое сует в эту сумку.

Берет ребенка, заворачивает его поверх всего в белый конверт.

Опускается на лифте, выходит из него, оставив в кабине коляску.

Быстро сходит по лестнице, высовывается из подъезда.

Никого.

Поднимает руку.

Ловит машину, «копейку».

Садится сзади.

— Увидите, где цветочный киоск, пожалуйста, остановите.

35. Коляска

В подъезда воровато, как тень, подбитая воздухом, входит алкоголик. Расстегивая ширинку, бежит в лифт — глядь, в лифте стоит коляска, новая, распотрошенная. Как будто из нее только что вытащили ребенка. И ушли.

Алкоголик, так и не справив нужду, оглядывается, прислушивается... Нет никого. Быстро, как вихрь, налетает на коляску и выносит ее вон.

Вот он покатил ее с большой скоростью и за угол, подальше, подальше.

Входит в бедную, заваленную тряпьем комнату.

— Мам! Вот, я коляску в лифте нашел! Кто-то выкинул! Ну ты смотри. Импортная, новая! А оставили!

На кровати, накрытая грудой одеял, лежит старушка. Светло улыбается. Смотрит как бы в потолок.

Только спустя какое-то время, по движениям зрачков, можно понять, что она слепая.

Одна рука лежит поверх всего, она забинтована у локтя, вокруг повязки черное пятно. Скорая ошиблась с веной.

Тот, с коляской:

— Я ее сейчас Толикиной сестре загоню, да? Накупим всего, да?

Старушка, тихо:

— Да, Коль... Да. Ну давай. Ну поехали. К Лиды... Сходи к Лиды... Коль... Я капусты бочку... Снеси им...

— (Громко.) Мам! Лида твоя померла давно! Я не Коля тебе!

36. Ребенок Тамары Геннадиевны

Затем Тамара Геннадиевна с цветами и ребенком в руках звонит по телефону-автомату:

— Валерий! Вот в чем дело! Машина, в которой мы ехали из роддома, сломалась... Да. Мы с малышом на улице... Ну не кричи ты... Да, я его забрала все-таки... Ну после поговорим... Я на Ленинском проспекте, у Дома обуви на маленькой дорожке.

Через полчаса черная «Волга» подъезжает к хорошему, светлого кирпича, дому.

У подъезда стоит парочка женщин с сумками.

— И он мне так заявляет, — говорит одна, — подавайте в суд. А я ничего не отдам.

— А в квартиру не пустил? — откликается другая.

— Загородил вообще! Ой! Здравствуйте!

Обе расширенными глазами смотрят, как Тамара Геннадиевна выходит из машины с ребенком, огромным букетом цветов и сумкой.

Водитель берет у нее из руки сумку, букет и провожает в подъезд.

Потом молодецкато уходит.

— Это ее дочери ребенок... Которая умерла родами... — качая головой, говорит одна из женщин.

— Ребенок есть, это счастье.

— Да уж...

Обе почти плачут.

* * *

А у себя в квартире Тамара Геннадиевна быстрыми движениями разворачивает ребенка.

— Весь мокрый. Так я и знала. Валера! Можно тебя на минуту?

Гремит телевизор.

Ребенок заплакал тихо, жалобно.

Тамара Геннадиевна мечется, распахивает шкаф, достает простынку, пытается порвать ее. Не выходит. Зубом надрывает, рвет с треском.

Рвет еще раз.

Заворачивает ребенка.

Тот совсем разошелся.

— ВАЛЕРИЙ!!!

Телевизор выключили. Невеселые, тяжелые шаги.

Два взгляда скрещиваются, как лучи прожекторов.

— Ну что ты устраиваешь, понимаешь, спектакль? Ну какая из тебя мать? Ты старая, ты старая женщина, понятно?

— Валерий, сейчас уже поздно говорить. Все сделано. Я объясню тебе это потом.

— Верни ребенка. У него есть отец.

— Этот отец... Уступил и не поморщился. Прямо в роддоме при сестрах, нянечках, при всех. Есть сведения, что у него уже новая баба, то есть прежняя, которая у него была все время. Лариска.

— Ну что ты выдумываешь? Лариска. Нам уезжать через три дня!

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Сделай все. Мы там найдем ему кормилицу. Надо прожить эти три дня и оформить ему документы. Надо его усыновить.

— Что?!

— Валерий. Не устраивай сцен... Ты же не хочешь, чтобы я осталась здесь.

— Как осталась, что значит осталась здесь?

— А что я там из себя представляю? Зачем мне туда? Старшая жена?

— Что ты только мелешь. Какая старшая жена!

— Все только и ждут, когда нас отзовут... За эту половую распущенность. Не хочу называть имен. Хватит.

Побагровев, совершенно спокойно он высказал ей все. Назвал старой алкоголичкой.

Она только кивала.

— Валерий. Я остаюсь здесь и подаю на развод. Больше мне нечего делать.

Ребенок, которого она качала, держа на руках, молчал.

— Маши нет, мне больше незачем там жить. Я только ради нее... Посылала ей что могла... Теперь мне остается одно — развод, раздел квартиры. Имущества. И денег в банке «Ройял инкорпорейтед».

— Еще чего, сука, — тихо ответил он, явно испуганный. — Пьяные бредни твои, и всё. Выдумала, б., алкоголичка.

— Это ты алкоголик, все это знают. Скоро тебя отзовут вообще.

— Не мечтай, сука.

Помолчали. Он пыхтел.

Она произнесла очень уверенно и твердо:

— Два года назад ты отказался прописать Сергея, вот он и доказал нам, что не нуждается в Маше. За-вел себе младшую жену. Маша знала про эту Лари-ску. Маша не хотела больше жить.

— Еще и в этом, скажи, я виноват у тебя.

— Все в мире зависит одно от другого. Мой отец ненавидел тебя, ты мне этого никогда не прощал. То же повторил и ты с Сергеем. Не принял его. Сергей пошел по той же дороге. Ответил Маше тем же, что и ты мне. А результат? Ребенок остался сиротой.

С красными щеками, блестящими глазами, с этим ребенком у груди она вдруг помолодела лет на пят-надцать. Всегда гладкие волосы растрепались, зави-лись кудрями. В общем-то, вечно молчаливая, сдер-жанная Тамара Геннадиевна сейчас вдруг как бы вы-шла из укрытия, распрямилась, торжествовала какую-то свою победу. Наступил ее час. Она ничего не боялась с этим ребенком на руках.

— Сделай все. Мы уедем с Сереженькой. Мы его усыновим, дадим ему твою фамилию и отчество. Он будет твой сын.

— Почему?!

Искренне так сказал, обидчиво.

— Почему ты мне ничего не сказала заранее? Не предупредила? Как я могу за такое время что сделать?

— Можешь. Сейчас поезжай.

— А... Я не в курсе, что для этого нужно?

— У меня есть справка о рождении ребенка и справка о смерти Машеньки. Если нужно согласие Сергея, то ты должен обойтись без этого. Ты понял?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Как?

— У нас же был конфликт. Он ребенка мне сунул, но сказал, что отомстит и ничего не сделает для нас. Потому что я его припугнула при всех, что знаю про его шашни и ему не видать Хандии как своих ушей.

— Правильно поступила. Одобряю.

О, Валерий струсил и начал сдавать позиции. Этим надо было пользоваться. Тамара Геннадиевна поддала жару.

— Сергей пообещал нас растоптать. Так что сделай что нужно без него. Подними все связи.

— О-о-о. Нашелся. Пихмей!

(Это слово Валерий вынес из контактов с руководством страны пребывания, для представителей которого само выражение «пигмей» было ругательством. Племя пигмеев являлось позором нации, его скрывали, посылали в джунгли войска — хотя в дальнейшем оказалось, что для возрождающегося молодого государства были очень полезны те средства, которые именно на изучение этого малого во всех смыслах народа иностранцы давали, и большая часть этих долларов оседала на счетах руководства.)

Валерий Иванович даже прошелся шажок-другой по комнате, сам себя как бы подначивая.

Тамара Геннадиевна изучила его натуру как опытный дрессировщик.

Иногда это был вялый, инертный кот, которому было лень встать с дивана, иногда изощренный, могучий удав.

Иногда — как сейчас — полинявший петух.

— Вот увидишь, Валерий, он не пикнет насчет ребенка. Вопросы не поднимет никогда.

Кивнул. Он привык, что за свои слова жена («супруга» на военно-дипломатическом языке) отвечает головой.

Никаких лишних обещаний, но уж если что сказала — так оно и будет.

— А пока что вызови водителя, и пусть привезет порошкового молока «Нестле» из кремлевской аптеки. Я собиралась купить, если у Маши не придет молоко (попыталась не заплакать). Срочно.

Лила слезы, стоя с ребенком на руках, и глядела на Валерия огромными глазами.

Он вдруг даже вспотел и вышел вон, тяжело переводя дух. Маши нет, вот в чем дело. Маши нет.

Он шел и ругался матом, и выражение лица было как у маленького обиженного ребенка.

37. Прогулка навеки

Бабка сделала ровно так, как советовала эта рогатая жаба Мишулис, вскипятила воду, налила с осторожностью в бутылочку и тут же сунула под холодную струю. Бамц! Раздался вопль и грохот осколков стекла о раковину. Тряся ошпаренной рукой, Элеонора отскочила.

Ерануи, выгаращившись, смотрела на все эти дела.

Пришла Лена, завопила:

— Ну кто же так!

— Ты лежишь!!! И лежи!!!

Пять минут они друг друга обвиняли.

Теперь уже воду охлаждали в трех тарелках. Все делала Ерануи. Охладили. Слили в новую бутылочку. Слава те! Элеонора сбегала «на посошок» в туалет, облачилась и молодежато (новые сапожки, брючки, красота) выскочила из этого дурдома на свежий воздух. Уф.

У дома никого не было. Ни в песочнице, ни на скамейке.

Повертела головой.

Обежала дом.

Обежала все вокруг.

С легкой, как пена, головой, с онемевшим ртом, трясущимися руками бегала и бегала. Бестолково спрашивала прохожих.

Стало темнеть. О, как быстро стало темнеть.

Вошла в дом. Поднялась на двенадцатый этаж, стала звонить по квартирам.

Ей отвечали, что никакой Полины врача-психиатра не знают. Одна старушка спросила:

— Кому вызвали?

— Нет, — плохо владея ртом, отвечала несчастная, — просто она нужна.

— Вы откуда?

— Я из два... дванадцатой кварти-аа...

И стала заваливаться, заваливаться, далеко вниз, в тартарары, в беспамятство, в спасительный инсульт.

И никто и никогда не узнал от нее, куда делся маленький Гришенька.

И следствие не дало никаких результатов.

Только всплыла коляска, в которой горделивая уборщица магазина «Дом тканей» Света возила своего сына по улице Косыгина. Коляска, импортная, французская, совершенно не по Сеньке шапка, была ею куплена у какой-то трясущейся алкашки рядом с детской консультацией на Пятой Советской. Портрет, обрисованный заплаканной Светой, был типический:

— Ну, морда синяя... Зубов нет... Лет тридцать, а может, пятьдесят... Рот грязный. А, на голове шапка-ушанка. Нос такой... синий. Усатая. Голос? Голос ну пропитой такой. На ногах не помню... Пальто какое-то обдергайка... Руки? Черные вроде бы. Здоровенные, как лопаты. А, на ногах у ней были треники, во. И сапоги резиновые... Цвет? Грязные.

— Так мужчина или женщина? — допытывался следователь по особо важным делам.

— Как мужчина? Коляску продавала! — бестолково отвечала Света.

Ребенок у Светы, Максим, был огромный, белый, как пшеничный хлеб, в возрасте четырех месяцев. Гигант какой-то. Его предъявили Киркорянам.

Муж Светы, рабочий магазина заказов, невысокий мужчина, вообще ничего не знал ни о чем, поскольку только вышел из «белочки» (из белой горячки) и, соответственно, из больницы имени Соловьева. Буквально накануне.

— Он у меня пианист, — деликатно объясняла следователю Света.

— Как пианист?

— Ну, пьет он.

Киркорян как-то всей этой историей был недоволен.

Жена его вела себя как безумная, рыдала безостановочно, кричала.

Ерануи не плакала, ничего не говорила.

Не поднимала глаз. Сыну-начальнику словечком не обмолвилась о своих мыслях.

Уехала в свой Дилижан.

Ерануи знала, что мальчик не армянин. Скорее с грузинской примесью.

Кроме того, от невестки не пахло родильной кровью.

Ерануи была врачом-микрopedиатром.

А власти по всей стране подняли и проверили всех психиатров Полин, четверым из них на всякий случай не дали разрешения на выезд в Израиль.

И долго еще по окрестностям ходила легенда о женщине, которая сошла с ума, потеряла ребеночка, а мать ее ходила потом, искала психиатра и, не найдя, умерла.

38. Алина. Три года за рубежом

В день отъезда за границу Сергей принципиально и как-то злобно, на глазах у Алины, выставил вперед два чемодана и сказал:

— Вещи Маши. Бери это, больше не получишь от меня ничего.

После того как все устаканилось и отъезд в Хандию стал реальностью, он торжествовал свою победу и стал относиться к Алине как к нерадивой прислуге.

Но вечером, когда надо было уже ехать в аэропорт, она молча вышла из дверей в том, что у нее было, катя впереди себя коляску.

В Москве стояла поздняя зима.

Алина обрядилась в джинсы и свитерок с майкой, сверху надела шубку и сапоги. У нее на плече висел небольшой туристический рюкзачок, почти детский: обновка.

Дело в том, что благодаря старосте курса Семеновой она получила стипендию за два месяца, то, что называлось «декретные деньги» (слава богу, сохранился ее паспорт).

Сумма была небольшая, но это были собственные денежки.

С Васей на руках Алина побегала по дешевым рыночным комиссионкам, купила какие-то два платьишка, халат, домашние тапки на резиновом ходу, удалось найти неновые босоножки.

Трусики, лифчики и майки она сумела, потолкавшись в очередях, достать в магазине для беременных. У Маши справка для посещения этого магазина сохранилась в паспорте, надо было только добавить две палочки к ноябрю.

То есть в бумажке было X, а стало XII.

Все это и уместилось в детский туристический рюкзачок.

В другой руке у Алины был огромный портфель с учебниками и словарями. Она набрала их в библиотеке на три года вперед. На все время проживания.

Алина перевелась на заочное отделение и собиралась посылать работы по почте.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сергей, увидев эту картину, выматерился и не стал брать два чемодана Маши.

С этого момента началась его ненависть к спутнице жизни.

Которая на все имела свое мнение, неизвестно с какого подпрыгу.

Ты служанка, кормилица. Рот захлопнула!

А ей предстояло три года каторжной жизни с человеком, который был изначально зол, равнодушен, который презирал кормилицу своего сына и в этом черпал немалое удовольствие.

Сергей злился, это было продолжение московского конфликта между ним и Алиной, когда она отказалась носить наряды Маши, а купить хоть что-нибудь в Москве не представлялось возможным, говоря тогдашним официальным языком.

В торгпредстве же надо было, чтобы жена ответственного работника была одета прилично.

— Ты что тут купишь? Я запрещаю тебе стоять с ребенком в очередях! А сам нянькой быть не могу. Я работаю. Что ты в Хандии будешь носить? Там сорок в тени! Где ты что купишь? Ребенка моего я таскать тебе по базарам не позволю! Ишь она разбежалась! Ждет денег от меня! Отец с матерью Маши ей присылали самые лучшие вещи из страны пребывания! А она, гля, этим брезгует! А такое можно купить в Москве только в валютной «Березке»! А валюты у меня нет, и даже если бы была, хрен ты от меня бы что огребла!

У него был свой жизненный план — заработать в Алайе на квартиру и машину.

Он не собирался тратить на эту чужую девку. Он с удовольствием ее презирал.

Когда утром они прилетели в страну пребывания, следовало транзитом проследовать до своего города, где располагалось советское торговое представительство. Пришлось ждать три часа.

Жара в аэропорту стояла адская, на полу спали закутанные как мумии аборигены, ребенок плакал, а Сергей вымещал все свое негодование на Алине:

— Ты одета как эскимос на льдине! Тут тебе тропики, аллэ, гараж!

Алина же зашла в туалет и, держа малыша одной рукой, другой рукой умудрилась снять с себя шубку, шапку и сапоги с шерстяными носками, осталась в брюках, из рюкзака достала и надела тапочки на босу ногу.

И куда все это было девать?

Огляделась.

А местная уборщица, видимо, только что выгребла из урны содержимое и поменяла пластиковый пакет на чистый.

Вот его-то, оглянувшись, Робинзон по имени Алина и вытащила из урны, быстро положила туда свое имущество и скромненько вышла в зал ожидания, держа в одной руке объемистый, как подушка, пластиковый кулёк, в другой ребенка и, на плече, рюкзак.

Сергей только выматерился принародно, увидев такую картину.

Да ладно, местные не понимают все равно.

Хотя тихие, вежливые аборигены все-таки содрогнулись и стали переглядываться от такого громоподобного высказывания.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Здесь было не принято ругаться, а то, что это ругань, понятно было бы даже собакам и кошкам.

Интонация имеет общемировой перевод. Сдерживаемые слезы или смех, ласка или угроза — все одинаково звучит на любом языке.

Есть только разница в жестах: у народов Хандии и Болгарии отрицательно качать головой означает согласие, а в других странах все наоборот. В Испании трепать себя за щеку принято в укоризну, в странах Запада невежливостью считается рассматривать незнакомых в упор, а тем более инвалидов, а у нас не принято заранее улыбаться... Но можно откровенно пялиться на иностранцев и на инвалидов по уму, которые одеты как незнамо кто.

В Алайе супругам отвели однокомнатную квартиру окнами на солнце в здании торгового представительства, где скопом жили все сотрудники.

Единственная роскошь заключалась в том, что на крыше дома имелся бассейн с лежаками под пластмассовой крышей.

Там Алина по имени Маша и проводила все дни с маленьким Сережей-Васей, а когда солнце уходило, она спускалась вниз, в свою раскаленную квартиру, доставала из холодильника молоко, из шкафа рис и варила кашу с бананом.

Сергей в целях экономии покупал только молоко, бананы, рис и лепешки.

Вскоре началась зима, сезон дождей.

Жара стояла как в бане.

Тем не менее Алина все так же поднималась наверх, сидела под пластмассовой крышей, читала и писала.

Она плавала вместе с маленьким Васей.

Он быстро научился, уже в два месяца прекрасно держался на воде.

Правда, бабы были недовольны: дите собой не владеет, может нагадить в бассейн. А воду тут меняют хорошо если раз в неделю. Когда совсем бульон.

Алине принесли несколько новых, стиранных подгузников, редкую в СССР вещь.

Мамаши тут их стирали, сушили и использовали до победы.

Теперь малыш плавал, как иностранец, в подгузниках.

Ночью ее ожидала обычная пытка: они спали в одной кровати, и Сергей использовал Алину как обычную шлюху. Иногда он презрительно называл ее «Лариска».

Каждую ночь драться, уходить спать в кухню на голом полу, да и там на тебя навалятся — и бояться любого шага — наконец стало невыносимо, да и при малейшем шуме сын начинал орать.

И она терпела.

Ну мало ли, попадают женщины не по своей воле в публичный дом, как рабыни. Тут или вешаться, или дожидаться освобождения.

Этот дубина с удовольствием говорил ей почти что шёпотом, вставая:

— Ты же мусорная яма, помойное ведро. В тебя сливают! Приехала тут! Думала, заграница, все ей обломится! Ребенка своего кинула. Ты корова дойная, больше ты ничего. Любая уличная девка и то те-

бя дорожке, все-таки деньги ей дают, что-то умеет, а не как ты, колода.

Один раз он разошелся:

— Думаешь, я не знаю, как таких расшевелить? Лежит доска два соска. Я все знаю. У нас Майк в группе, в душевой после баскетбола, смотреть не на что, шесть сантиметров, не больше, а тоже выдавал: как ей не почесать где чешется, они у меня все довольные уходят, очередь собирается, звонят одна за одной. Все повторял: «Я мужчина-лесбиянка». А вот ты (...), от меня получишь, поняла, (...), больше ничего. Хотя у меня в спокойном состоянии девять. Но Маше было нельзя, а вам, ларискам, все равно что брать, пять или десять.

Все эти непонятные речи Алина, человек деликатный, мягкий, дочь своей несчастной матери, но и дочь своего деспотичного отца, должна была выслушивать.

К сожалению, у нее был прекрасный слух. Абсолютный, как говорила в музыкалке ее маме педагог по фортепьяно Наталья Петровна Петрова.

Только ребенок, Сережа-Вася, днем давал успокоение и радость, ничего больше не было.

Но уезжала на родину одна пара с ребенком, у них был подростковый складной диванчик, и Алина поменялась с ними, отдала им детскую кроватку. Все равно они отправляли вещи по железной дороге.

И теперь она спала с Васей на этом раздвижном диванчике, у стены.

Громко ругаться хозяин себе позволить не мог, шипел у себя в кровати.

Демонстративно пыхтел под простыней, тряся.

Единственное, что доставляло Алине радость — ее ребенок, которого она продолжала кормить и дальше, ее комочек счастья посреди большой беды и безо всякой надежды.

И книги на чужих языках.

И праздники местных.

У аборигенов, кстати, они были роскошные, у этих бедняков — две горсточки риса в день — даже какие-то торжества!

Иногда вечерами по пустым до горизонта мостовым, без единого человека и машины (люди толпились на тротуарах или стояли на балконах) проходили величественные колонны иллюминированных слонов и отряды пляшущих воинов в юбках и роскошных мундирах, а также самое главное — издалека, за сотни метров заметные, следовали грохочущие музыкой, светящиеся огромные платформы с пятиметровыми плоскими фигурами расписных богов, украшенных горящими, мигающими лампочками, увешанных цепями, великанской бижутерией, флажками и полотнищами. А за ними ехали телеги с передвижными электростанциями, их везли за оглобли мужчины в национальных костюмах, потом шли оркестры, а следом девочки в одинаковых коротких юбочках и гольфах, в пилотках, с пушистыми шариками в руках. Шарик качались и подпрыгивали одновременно, такая начиналась красота!

Это был праздник, радость в жизни Алины, она спускалась, шла с ребенком в толпу, ей ставили на

лоб красную точку и радостно окружали, чужую белую женщину на их торжестве.

Но в торгпредстве такие вылазки не одобрялись.

А она уже охотно разговаривала с местными, и ее понимали, радостно отвечали, ей дарили конфеты, осторожно, с нежностью касались беленького малыша, он был для них как божество, как нечто другое, как существо небесной красоты.

Поскольку вместе со всем коллективом, бездарным и подневольным, Алина прилежно учила ирду с приходящей хандийской учительницей, то на празднествах у нее как раз и начиналась практика.

Кстати, в их этом доме, в торговом представительстве, бывали свои, советские, торжества, первое мая, девятое мая, седьмое ноября и Новый год, на которые жены сотрудников приходили увешанные местной бижутерией с драгоценными, по их мнению, камнями, закутанные в туземные шали, шелка и батисты.

Но Алина не посещала эти вечера, ходить туда с ребенком не полагалось.

Это же были официальные заседания с докладами, только потом начинался пир и можно было и поздравлять друг друга, выпивать, галдеть и шутить по-своему, даже смеяться.

Хотя смешки не приветствовались. Руководство, Фожкины, и гость, капитан Березин, налегали на выпивку, а смеяться было нечему.

Женщины, подвыпив, нестройно запевали «То березка, то рябинка» и «Вот кто-то с горочки спустился». Алина сверху, от бассейна, все это вынуждена была слушать — празднества проходили во дворе.

Исключение представлял собой только праздник Нового года, но их было всего два за время жизни Алины в торгпредстве.

Однако наверху, у бассейна, она просиживала каждый день и поневоле познакомилась с некоторыми женами, которые тоже сидели с маленькими детьми.

И дружбы у нее завязывались через это простое общение с такими же несчастливymi бабами, экономившими каждую рунию.

Хоть репутация у нее была какая-то нехорошая, не раз Сергей поднимался к бассейну и начинал ее уводить, ласково, как сумасшедшую («ну идем, не надо, не надо это всем показывать, свои эти штуки, врач же дал таблетки, почему ты их не пьешь»).

Но хотя бы до драки на людях он не допускал себя.

А Алина знала, чем дело закончится, и деликатно, но отрицательно качала головой, прижимая к себе ребенка.

— К врачам тебя надо, — говорил он каждый раз и убирался восвояси.

Такие отношения между супругами тут были не редкость, сам главный торговый представитель не раз выходил утром в черных очках, и жена его тоже: дрались.

Они были из-под Кишинева, проверенные кадры, простой народ, но с дипломами.

Именно такими и были начальники по всему СССР.

Исключение составляли кадры в Академии наук, в Союзе архитекторов, художников и в Союзе компо-

зитором. Им все-таки нужно было иметь какое-то специальное образование.

А, к примеру, писателями руководили люди, про которых пелось в песне: «Вышли мы все из народа, братской семьи трудовой». Чтобы уметь писать, нужно ведь просто закончить первый класс школы. И таковыми и были многие руководители Союза писателей, если они понимали, что социалистический реализм — это восхваление руководства в понятной для него форме. Люди писали пародии на произведения председателя СП Маркова, к примеру: звонок в дверь. Входит секретарь райкома, обнимает жену и говорит: «Клава, у нас будет ребенок».

Так что общение у Алины было, простое человеческое общение, так необходимое каждому.

А что делать, кто рядом живет, кто сосед, тот и друг.

С кем же еще общаться, с местными такое не одобрялось (с этими черненькими, по определению жен, с обслугой).

Ведь среди этого смуглого населения встречались и троцкисты, и сторонники западных учений, а уж буддистов было пруд пруди.

И коммунисты у них были какие-то с отклонениями, с левацкими идеями.

Поэтому руководство не общалось с тутошними, только с представителями торговых организаций, которым было не до идеологии.

А простые советские женщины делились с Алиной и своими бедами, что дома да как мама и как старшие дети (их не разрешалось тут держать), и

рассказывали, где что можно подешевле купить, однако эти добрые советы были ей ни к чему: денег у Алины не было ни копейки.

В конце концов к ней стали относиться с уважением, все уже видели, что она сидит над иностранными книгами, знали, что Алина студентка, что она знает английский и французский, поскольку она все время сидела над переводами научных работ по этимологии славянских языков. Это была часть темы ее диплома.

Но вот ей не с кем было даже поговорить, рассказать, какие странные сближения есть у древнерусского со всеми славянскими языками и вообще с санскритом.

И каковы истоки разных наших слов.

Наша умора — их юмор. И наша умора — древнеиндийское *mogas*, смерть.

Наш смех — их смайл, древнеиндийское *smayati*.

И что за язык церковнославянский, на котором ни один народ, ни единое даже самое малое племя никогда не говорило.

Алина читала молитвы, приводимые в учебниках, и никто не должен был знать, что она молится.

Но однажды наверх в рабочее время к бассейну явился работник торгпредства, прошел мимо всех жен, в том числе мимо своей собственной, то есть вообще мимо, как чужой, показывая, что занят по работе, и обратился именно к Алине с просьбой срочно перевести какое-то письмо и составить вот такой ответ на французском.

Алина выполнила эту просьбу.

Через день Сергей закатил ей скандал, что она не берет денег за перевод.

Что людей с французским в торгпредстве нет, а как раз сейчас идет работа над совместным проектом, и надо требовать оплату.

И что он так этого не оставит.

Через месяц в день выплаты неожиданно для себя Алина получила в бухгалтерии большую сумму.

— Сколько тебе дали? — спросил Сергей.

— А почему вас это интересует?

— А потому, что ты будешь сама теперь мне платить за питание, ясно? Сколько сожрешь, столько и отдашь мне, поняла?

И он поднес к лицу Алины увесистый кулак.

— Если ты будешь мне угрожать, — сказала Алина, — я напишу письмо в МИД.

— О-о-о, разбежалась. Я контролирую всю почту. Я вообще не отправил ни одну из твоих контрольных работ в университет, все бросил в корзину, тебе ясно? За наш счет вздумала получать образование? Да я все твои учебники повыкидаю! Ты их украла вообще в библиотеке! Тебя под суд отдадут! Там штампы есть.

Алина в эту ночь заперлась в ванной, постелила на пол одеяло. Сергей побоялся громко стучать. Заплакал Вася, но Алина не вышла. Всю ночь Сергей тихо матерился, укачивая сына. Завтра сослуживцы, живущие по соседству, а также выше и ниже этажом, сделают ему втык, если не успокоить ребенка.

Утром Алина вышла после душа как ни в чем не бывало, покормила ребенка, спокойно поела сама,

держа его на руках (единственная защита от побоев), и, не обращая внимания на матерный шёпот Сергея, захватила с собой рюкзачок, посетила верхний этаж, где поставила коляску под пальмой, наполнила лейку в бассейне и якобы вскопала землю в кадке, а потом щедро ее полила хлорированной водой и выкатила коляску вон из дома.

Она ведь накануне поздно вечером спрятала свою посылку у бассейна, как-то вскопала ложкой сухую почву в бочке с пальмой, сунула туда пакет с деньгами и присыпала сверху землей.

Она гуляла под дождем, нахлобучив на ребенка старый разрезанный пакет как капюшон, быстро приобрела себе и сыну по дешевенькому зонтику, зашла в лавку, где купила фруктов, овощей, какие-то консервы с буйволом на картинке, вернулась домой, там уже было пусто, сварила суп с тушенкой, от души наелась, покормила ребенка и поспала вместе с ним, а к вечеру, поужинав тем же супом и приев его до остатка, она перебралась наверх, под пластмассовую крышу к бассейну и там, под дождичком, поплавала вместе с сыном.

Никого не было наверху, удивительное чувство свободы переполняло душу Алины. Первый раз за все последние месяцы. Уже стемнело, над городом поплыли запахи ужина, кумина, перца, карри, сандалового дерева, зажглись огни реклам, а Алина все не уходила. Так хорошо было быть одной, без своего хозяина, без этого постоянного ощущения рабства.

Он поднялся наверх в десять вечера, бледный, какой-то зачумленный, взял коляску с ребенком и по-

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

катил к выходу. Алина осталась, задумчиво глядя ему вслед.

У дверей он остановился, оглянулся.

— Идем, тебя никто не тронет, — сказал он человеческим голосом. — Что ты будешь тут как бомж.

Алина не шелохнулась.

Тогда он, оставив коляску, понуро ушел.

Алина покормила ребенка, потом растянулась на лежанке и неожиданно для себя заснула под шелест дождя.

Было не так жарко, градусов двадцать пять, и дитя спало спокойно в своей коляске.

Когда забрезжил рассвет, опять появился Сергей. Бледный как полотно, с умоляющим видом, испуганный.

— Нас же вышлют, — сказал он, — ты этого добиваешься, сволочь? Что мы будем делать в Москве?

Алина молчала.

— Ну хочешь, я буду спать в кухне? Я больше тебя не трону, хочешь? Пальцем не коснусь.

Тогда она встала и пошла с коляской к лифту.

С этого дня Сергей действительно начал спать на полу в кухне, потому что покупка дивана, во-первых, вызвала бы всеобщий интерес с нехорошими последствиями, а во-вторых, стоила больших денег.

Алина же получила возможность жить по-человечески.

Они с малышом спали на большом диване.

Еще не раз ей приходилось делать переводы с французского и даже писать по-английски, когда было некому.

Так что какие-то руньи у нее водились.

Работникам платили именно в руньях, рубли тут не ходили, их никто в обменных пунктах не брал.

Алина не копила денег, в отличие от всех скуповатых жильцов этого дома, она не думала о будущем, да и на квартиру в Москве ей было не собрать при самой жесткой экономии. И даже если собрать, вступление в кооператив было для нее напрасной мечтой.

Но все равно уроки, воспринятые ею с детства, что надо покупать что подешевле, делали из нее разведчицу, аналитика и психолога в одном лице и приносили огромное счастье, когда удавалось найти хорошую вещь за копейки.

Да и все женщины этого дома знали адреса, шастали в самые дешевые магазины и на распродажи, и Алина весело ходила вместе с ними, катя перед собой коляску.

Ее даже посвятили во все местные сплетни, кто с кем спит, и кто кого бьет, и что недавно в Хилау, там что-то строили в дар хандийскому народу, там вечером в бараке муж убил жену за то, что она угостила бананом одноклассника своего сына, пришедшего в гости.

Хандийские власти пронюхали, завели дело, но наши в Хилау отправили труп на родину тайно, по железной дороге...

И мужа с ребенком отправили тем же вагоном сопровождать ящики. Преступление и наказание.

Пусть нюхает.

Рос Сережа (Вася), и Маша (Алина) постепенно из забитого, нищего, затравленного существа превратилась в хорошенькую девушку с золотыми ку-

дрыми, в красивых нарядах местного пошива и на каблучках туземного производства.

А уж тем более в купальничке.

Грудь-то у нее была грудью кормящей матери (она не прекращала кормить), а талия вернулась прежняя, 60.

Сотрудники у бассейна на нее заглядывались.

Аборигены на улице чмокали ей вслед, машины гудели и распахивались, два раза на новогодних вечерах в торгпредстве у Алины был большой успех, мужики наперебой приглашали ее танцевать, оставляя супруга сидеть с ребенком (только 31 декабря разрешалось допускать на праздник детей).

И время от времени возникал капитан КГБ Березин, который функционировал в Хандии по соседству с их торгпредством, работал под вывеской агентства АПН, пил, скучал, ездил по деревням, считал винтовки.

Несколько раз он ходил с Алиной по городу, как бы случайно с ней встретившись, рассказывал о достопримечательностях, обычаях, о публичных домах, которые тут чуть ли не за каждым запертыми воротами, и там есть и советские девушки — и о том, что в хандийских семьях неугодных жен сжигают. Их на заднем дворе по традиции могут полить бензином из зажигалки и той же зажигалкой быстро поджечь.

Огонь — сакральная субстанция тут, прямой переход в ихний рай.

Недавно, судя по рассказам, Березин сопровождал врача из московского ожогового центра, тот приезжал консультировать врачей.

А что тут консультировать, это в местных обычаях..

Обожженные молчат, в крайнем случае говорят, что хотели покончить с собой. Потому что деваться им некуда, из больницы придется вернуться в тот же дом к свекрови. Родная семья не примет разведенную, тут девушка приносит мужу приданое, то есть мать с отцом уже потратились на нее, больше денег не дадут.

В доме здесь ведь всегда вырастает много детей.

Некоторым так и не придется создать семью, раз нет денег. Девушек из дому редко выпускают. Школу закончила и сиди так всю жизнь. Особенно если у тебя нет приданого.

А холостых парней полно, ходят по улицам группами, некоторые держась за руки. Но это ничего не значит, это признак дружбы. Девушек с приданным на всех не хватает.

— Вот они идут, — говорил капитан, никуда не показывая рукой.— Сцепившись по парам. А был случай, когда молодой парень восемнадцати лет умер вскоре после свадьбы, и семья стала уговаривать новобрачную взойти на погребальный костер, сгореть вместе с мужем. По старинке. Ну и накачали девушку наркотиками, обернули в промасленные простыни, положили на костер рядом с покойным и подожгли. И она стала кричать, выкатилась из костра, люди сбежались, спасли. Там всю родню с обеих сторон посадили и зрителей-наблюдателей тоже, за соучастие.

Кстати, муж якобы Маши якобы Серцовой сам в благодушные минуты говаривал, а вот продать тебя

(мат) в публичный дом, когда мой срок тут (...) кончится. Вон Березин согласен. У него тут все схвачено, он в бордель к русским девушкам ходит (...) с тоски. Думаешь, эти девки были согласны, чтобы их туда отвезли, руки назад (...), с кляпом во рту (...)? Их мужья (...) их продали. Деньги небольшие, но советский человек перед отъездом любому подарку рад. Тем более от надоевшей бабы (...) избавиться, они все тут друг другу (...) горло готовы перегрызть. Жены на развод угрожают подать, когда (...) они вернутся, и огребут (...) половину заработанной тяжелым трудом мужским его квартиры и машины (...)! Жены-то здесь — бесплатное приложение, живут на деньги (...) своих мужиков, только готовят. И еще (...) тратят! Правильно тот строитель в Хилау свою жену придушил (...) за один банан. Он бы и без банана ее придушил. Я об тебя (...) руки не буду марать. Все одно в Москве ребенка я у тебя (...) отберу, тебе деваться там (...) будет некуда, а тут, Березин обещал, в борделе в соседнем городе, не скажу где, и крыша будет у тебя над головой, и питание. Сразу (...) в рот (...). Он тебя давно наметил, а мне хорошо заплатят.

И смеялся, подонок.

Сергей по-прежнему презирал свою рабыню, считал ее ничтожной тварью, ради поездки в Хандию бросившей своего ребенка.

Это как-то укрепляло его мужское самолюбие, делало из него гневного, но справедливого судью, которому позволено все.

Поэтому он отбирал у Алины деньги, и только маленькими хитростями она умудрялась приберечь что-то для себя и для ребенка.

Фокус с бочкой был однажды разгадан кем-то, своей захоронки Алина не нашла.

Теперь она прятала гонорар в пакеты с якобы запечатанным детским питанием (она уже читала все эти завитушки на ханди и ирду) и в супермаркете купила экстра-клей. Вскрывала детское питание, совала туда свернутые в трубочку деньги, засыпала этим питанием и аккуратно заклеивала.

Этот чудо-клей она не прятала, а держала в ванной, потому что, когда однажды у них случилась протечка, местный слесарь попытался им заклеить трубу. Конечно, ничего не вышло, но Алина заметила это народное средство, и у нее клей в явочном порядке стоял на всякий случай на полке.

Однако все когда-нибудь заканчивается, такое у жизни правило.

В Москве шла перестройка.

Сергей все время уезжал в командировки, возвращался возбужденный, хвастал перед Алиной, что за ним многие следят и что бочка с жидким бетоном не единственное средство, а нанятые водолазы в пруду работают лучше.

Потом, по сведениям от жен сотрудников, Сергей вышел из Одессы на корабле, сопровождая стратегический груз, медный лом. Второй корабль шел следом.

На этот рейс у руководства нашей страны возлагались большие политические надежды: это был дар

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

дружеской стране, в ее столице воздвигнется наш медный Христофор Колумб!

При том что тамошние долго сопротивлялись.

Но медь — дорогой металл, мало ли, думали те, со временем пойдет на переплавку.

И больше никто не слышал ни про эти судна, ни про Сергея.

Тем более что кроме меди наши отправляли туда кое-что еще, почему тамошние власти согласились на такой жуткий по внешнему облику подарок.

Но корабли пропали, оба. Видимо, затонули в шторм в Бермудском треугольнике.

Кто-то их застраховал у Ллойда, и кто-то получил огромные деньги.

Неизвестно кто, сплетничали дамы, поглядывая на Алину.

А она, которая все еще зарабатывала на жизнь переводами, жила самостоятельно и наконец вздохнула свободно.

Она больше никого не боялась, только Березина избегала как чумы.

Ее окно выходило на улицу, и Алина каждый раз видела, как пьяный капитан возвращается домой.

Но все на свете кончается, тем более счастье.

И Алина была вызвана к начальству.

Это был их знаменитый Фожкин, известный уже читателю тем, что он выпивал и дрался с женой, а она тоже выпивала, и иногда оба они ходили с фин-галами и в темных очках, даже вечером, — этот Фожкин сказал:

— Ваш муж пропал без вести. Мы не знаем, что с суднами. Вам надлежит вернуться на родину. Покупайте билеты.

— У меня нет денег, — отвечала растерявшаяся Алина.

— Об этом мы позаботимся.

У Алины действительно не было денег.

Мало того, она не знала, где хранил накопленное Сергей.

Видимо, у него были свои каналы, по которым он переводил деньги на иностранные счета.

39. Россия встречает Алину

В июне месяце Алина с ребенком сошла с самолета в Шереметьеве ночью, не зная, куда податься.

При ней был багаж, два хороших чемодана и складная коляска с маленьким ребенком.

Ей в торгпредстве поменяли рубли на рубли. Одни бумажки на другие.

Она досидела в зале прилета до утра, затем на автобусе доехала до города, а там на такси добралась до Белорусского вокзала.

Она решила ехать к отцу. Может быть, он даст возможность пожить хоть какое-то время...

Когда она кое-как добралась до нужного дома, неся ребенка в одной руке, а чемоданы взгромоздив на коляску, был уже вечер.

Она стала греметь засовом калитки.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Собака не залаяла, однако подошла какая-то незнакомая женщина. Выяснилось, что этот дом они купили уже год назад.

А куда уехали прежние владельцы, она не знает.

Покупали дом у хозяйки. Хозяин? Нет. Хозяина никакого не было. Одна хозяйка с двумя детьми продавала.

— А нельзя у вас остановиться, я из-за границы приехала, пока я найду их?

— У нас негде, — был ответ.

— Я заплачу вам, — пообещала Алина.

— Нет, нет, не надо. Мой не любит чужих.

— А кто-нибудь не сдает комнату? Террасу?

— Мы тут никого не знаем. Иди, иди знай.

Алина, стоя у чужого забора, призадумалась. В этом поселке она кончала школу, здесь жили ее подруги.

В конце концов удалось найти ночлег на веранде в доме бывшей одноклассницы.

Та жила у мужа, а ее халупу снимала какая-то женщина. Она пустила Алину переночевать.

Тетка показала на топчан и принесла одно ватное скомканное одеяло. Разговора никакого не получилось. На просьбу о чае она отозвалась, что заварки нету, а кипятку принесу.

Хлеба попросить Алина не решилась.

После жаркого климата тяжеленько было коротать ночь в сырости и пронзительной холодрыге.

Алина держала сына на руках, закутавшись в одеяло, и думала, где здесь поменять доллары.

Наутро она бодро вскочила, ополоснула лицо под рукомойником и договорилась с хмурой теткой, что

оставит пока что вещи здесь, съездит в Москву с ребенком и вернется к вечеру.

Когда она, усталая, но с сумкой продуктов, приехала на электричке, калитка оказалась запертой на замок.

В доме свет не горел, никого не было.

Алина обратилась к подруге.

Та сказала, что дом сдавала мать, которая уехала, это ее был дом, у них были плохие отношения, а когда и с кем она имела дело, непонятно, сначала за забором никто не жил, а несколько дней из трубы шел дым, поселились какие-то нерусские люди.

И то ли они самовольно захватили дом, то ли по договоренности. Никто не знает.

А связываться с ними нам незачем, это материн дом.

Алина объяснила, что оставила все свои вещи хозяйке.

Люди пожимали плечами, переглядывались.

Подруга вообще махнула рукой, ушла за калитку и долго ее с той стороны запирала на щеколду, трясла сеткой.

Алина, растерянная, решила все-таки проникнуть во двор того дома, где ночевала.

В одном месте забор покосился, образовалась широкая щель. Удалось оторвать две неплотно прибитые доски.

Потом Алина взяла ребенка и протащила внутрь коляску.

На двери дома висел замок.

Алина зашла с другой стороны, отвезла коляску с ребенком подальше, доской выбила стекло в окне, под-

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ставила какой-то ящик, чтобы залезть, но в этот момент ее ударили по голове чем-то тяжелым. Очнувшись она лежала на улице, ребенок сидел рядом и плакал. Голова ее гудела. Потрогала саднящее место — на руке осталась кровь. Коляски, сумки и продуктов не было...

Алина добралась до соседнего дома, люди вызвали милицию.

Только ночью приехали менты, вместе с Алиной обследовали дом.

Там никого не было. И никаких следов чужой жизни.

Даже одеяла на топчане не оказалось.

Хорошо, что мальчика не украли.

И все документы сохранились, Алина носила их в большом кошельке на тонком шнурке, на поясе под юбкой.

Там же она хранила деньги. Ее этому научили в торгпредстве.

Но вот денег на поясе теперь не оказалось. Все-таки чужие руки обследовали кошелек на поясе. Хорошо что не взяли документы. Значит, грабители были опытные.

Кража паспорта — серьезное преступление, милиция берет эти дела на расследование. А на деньгах имен нет.

Алина провела с ребенком ночь в отделении милиции. Приехала скорая, ей перевязали голову. Рана была небольшая, врачиха сказала, поверхностная, слава Богу.

Наутро она вышла из милиции, дрожа от недосыпа, держа ребенка на руках.

Хорошо, что она не бросила его кормить, в торговле бабы ей сказали, что это единственная защита от кишечной инфекции.

Тянуло дымом, на траве блестела роса.

Алина двигалась, сама не зная куда.

В милиции никто не взял у Алины заявление.

Она прошла уже весь поселок, выбралась в поле, миновала реденький лесок с лужей, все знакомые места.

Здесь, в прудике, она с мальчишками ловила бычков.

Впереди была станция, а денег не было, все украли.

Забинтованная, совершенно одинокая в этом мире женщина, действительно ни кола ни двора, двигалась по направлению к станции, к Москве.

Где у нее никого уже знакомых не осталось, все закончили университет и где-то работали, женились, выходили замуж, рожали детей и давно забыли Алину.

И где по адресу, проставленному в паспорте, жила мама настоящей, но умершей Маши Серцовой.

Враг номер один в этом мире.

Мальчик спал на руках у якобы Маши.

У человека без имени и адреса, но с чужим именем и адресом.

И пока что мы их оставим, потому что нас ожидают новые, очень важные, знакомства.

Ибо по тому адресу, который значился в паспорте Марии Серцовой, прямо на том же этаже и за соседней дверью находилась квартира Евграфа Николаевича Шапочкина, инвалида войны, кавалера многих орденов, частично украденных.

40. Человек по фамилии Шапочкин

Евграф Шапочкин, по специальности художник-оформитель, стал от нищеты собирать пустые бутылки, а его организация, в рамках которой он рисовал своих коней, зайчиков и котят (он был так называемый «четвероножник», и его творчество использовалось в детских садах, поликлиниках, парковых и дворовых игровых площадках и т.д.) — так, вот: эта организация была закрыта, поскольку директор, как оказалось, подписал акт продажи дома человеку с острова Фиджи, а тот немедленно перепродал еще кому-то.

И художник Шапочкин, мелкая сошка на пути всеобщих перепродаж, стал никому не нужен.

Веселое братство его коллег рассеялось по небогатым квартиркам, перезванивалось и собиралось теперь в основном на похоронах.

Бедные автобусы, кучка бывших сотоварищей, неизвестных никому талантов, стояла на ветру, под дождем или под палящим солнцем вокруг очередной ямки, и гробокопатели засовывали в землю любимого друга, с которым прошла вся жизнь...

У кого-то оставались вдовы, дети, у Шапочкина же не было ни жены, ни потомства.

Он опустился до того, что всем рассказывал об обстоятельствах своей теперешней жизни, и однажды, после долгого отсутствия (которого никто не за-

метил), позвонил, пожаловался старинной подруге по труду, художнику Ланочке (по прозвищу «Лана», так как она рисовала их. Это была ее специализация. Единственно что, она в панно для детсадика частенько брала за образец ангелов Сикстинской капеллы, и из-за этого были неприятности с руководством. На приемке очередного оформления детсадика Ланочка так и ответила на вопрос директора «А это у вас наподобие чего?» — она сказала: «Это Рафаэль». На что ей было сказано: «Вот это нам не надо, Израиль еще приплели»).

Граф ей откровенно жаловался, что знаешь, Лана, меня бутылкой, которую я сам нашел под лавкой, отоварили по башке, была операция, поставили пластинку на череп... Откуда я знал, что у них там заначка, под лавкой.

Лана только ахала и предлагала приехать покормить его супом, но удалой Шапочкин отказался и в завершение разговора похвастался, что ему дали первую группу инвалидности и он будет получать большую пенсию, вот уже скоро! И квартиру обещали!

В прежней жизни Шапочкина обожали, все ему прощали, в том числе прогулы, сон на лавочке во дворе в любую погоду и выкрики на собраниях против руководства. Он был правдоискатель, фронтовик, красавец, галантный ухажер.

И вдруг он позвонил подруге, той самой Ланочке, и доложил смущенно, что он наконец получил квартиру как инвалид войны. Правда, новоселье откладывается, потому что надо накопить денежку. Со ста-

рой рухлядью в новый дом не въедешь, надо купить то и се. И тогда приглашать.

Пока что и сесть не на что.

Но друганы и подруги все равно пришли, товарищи ближе к ночи сбегали на сквер и принесли Графу садовую скамейку со спинкой, на чугунных ножках. Хохот стоял гомерический!

А месяц спустя Графова скромность получила другое, и довольно неожиданное объяснение: у него теперь есть невеста и она хочет жениться.

— А где познакомились? — невинно спросила подруга, и ответ не заставил себя долго ждать: в магазине.

— В каком отделе? — продолжала допрос Ланочка, подозревая, что ответ знает.

— Так в винном! — браво отвечал ветеран. — Она тоже любит коньяк, представляешь? И угостила меня! У меня было только на портвешок.

— Где угостила-то?

— Ты что, у меня что, нет квартиры? На втором этаже, и с лифтом! Как инвалиду войны! В кирпичном доме, постройка старая, надо ремонт делать. У нее бригада есть знакомая! К свадьбе подготовимся!

— Ты что! — горячо воскликнула Ланочка, всегдашний советчик. — Ты зачем! Она же из-за выгоды!

И прикусила язык. Шапочкину незачем было знать, что ни одна баба на него не польстится просто так.

Тем более что Евграф был полон планов.

Он конкретно намекал, что они с женой продадут квартиру и переедут в деревню, там будет целое поместье, он давно об этом мечтал. Пруд с рыбой!

— Ага, и мост через пруд, — отвечала на это Ланочка, цитируя любимого Гоголя.

— Приедете на шашлыки! Но пока — молчание! — счастливым нетрезвым басом заключил Шапочкин.

— А сколько ей? — слабым голосом спросила Ланочка, мимо которой прошло уже несколько подобных историй, закончившихся все так же, группой товарищей над свежевырытой ямкой.

— Да молодая ишо, — кочевряжась, отвечал Евграф. — Сколько тебе по паспорту? — И в ответ кто-то в трубке засмеялся нехорошим смехом. У Ланочки мороз пошел по коже. — Сорок шесть, ежели не обманывает. А по виду полтинник.

Снова нехороший смешок поблизости.

— А зовут?

Пауза.

— Евграф, ты знаешь, как ее зовут? Или нет?

— Вообще зовут ее Галина. Но это плохое имя, не ее. Я ее зову Маруська. Маруська! (Тот же смех в ответ.)

— А фамилия?

— А зачем?

— Граф! Ты что, скрываешь от коллектива? Почему?

— Ну... Она же еще не жена мне...

— Тем более! — воскликнула напористая Ланочка. — Граф! Как ее фамилия?

— Как твое фамилио, — спросил Евграф кого-то, упирая на букву «о», и тут же, послушав чей-то очень тихий ответ, повторил:

— Кукушкина? Ку-что? Кума-что? Дай паспорт! (Прогремел.) Дай, кому говорю! А то не женюсь! Та-ак... (Треск, скрежет в трубке.) Паспорт! Та-ак. Ну и что мы тут имеем? Ку-бы-тра-та-та... Ну и что хорошего? Сменим, сменим фамилию... Шапочкина-то получше будет. Галя.... А-ха! (Скрежет.) Галя ты Галя! О как! Пятьдесят лет! О! Все! А будет Шапочкина! И не возникай у меня! Маруся Шапочкина! Все, Ланка, пока. Уезжаю на натуру!

Больше его никто не видел.

То есть была весна, потом пошло лето, важное время для нищих владельцев дачных участков.

Там, только там был источник дальнейшей жизни, грядки.

Ланочка отъехала на свою фазенду под Тучками, где сначала пахала, потом полола, потом собирала и варила.

Приехав за пенсией, Ланочка позвонила Евграфу, но безрезультатно.

И она собралась и отправилась к Графу домой.

Адрес у нее был записан еще со времен новоселья, когда был вот уж настоящий праздник! Не на похороны, не на поминки или годовщину, а на новоселье — которого уже очень давно у этого исчезающего братства не было.

Когда товарищи с криком: «Мы тебе мебель принесли!» — поставили ему садовую скамью на кухню.

Вооружившись листочком с адресом, Ланочка поехала.

Приехала. Долго звонила, нажимала на кнопку многократно.

В квартире Шапочкина явно кто-то был, там ходили, какие-то мужские голоса слышались.

Но ей даже не ответили на звонки в дверь, а уж тем более не открыли.

Ланочка ушла, уверенная, что Евграфа убили.

Ее заявление в милиции принимать не хотели, но затем, к вечеру следующего дня, после почти суточного напора этой неугомонной гражданки пожилого возраста, его все же приняли и зарегистрировали.

— Бабуля, — сказал следователь, — какая там банда! Алкоголики часто женятся на иногородних. Да сколько угодно! А потом обменивают с приплатой на деревню. Такой сценарий. И набежит к алкашу вся эта кодла, и эти деньги пропьют, а частично и отберут. И замочат хозяина. Это же все нелюдь. Отброс человечества.

— Какой отброс, он же известный художник! Он фильмы делал!

— Ну и что? Вы даже не думайте. Это чистый ви-сяк, нераскрываемое дело, я вам говорю. Тем более какой резон мне вас обманывать, я уйду вообще отсюда... Увольняюсь. Сколько здесь платят, это просто смешно! Мне что, взятки брать? Не-ет! (Он вдруг выверился куда-то в угол, соорудил козью морду воображаемому собеседнику.) На прощание я бы мог с вами и согласиться, но правда сильнее. Даже из уважения к вам дело не успею завести.

Ланочку действительно все люди ценили, уважали и оказывали ей всевозможные знаки внимания, даже этот следователь. Но она чувствовала, что данный дяденька, лысый, грязноватый и потный, явно что-то

знает, слишком уж он прятал глазенки. И уходит с работы почему?

Из милиции не увольняются, из нее увольняют.

41. Ланочка выходит на тропу войны.

Память у Ланочки была фантастическая. Особенно слуховая.

Она великолепно, например, могла говорить на иностранных языках всякую абракадабру, копируя произношение.

Это у нее всегда был отдельный номер на пьянках коллектива, называемых «капустники».

Однажды был такой эпизод, она его широко рассказывала, что привелось ей ехать в Ригу, дали путевку, и соседкой по купе у нее оказалась такая смуглая блондинка, причем с ярко-синими глазами, одетая просто шикарно, как в каком-нибудь Мариуполе (зеленый кожаный пиджак, оранжевые сапоги на высоком каблуке) — и которая говорила приблизительно так (тут народ замирал перед приступом хохота):

— Шо я т-кая заг-релья, ну я с Одессы еду. Вот как вас зывают? А, Лана. А меня Индия, оч приятно мне п-зна-акомица. Вот х-тите, паспырт п-кыжу?

И Индия эта тут же полезла в свой сапог и достала слегка такой погнутый — по форме ноги, разумеется, — документ.

В паспорте она фигурировала, правда, как Зинаида.

Показать документ значило, что тебе доверяют полностью.

И ты можешь полностью доверять этому человеку.

Тут в купе отъехала дверь.

Там — как портрет в раме — предстал пожилой красавец, загорелый и тоже крашеный блондин, который произнес что-то со знаком вопроса (тут Ланочка выдала серию звуков явно не по-русски, но с понятным акцентом).

Тогда Зинаида ответила ему так (опять серия звуков), и, как поняла Ланочка, она сказала, что еще не успела провентилировать этот вопрос.

Блондин кивнул. Дверь закрылась.

И Ланочка тогда (внимание!) полностью повторила за Зинаидой ее фразу (на капустниках у них всегда шел повтор и взрыв смеха у публики).

Зинаида эта вытаращилась и сказала что-то еще.

Ланочка тут же продемонстрировала то, что было сказано, но с вопросительной интонацией. Допустим, Зина произнесла: «Ты шо, все понимаешь по-нашему?» А Ланочка то же самое повторила как в шутку. «Все понимаешь по-нашему?» — насмешливо воскликнула она.

После этого Индия пропала из купе.

Видимо, пожилой блондин спросил ее что-то о Ланочке. То есть стоит ли с ней иметь дело. А Индия ответила, что пока непонятно, но посмотрим.

И Ланочка раскрыла все их секреты.

И вот теперь она, приготовившись для решающего рывка, стояла на площади Киевского вокзала с полукрытой сумкой, из которой торчал широко от-

крытый и чисто вымытый пакет от кефира (а в нем пузырьки со старыми микстурами и коробочки от лекарств, тоже не новые), а также толстый кошелек.

Она явилась сюда, потому что до нее дошел слух об одной вокзальной цыганке Саше, которая подвизалась на Киевском вокзале и не то что бы гадала, но иногда провидела некоторые вещи, в частности, одной далекой знакомой Ланочки она сказала, что ОН в колодце.

Просто так сказала, когда та несчастная шла мимо с электропоезда от Апрелевки.

Цыганку никто не спрашивал, кстати.

Она сама привязалась, даже пошла рядом.

— Дай погадаю, золотая, он в колодце, твой любимый, кого ты ищешь, — сказала она.

— Что, погиб? — спросила, готовясь заплакать, бедная женщина, и сняла с пальца серебряное колечко.

— Да не знаю еще, — отвечала гадалка.

— А как вас зовут? — воскликнула бедняга.

— Саша ее звать, — отвечали в толпе цыганок насмешливо.

Ибо нет пророка в своем отечестве.

Над пророками издеваются, да.

Свои им не верят испокон веку.

Саша, ухватив колечко, тут же растворилась в толпе соплеменниц.

Речь шла, конечно, о коте, которого вся семья искала уже неделю по дачному поселку.

После встречи с Сашей были обшарены окрестные колодцы, и бедолагу, мокрого, заплесневелого,

но живого, сидящего на каком-то выступе в глубине сруба, подцепили ведром.

То есть как подцепили: он сам, умный кот, перевалился туда. Ведро-то качалось рядом, как не воспользоваться! Коты любят прятаться во что попало.

Та женщина долго искала эту легендарную Сашу, чтобы отплатить ей за предсказание, но цыганки, как видно, кочевали по всей Москве.

Единственное место, где ее можно было надеяться найти, это была все та же площадь Киевского вокзала.

Киевский вокзал нищих девяностых годов двадцатого века!

Шеренги людей на подходе к метро по обе стороны, как почетный караул, сильно помятый, продающий с рук штаны-пиджаки-пальто, старушки с сигаретами, блоками, пачками и поштучно для молодых, цветочная мафия со своими пластмассовыми вазонами, ошалелые менты с раздутыми карманами.

Ну и цыганки.

Они кочевали по вокзалам, причем это явно были разные группировки, иногда они переругивались через площадь, легко перекрывая воплями пространства и посылая проклятия в адрес конкурирующего племени.

Ланочка специально наменяла мелких денег, набила ими старое кожаное покойного дяди портмоне до полной пухлости, надела на плечо бывалую сумку, напихала туда каких-то брошюр, тряпок, поставила тот самый вымытый и высушенный пакет из-под кефира, внутрь которого засунула много пу-

зырьков и коробочек от лекарств, чтобы было понятно, с кем имеете дело (больная на всю голову), добавила заветренные полкочана капусты, затем поверх всего выложила портмоне и застегнула сумку, но расчет был на то, что молния постоянно расходилась посредине.

На плечи Ланочка накинула старинную красивую, хоть и рваную, шаль.

Весь антураж должен был говорить о невменяемости хозяйки.

Затем, вооруженная всей этой бутафорией, Ланочка вышла из метро на площадь.

Так и есть, враждующие племена кочевали по площади. Грозно перекрикивались издали.

Ланочка рассекала одну семью по диагонали.

Ее тут же окликнули из этой толпы родственниц:

— Погадаю, женщина, ой, на твоего любимого, он вернется, положи на ладонь какую-нибудь вещь, с металла что хочешь, кольцо там, цепочку, не бойся.

Ланочка сделала ангельское лицо и воскликнула:

— Ой, а у меня только деньги!

— Ну положи деньги, золотая.

Ланочка полезла в сумку, открыла ее, достала свое пухлое портмоне.

Племя уплотнилось вокруг нее.

Ланочка приостановилась с кошельком в руке:

— А скажите мне, дорогая, я ищу цыганку Сашу.

Цыганские родственники заволновались, одна пожилая красавица заорала через всю площадь:

— Бамбалимба кай ёв исы Саша?

Видимо, обращаясь к тому племени.

По крайней мере, так показалось Ланочке, «бам-балимба»

Оттуда выставили что-то типа кукиша.

Издали не было видно подробностей, но кричали что-то обидное.

— Саша ушла, — горько сказала красавица, и это прозвучало как «Саша ушла навеки».

— Саша тампампарару, ёй угэя, — пояснила она своим.

Ланочка положила на ладонь кучку бумажных денег, цыганка их быстро спрятала в боковой карман и начала:

— Твой любимый, дорогая, ушел. Но если ты положишь на руку еще денежек, я погадаю, когда он вернется.

— Сейчас, минуточку, я мигом, ой, — пропела Ланочка и выбралась из семьи невредимая.

Путь пролегал через толпы торгующих, но та, враждебная предыдущей, группировка пестро одетых женщин четко просматривалась вдали.

Ланочка вошла в этот чужой предыдущему клан бесстрашно и с уважением, как укротитель в клетку с красавцами тиграми, только так и можно было себя вести.

Вокруг нее сгрудились ожидающие с предложениями насчет найти любимого.

Почему-то все они были уверены, что любимый ушел от Ланочки.

Видимо, такая уж у нее была внешность.

— Саша тампампарару ёй угэя? — визгливо произнесла Ланочка.

— Саша? — оглянувшись на своих, переспросила обалдевшая цыганка, высокая и прекрасная.

— Саша тампам парару кай ёй исы? — на чистом цыганском языке произнесла Ланочка.

— Бамбалимба трр прр кай ёй исы Саша, — сказала цыганка, и Ланочка повторила за ней ту же фразу точь-в-точь, но как бы со знаком вопроса.

Женщины начали гомонить.

Ланочка тут же дублировала наиболее громкие слова. Было такое впечатление, что она активно участвует в разговоре.

Портмоне она все еще держала в руке.

Даже иногда Ланочка им потрясала, как аргументом.

Наконец ей привели пожилую цыганскую даму, которая с интересом, довольно остро, зыркнула на Ланочку и тут же сказала:

— Положи на ладонь че-то, кольцо, цепочку, все скажу про твоего любимого.

— Металла нет, Саша дорогая, есть деньги.

— Ну положь деньги, хотя там у тебя небогато.

— Смотрите, Саша уважаемая, мне про вас говорили, вы много видите, вы другая тут, не как все, вы гениальная!

Семья изобразила на лицах многое — сомнение, легкий смех, удивление, даже презрение.

Виновница же событий стояла твердо, не меняя выражения лица.

— Сашечка, гений, поищите, где он, вот фото любимого.

Ланочка вынула из кармана общую фотографию, там Граф стоял в центре.

— Вон он, с костылем. Граф. Он фронтовик, с одной ногой. Пропал.

— О, бамбалимба, лачо мануш! — произнесла Саша. — Ёв угэя? Лачо мануш? Тебе надо кай ёв исы Граф?

— Кай ёв исы лачо мануш, — согласилась Ланочка. — Граф ё-ё угэя. Тампарам.

— Бамбарда кай ёв исы, — поправила ее Саша. — Кай ёв исы.

— Бамбарда кай ёв исы Граф? — почти со слезами выговорила Ланочка.

Остальные цыганки, ошалевшие от речей этой бабушки, смотрели на нее и на фото с интересом.

Некоторые призадумались, как бы вспоминая что-то.

Или просто делали такой вид, артистки.

На кону стоял толстый кошелек!

Саша с большим уважением отнеслась к речи Ланочки.

Она как будто бы увидела в ней равную себе персону, умную и хитрую. Но профессия не давала ей поблажки.

Дома ждали голодные дети и таковой же муж.

— Бамбарда дэ мангэ, мэк мишто, — сказала она, показав подбородком на портмоне.

— Бамбарда парару, мэк мишто, — согласилась Ланочка и отдала портмоне в протянутую проворную руку. — На.

— Када на мишто. Парарам нанэ бут лавэ,— прерзительно сказала Саша, даже не открывая подношение.

— Парара, нанэ, — печально согласилась Ланочка. — Но лачо. Нанэ бут лавэ. Ой-ёй, тарара пам. Больше нету. Нанэ бут лавэ.

— Граф... — Саша подумала и приняла нездешний вид.

Цыганки смотрели на нее ревниво, посмеиваясь.

Некоторые отвернулись, одна даже с воем зевнула.

Соплеменницы ревновали, явно.

— Найду, золотой перстень отдам, — сказала Ланочка, у которой все семейные ценности перешли в собственность НКВД — после ареста отца, отъема квартиры и самоубийства матери, когда папу снова посадили, едва он пришел домой после семнадцатилетнего отсутствия. Но папа после второго возвращения женился на сестре мамы, а у той, в Ленинграде, все еще оставалось имущество.

Саша вдруг прищурилась, глядя поверх Киевского вокзала и гомонящей толпы.

Подруги тоже насторожились, услышав про золотой перстень. Как напевал в таких случаях папа Ланочки, пришедший живым после второй отсидки, «люди гибнут за металл».

(Он добывал уран и хоронил друзей в вечной мерзлоте лагеря Бутыгичаг. Всю зиму их останки ждали погребения в подсобках (вечная мерзлота непробиваема), а с приходом тепла заключенных выгоняли рыть траншеи, куда складывались трупы с бирками на ногах и засыпались все той же ледяной почвой.)

Ланочка смотрела на Сашу отчаянным взглядом.

Саша может спасти Графа.

Наконец та сказала:

— Жди, скажут. Жди не отходи.

И ушла, растворилась в толпе цыганок.

Ее соплеменницы, заинтересованные золотым перстнем, все еще толпились вокруг Ланочки.

Но, разглядев ее пакет от кефира, полкочана капусты и брошюры, а также весь нищенский наряд в купе с дырявой шалью, довольно ветхой, которая повисла поперек растерзанной Ланочкиной куртки, табор начал линять.

— Шапочкин кай ёв исы парару? — возопила Ланочка и стала вытягивать из-за плеча шаль, намереваясь ею отплатить за дальнейшую информацию, но цыганки потеряли к клиентке всякий интерес и растворились в толпе.

Гениальная цыганка Саша забрала все деньги.

А отвечать на этот прямой вопрос без оплаты никто из них не желал.

— Парару, кай ёв исы? — громко произнесла Ланочка, готовясь к отходу.

Да и табора уже не было.

Руководимая одной мыслью, она кинулась домой за деньгами, сбегала, купила в продуктовом что нашла (а в магазинах тогда было представлено на полках что: необыкновенно вонючие консервы «Завтрак туриста», хлеб черный помятый (только по утрам) и трехлитровые банки с маринованными кабачками всегда, а алкоголь если и был, то в виде знаменитого рвотного «Солнцедара», но по до-

мам бабы варили брагу из чего попало, а мужики самогонку).

Ланочка хапнула в магазине последние две буханки черного, а также выпросила у знакомой продавщицы пачку маргарина.

Но с прошлого года у Ланы, слава тебе Господи, имелись свои солености, еще не все они были подарены друзьям: самодельное, взамен исчезнувшего болгарского, лечо, баклажанная и свекольная икра, а также закатанные банки с грибами, помидорами, огурчиками, да и варенье черносмородиновое, клубничное, яблочное и облепиховое. Сахаром люди (и мужики тоже) запасались всю зиму.

Когда его вдруг «выкидывали», выстраивались огромные очереди.

И засушенные яблоки имелись на крайний случай (тот год был урожай).

Ланочка была готова держать оборону при своей квартире и при телефоне, а именно так она поняла слова «не отходи».

42. Ланочка ждет послания от Графа

Граф ведь не знал ее адреса, и ни письма, ни посланца ожидать не приходилось.

Но Граф знал номер ее телефона.

В любой деревне, в любой дыре найдутся московские дачницы с детьми, а куда еще девать подрастаю-

щее поколение, пионерские лагеря отменились, а на курорты ни у кого денег не было.

Поэтому ехали матери-бабушки в деревню, где лес с грибами и ягодами, где речка или ручей с запрудой и где местные бабки еще держат козу и десяток куриц, и можно купить яйца, молоко, тем более козье, да и смородину с малиной, а ничего лучше для прокорма детей и варки варенья не придумано.

Сахаром к лету запасались.

Старые женщины — основа жизни народа, так сказала себе старая женщина Ланочка и не выходила из дому две недели.

Даже в ванную она носила с собой телефон, как болонку на поводке.

Посторонние звонки подруг Ланочка отсекала. Всем было все объяснено. Да и звонили ей редко — только по поводу болезней и кто помер. Все же сидели на дачных участках.

На исходе этого срока разразился громкий звонок, межгород.

— Москва! — Упирая на «о», прокричала далекая телефонистка. — О-один шесть один четыре шесть четыре один? С Меленками говорить будете?

— Да, да! — завопила Ланочка. — Да, буду!

И чей-то женский голос сказал:

— Это Лана? Это от Евграфа Николаевича к вам. Он передает вам привет, вот адрес, запишите: деревня Дубцы Меленковского района Владимирской области. Пишете?

— Сейчас! — закричала Ланочка. — Вот ручку беру!

— Взяли?

— Сейчас... Вот да! Пишу!

Как всегда, в последний момент ничего не оказывается под рукой.

И, поскольку Ланочка эти две недели коротала время, рисуя акварелью свои балконные цветочки, она стала записывать адрес кисточкой в альбоме.

А что делать? Человек звонит оттуда и платит даже за минуту!

— Евграф Николаевич вам привет передает и свой адрес, деревня Дубцы Меленковского района Владимирской области, это надо ехать до Мурома, оттуда до города Меленки. Там автобус до Панова, слышите? Ну а там пешком полтора километра до Дубцов. Приезжайте, он плохой тут. Я сама с Волгограда, — добавила женщина, — спросить в Дубцах Нину Ивановну. Там знают. Я с Волгограда!

Связь прервалась, и уже на следующий день в шесть часов утра, сойдя с поезда, Лана ждала автобуса на привокзальной площади старинного города Мурома, а затем ждала автобуса на Меленки на городской автостанции, купив билет в кассе, но не попав в число пассажиров первого рейса.

Ланочка мужественно восприняла эту беду, она ошиблась — народ пошел на автостанцию в обход, кругая, а она рванула напрямик, коротким путем, туда, где стоял автобус, и напоролась на дорожные работы, простиравшиеся вправо-влево глубоким рвом.

Народ все знает лучше, терпит и знает пути, а интеллигенция прет напролом.

Ланочка, таким образом, осталась куковать еще на полтора часа, в наказание за неверие в смекалку местных.

Она не представляла, что еще ее ожидает — так она потом рассказывала по телефону подружке Стручку, тоже безработной художнице, ветерану комбината, которая имела кличку «Танцуют все», поскольку мастерски рисовала групповые пляски народов СССР и танцы животных — особенно медведей.

Стручок была уже бабушкой со стажем, старший сын у нее выучился на адвоката и защищал бедных, а она все еще занималась танцами по системе Айседоры Дункан, разработанной в конце двадцатых годов знаменитой Алексеевой, где в этой студии до недавних пор танцевала босиком, в тунике, и Ланочка. Благодаря чему сохранившая подвижность, стройность и стремление принимать античные позы. (Древнегреческие туники в студии изображали отбеленные в каустической соде простыни, а под ними студийки носили треники.)

В другой системе координат носатенькая Стручок была родом из князей и время от времени заседала в недавно созданном дворянском собрании, а там проводил время и еще один человек из худкомбината, про которого по комбинату шла молва, что он Романов по прапрапрадеду, а прапрапрабабушка была дворцовая горничная.

Судя по его лицу, она была уборщица, так считали коллеги по комбинату. Ну да император Павел имел такую же внешность.

Прозвище у него было Потомок, и он отличался общественным темпераментом и все время подписывал обращения.

Подпись у Потомка была «Н. Романов», точная копия царской (художники все умеют), а звали его действительно на букву «Н», но Никита. Оба эти человека нам не по сюжету, но это были друзья Ланы и Графа.

43. XX век. Ланочка и Граф

А Ланочку ожидал долгий путь на автобусе, двухчасовое сидение за тарелкой щей и древней, чрезвычайно жилистой куриной ножкой с темными макаронами в ресторане города Меленки, в ожидании автобуса на Ляхи, а оттуда автобуса до Паново, затем путь по лесам и полям от Панова до Дубцов, переход через речку Черничку босиком и закатав брюки — и прямая дорога вверх на деревню.

Судя по глубоким вмятинам на обоих бережках Чернички, тут недавно лежало бревно, но его унесли. В России ничто полезное не должно просто так валяться.

И тут сердце художника забилося — окрестные холмы в тумане, силуэты сосен, чистый Хокусаи!

Брать акварель и плакать.

Но плакать не пришлось, не тот человек была Ланочка, однако же вскоре захотелось, причем по другому поводу.

Избу Графа найти оказалось легко, первая же Ланочкина ровесница, стоящая на улице в ряду других деревенских бабок, показала его дом.

— Ждем стадо, — объяснила она, упирая на букву «о», — я бы вас отвела, а отойти нельзя, кривой Лёнька-пастух опять нажрался и где-нито спит, а стадо-то идет!

Лана, дойдя до места, увидела справную избу, крашенную в голубой цвет, увидела немые, тусклые окна в красивых наличниках, крылечко и дверь.

Ну ничего, сказала себе Ланочка, сойдет. Окошки помоем.

Она вошла в сени, рванула на себя дверь, обитую рваной холстиной, все чин-чинарем, и вступила под небеса.

Крыши не было.

То есть еще имелись кое-какие стропила.

Остатки крыши декорировали избу, но только со стороны улицы.

В уголку, под каким-то оставшимся карнизом, сидел на кривой табуретке Граф.

Он опирался на единственный костыль.

Рядом находилась облезлая печка, бывшая белая, и лежало два куска фанеры, видимо, на растопку.

За печкой находилось лежбище, про которое и говорить нам неудобно.

Пол был мокрый и грязный — недавно прошел дождь.

Граф сидел ровно такой же мокрый и грязный, заросший большой седой бородой. И очень худенький.

— А, Ланка, приехала, — сказал он, закашлявшись.

Поздоровались, поцеловались в щечку.

Ланочка смахнула слезу.

На полке, криво прибитой к стене, лежало пропитание: две вареные прошлогодние картофелины, соленый огурец и половина буханки, уже ошипанная.

Явно дары крестьянок.

И стояла старая жестяная банка с поднятой кривой крышкой из-под зеленого горошка венгерского производства — видимо, для питья.

Граф гордо и независимо смотрел на Ланочку, но щеки у него были мокрые.

Лана не обратила на эту деталь никакого внимания, шустро выбежала, вернулась с Ниной Ивановной и охапкой поленьев, Нина Ивановна запалила огонь в печке.

Изо всех щелей повалил густой дым.

Граф, кашляя, сказал:

— Я бы замазал, но за глиной идти, костыль один, как раз навернешься. Спасибо, она меня сюда зимой не завезла. Я бы на следующее утро уже был бы готов. А телефона тут нет, алкаш один, Олень, все провода телефонные в лесу на продажу срезал, тут пункт приема цветных металлов в Ляхах. Электрические только оставил. Нина Ивановна вот тебе позвонила поехала в Меленки, спасибо ей.

— Так, идемте к нам, — сказала Нина Ивановна, тут же переименованная в Ниночку Ивановну.

Все трое они кашляли, пока шли по улице.

Оказалось, что она звала Графа к себе жить, но он решил, видимо, тут и помереть. Назло кому-то.

Кое-как перебрались.

У Нины Ивановны в доме за столом сидела старушка постарше, без зубов.

— Это сестра моя, — успела выговорить Ниночка, — не обращайтесь на нее.

И тут же, даже не ответив на «здравствуйте» Ланочки, эта сестра сказала Нине:

— Опять любовника привела? Не стыдно в дом их водить, где твои внуки спят? Проститутка ты. Паблидушка.

Ланочка быстро посадила Графа на первую попавшуюся табуретку и сказала:

— Да нет, это я, это я за ним приехала, уезжаем мы.

— Куда это? — с насмешкой спросила сестра. — Скатертью дорога.

— Мань, уймись, — встряла Ниночка.

— Да мы в США, — отвечал пришедший в себя Граф. — В Соединенные Штаты мы Америки.

— Еврей? — спросила сестра со смехом. — Вот то жида на нас напали. Давно вас не видели. Здравствуйте пожалуйста. Деньги есть?

— Да, — отвечал Граф. — Еще бы! Ноль целых, хрен десятых.

— Русского хлеба нажрались, — сказала Маня. — Теперь бегут.

— Да, — согласилась Ланочка. — Что вам оттуда прислать? Теплую кофточку? Или лекарство? Вы ведь серьезно больны?

Маня открыла рот, чтобы ответить как бы с насмешкой, но Нина вмешалась:

— Да, она серьезно больна, это моя сестра, познакомьтесь. Маня.

— Очень приятно, Лана Александровна. А это Евграф Николаевич. Мы скоро уедем. Какой у вас диагноз?

Маня ответила:

— Это у нее диагноз, а у меня никакого. У нее диагноз шизофрения, она посуду не моет, за детьми не смотрит, они вон на улице с утра бегают, она только любовников себе заводит. Варенье сварила смородину, а клубничное не варит, любовникам ягоду раздает. Мне только пастилу в больницу носила и печенье.

— Колбасу там не принимают, на героев Шипки, — успела сказать Нина Ивановна.

— Сама ты на героев Шипки, — засмеялась сестра. — Ты на героев Шипки три раза лежала. А я ни разу. В психушке, да.

Граф прохрипел:

— Надо ехать нам срочно в США. В самолете нас с нетерпением ждут. Машину найти.

Нина Ивановна тем временем наделала бутербродов с чем-то подозрительно коричневым, сказав: «Это икра кабачковая, заморская, сама в прошлом году делала», налила кипятку в чашки, положила листиков («это мята, тут растет, под крыльцом») и выпалила уже на бегу:

— Ешьте пока, я схожу к соседям, у них есть машина.

— Это моя икра, — вмешалась Маня. — Платите деньги.

Нина Ивановна остановилась в дверях:

— Ну хватит, ей-богу. Что людей пугать. Не бойтесь, она хорошая.

— Только у меня пока что долларов-то нету, — ответил Граф и поклонился Мане.

Маня закричала:

— Что ж ты любовника такого привела, сама ты, Нинка, нищета голожопая, клубнику не может сварить, и он такого же семени. Ладно, берем.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, нам до Америки только доехать, это недалеко, — ответила Лана.

— Два часа целых, — сказала Маня. — Знаю, там есть город Кишинев.

Нина Ивановна, кивнув, выскочила вон, а Маня продолжала:

— В Кишиневе кишки. Одни кишки. Меня похоронили за старой черной стеной.

— Да что вы, — отвечала Ланочка, подавая Графу чай и бутерброд.

— Я с пятью стажами, — похвасталась Маня. — Я старый большевик по матери.

Через полчаса Ланочка повезла сытого Графа (бутерброд и две чашки мятного чаю) на соседском «Москвиче» в Муром, на вокзал.

Ехать пришлось через лес, по колдобинам и оврагам, по размытым и глубоким колеям.

Граф и Ланочка, оба худые, доехали до Мурома в буквальном смысле слова потрясенные.

Но билетов на Москву в кассе не было, поезд пришел, однако же все проводницы стояли в дверях как вратари, готовые не пропустить гол.

Ланочка напрасно кричала им снизу, что это инвалид войны, пыталась найти бригадира поезда, но все напрасно.

Одна только проводница отвлеклась, стояла в профиль, глядя в коридор, с кем-то там хохотала, и Ланочка живо посадила Графа с костылем на нижнюю ступеньку, он прыгнул еще выше, потом взгромоздился на площадку, а Ланочка, брякнув сумку на пол, встала за ним вплотную, держась за поручни.

Как стена.

— Куда! — выверилась проводница, поворачиваясь и тесня могучим корпусом старика. — Нельзя! Нет мест, сказано!

— Это инвалид войны, — закричала Ланочка, — я тебя под суд отдам, уволю! Ты враг народа! Я корреспондент, журналист! Он едет в Кремль, выступать! С ума сошла, идиотка, толкать героя! У него с сердцем плохо! Немедленно бригадира сюда!

А поезд уже тронулся. Проводница, матерясь, еще некоторое время стояла горой в проходе, но потом пропустила Графа и Лану в коридор, с грохотом убрала ступеньки, закрыла наружную вагонную дверь, заперла ее, плюнула с досады и ушла к себе.

Ланочка открыла дверь в первое купе. Оно было совершенно пустое.

Она посадила Графа у окна и из любопытства прогулялась по вагону. Ни единого человека.

Поезд в Москву шел без пассажиров.

Но билеты на него в Муроме не продавались.

Лана пошла скандалить к проводнице, хотела купить билеты, требовала вызвать бригадира.

Грозилась в Москве написать жалобу в министерство, и вас всех тут снимают.

У толстой проводницы в купе сидела еще одна толстая проводница, которая явно сочувствовала Ланочке, кивала, моргала и в ответ на крик Ланы, кто тут за все ответственный и на кого писать жалобу в министерство, показывала большим пальцем на хозяйку.

В ответ присмирившая тетка принесла им с Графом по стакану чая с сахаром, парочку сухек и даже таблетки на блюдечке:

— Вам от сердца, помогает.

И быстро ушла.

Граф посмотрел на таблетки и сказал:

— Это клофелин. Валит часов на семь.

Ланочка, знающая все страшные истории города Москвы, возразила:

— Это если примешь с алкоголем.

Слава Богу, больше к ним никто не приставал, Ланочка все-таки везла героя войны в Москву, в Кремль, но почему поезда ходят пустые, она так и не выяснила.

Может быть, это был повсеместный, на всю страну, заговор проводников, никого не принимать на станциях, с пассажирами одни хлопоты, грязь и пьянство, туалет закрываем один, но второй-то все равно убирать за ними, а доходов никаких.

Одна зарплата, которая не будет у тебя ни больше ни меньше, полный вагон везешь или пустой.

Или же кто-то снял целый поезд на свое мероприятие, мало ли, юбилей или свадьба дочери.

Странные времена настали в стране, ничего никто никому так и не объяснил, что происходит.

44. Граф в Москве

Ланочка привезла свое сокровище в Москву, они доковыляли до огромной очереди на такси, но и тут с криком «Пропустите инвалида войны» Лана провела его мимо длинного хвоста ожидающих пассажиров (Граф на одном костыле буквально скакал, иначе не получалось) — и поставила впереди разношерстной колонны.

Дело в том, что когда Граф громоздился на ступеньки вагона, а Ланочка его снизу подпихивала, она сквозь его тощий бок наткнулась на какие-то острые железяки в правом кармане.

И перед Москвой заставила Графа накрутить эти ордена на его поредевший на локтях и в районе обшлагов сероватый пиджак.

Про лацканы и говорить было нечего, они давно пребывали в скрученном состоянии.

Люди не вкннули ни полслова.

Нищий герой, да на одном костылике, вызвал у очереди единение, солидарность и благодушие (в отличие от тех беременных девок и мамаш с семью детьми, которые составляли постоянный авангард и источник раздражения очереди с требованием «через одного!»).

(Таксопарки в те годы позакрывались, а частный извоз на площадь Трех вокзалов не совался, менты караулили и драли с водил по-черному, якобы штрафы. Да и тот убитый и с довольно вонючими салонами транспорт, который сновал по улицам Москвы под управлением мигрантов, останавливаясь на поднятую руку, так ошарашивал клиентуру, что она махала той же рукой, показывая «мимо!» — таковой транспорт вскоре был заменен «Жигулями» почище, а лучше всего шли «Тойоты».)

А на вокзале, куда приехали Ланочка с Графом, эти передние очередницы, многодетные и беременные, тоже, правда, промолчали, когда появилось долгожданное такси и Ланочка, не глядя ни на кого, но извинившись, усадила своего подопечного на заднее сиденье.

Кстати, кроме орденов, Граф сохранил еще и паспорт, неработающую зажигалку в виде пистолета и ключи от квартиры.

Которые ему оказались ни к чему: Граф с Ланочкой приехали, поднялись, но ключи не сработали, дверь в жилое помещение не открылась. Была как забетонирована.

Даже не тряслась при дергании за ручку.

Хотя внутри происходило какое-то шевеление и кто-то тяжело прошел мимо стоящих по другую сторону дверей Ланочки и Графа.

Лана повела своего героя в милицию, узнавши адрес у бабушек на лавочке (Граф сказал «Народный контроль в действии»), посадила его там в коридоре на стул, написала заявление (Граф подмахнул), поло-

жила бумагу на стол дежурному, заставила его зарегистрировать этот важный документ, затем поднялась к начальнику отделения, майору Клопову (это имя значилось на двери).

Секретарши почему-то не было, и Ланочка ворвалась в кабинет с криком: «Героя войны, инвалида, в его собственную квартиру не пускают какие-то (тут Лана помедлила) иногородние пенсионерки! Лимита! Заняли жилплощадь! Кричат, что он на них женился! А прописки у них нет!»

Лана специально выбрала такой невероятный сюжет, чтобы Клопов понял — там не с кем воевать, пенсионерки народ хоть и скандальный, но против милиции не пойдут. И как это — женат на пенсионерках?

Многоженство?

Граф сидел на первом этаже и тихо матерился, позывая орденами.

Ему хотелось курить, и он поскакал на своем костыле к дежурному. Тот выдал ему хорошую сигарету, с уважением поднес огонька, и Граф наконец, после месяцев воздержания, закурил.

А этажом выше майор Клопов, который был недоволен таким внедрением к нему этой старушки (секретарша, видимо, выскочила на момент, за ней это водилось, человек есть человек), этот майор смотрел то в окно, то на экранчик своего пейджера, зевал, барабанил пальцами по столу, но наконец понял, что проиграл, и тогда обозлился и велел вызвать участкового, который отвечал за тот дом (Лане пришлось подождать полтора часа около секретарши, с которой она мигом подружилась).

Участковый был отправлен вместе с Ланочкой и Графом проверить якобы занятую какими-то иногородними пенсионерками жилплощадь.

И который участковый с большой неохотой пошел выполнять приказание — Ланочке сразу стало понятно, что он в курсе дела, мало того, было похоже, что он заинтересован в этой квартире, может, уже ему платят за незаконное там проживание, а может, он хочет занять ее сам.

Потому что он же, еще в милиции и в коридоре на верхнем этаже, на выходе у лестницы, сказал Ланочке:

— А вы кто ему? У него же есть жена? Вы-то кто тут? Какое вам дело причем, даже непонятно.

— А вы откуда знаете? — возразила она. — Про эту жену? А, так вы с ней заодно? А вот вы вообще в курсе, что она его вывезла в деревню, чтобы он ей не мешал приватизировать тут его квартиру? В деревню, в избу без крыши? Якобы это теперь его дом! На который она поменяла его квартиру! Высадила у крыльца и уехала быстро с его костылем, ему только один оставила, больному старику! Чтобы он не вернулся домой! Инвалид войны, ордена у него, пойдите к нему, он внизу сидит, сами увидите! Вы видали более наглое заявление? Что этот дом в деревне принадлежит ему? Вместо его собственной квартиры в Москве? Обмен якобы совершен? Это не его дом, причем он даже без крыши! У меня есть свидетельство соседей, они все подписали!

(Тут Ланочка вынула из своей сумки несколько посторонних, довольно уже бывалых, листочков и протянула участковому. Тот отмахнулся.)

Она напористо продолжала:

— Изба без крыши принадлежит другим, там две сестры владельцы, одна лежит в городе Владимире, другая за ней ухаживает. Они в деревне там не живут третий год. И дом — он ихов, так все дали показания, он ничего не покупал и на этот дом не менялся!

(Ланочка употребила для подлинности местное выражение и пошуршала листочками.)

— И что, (тут на нее снизошло прозрение), эта якобы жена, она вам что, справку о его вот смерти предоставляла?

— Какую? — поскучнев, сказал участковый.

— Какую, свидетельство о смерти. Фальшивое купила. Он жив, видите! Спустимся, увидите, сидит весь в орденах. Герой причем войны!

— А вам-то что надо?

— Освободить ему эту квартиру! Пошли! Майор Клопов дал вам указание! Это квартира Шапочкина. Героя войны. Вам из совета ветеранов еще не звонили? Они готовят судебное дело. Адвокат сын Стручка. О служебном несоответствии, вашем, кстати.

Участковый скривился. Еще этого ему не хватало вдобавок ко всему.

Они сошли вниз, где тихо матерился на своем стуле Граф с костылем, он поднялся с помощью Ланочки, пришлось опять останавливать частника, а они на мента в форме не останавливались, тогда Ланочка зашла за угол и привела машину обманным путем, и мигрант-водитель с них даже денег не взял, махнул своей немойтой ручонкой, хлопнул дверью и умчался.

(Ланочка правильно сделала, что одна пошла к начальству. Граф эту породу терпеть не мог и частенько прибегал к мату в беседах с любым руководством сверху донизу, с их директором чаще всего, — что оправдалось в конце концов, этот директор в результате родное их здание, комбинат художественных изделий, продал на сторону, а деньги присвоил и исчез. А тут, в милиции, за такие богатые и длинные нецензурные выражения, Ланочка опасалась, Графа могли и в КПЗ закрыть.)

Эта живописная тройка, достойная кисти Репина — тучный участковый в форме, которая ему была маловата, затем сильно помятая и наскоро, в поездном туалете, причесанная Ланочка (уже перед Москвой, после суточного путешествия в Муром) и тощий Граф, одетый как бомж, но с орденами на пиджаке — высадилась наконец из лифта и направилась к дверям графовой квартиры.

— Милиция, открыть дверь, — скучно сказал участковый.

За дверью была гробовая тишина.

— Ушли? — забеспокоилась Ланочка.

Граф рывкнул:

— Руки вверх, сдавайтесь! Милиция! Выходить по одному!

Мент потряс головой с неодобрением. Типа «не будем опережать, тут все по плану и без вас!».

За дверью забегали. О. Подействовало.

Стали покрикивать на каком-то языке, ругаться (по-нашему) .

Наконец, с той стороны с грохотом сдвинули что-то, видимо, засов.

Завизжало и дважды брякнуло об пол.

И, не ожидая приказа, на лестницу стали выходить персонажи из мультфильма «Али-Баба и сорок разбойников», одетые, правда, иначе, в тренировки и майки, сильно запятнанные.

Повеяло нечистым духом.

Авангард отряда был вооружен малярными валиками на длинных палках, ведрами из-под краски и кельмами.

На плечах остальных, однако, висели битком набитые полосатые сумки, последний писк моды из Китая. Сумки были, видимо, очень тяжелые, а последний нес еще и старый чемодан.

— Это мой! Уносят моё! — рявкнул Граф. — Руки вверх! Стоять! Проверка документов! Стрелять буду! Все пойдут по камерам!

И он мгновенно выхватил из кармана, противоположного костылю, зажигалку, имеющую вид небольшого пистолета. Всегдашнюю свою игрушку. Щелкнул якобы курком.

Свою гордость и, видимо, аргумент в спорах с собирателями бутылок.

Мент оглянулся на него с тем же выражением лица, но разбойники мигом побросали сумки и высыпались вниз по лестнице.

Грохот еще долго гулял по лестничным клеткам.

Второй этаж, сбежать вниз не проблема.

Квартира зияла распахнутой дверью, внутри было смрадно и нечисто.

Первым вошел мент.

Увидев обстановку (обои клоками, на полу прилипшие газеты, с потолка свисает обрезанный шнур от лампочки, это в прихожей, а дальше легкий смрад и грязь, какая бывает возле помойных контейнеров, кругом набросано и пролито) — участковый сказал:

— Разбирайтесь сами.

Ланочка с Графом с опаской вступили под своды этой пещеры, а мент нажал кнопку, вызвал лифт (со второго-то этажа!), но к нему буквально подскочила какая-то девушка с ребенком на руках и с забинтованной головой.

45. Соседняя квартира

То ли девушка скрывалась выше этажом.

То ли просто незаметно сидела на ступеньках.

— Я к вам. Мне надо вскрыть квартиру. Вот эту, рядом.

— Чё? — не понял мент. — Вскрыть? Вы чё? Сговорились тут? И у меня конец работы, всё.

Девушка протянула ему паспорт, видно, приготовила его, увидев мента.

— Посмотрите! Это моя квартира!

— Что же, ваша, а не входите? Входите. Если ваша.

— Моя, вот прописка в паспорте. Посмотрите.

Мент неохотно принял паспорт.

— Фото не ваше.

— Мое. Чье же еще! Только десять лет прошло. Вы тоже на себя в паспорте не похожи.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мент отвечал:

— Тут здесь живет пожилая с внуком.

— Вот, я ее дочь, только фамилия другая. По мужу.

— Ее дочь скончалась. Это не вы.

Тут девушка решительно забрала свой паспорт.

Мент зазевался. Он вообще давно пас данную квартиру.

Ответственная квартиросъемщица, старая бабушка, по его сведениям, была алкоголичка, притом больная, то и дело скорые, а ребенок маленький.

Родственников нет.

Если бабуля того, ребенка в детдом, квартира уходит кому? Государству.

А государство — это мы. Милиция, паспортный стол, ЖЭК.

Девушка же, эта контуженная, продолжала выступать:

— Да нет, я, я это. Вот это мой паспорт. Меня три года не было, я работала за рубежом. Вернулась, на меня напали на такси грабители, весь багаж увезли, меня избили, хорошо, ребенок у меня на руках спал. Видите? (Она тронула забинтованную голову.) Приехала домой, звоню, никто не открывает. И (она буквально закричала) там, в квартире, заперт ребенок! Он плачет, стонет там, один! Какое-то несчастье произошло, вы понимаете? Он заперт один!

Мент не спеша подошел к двери соседней квартиры. Постоял.

— Это вам показалось, и все. С головкой точно у вас не в порядке, женщина. К врачу обратиться. А вскрывать квартиру надо только по решению суда.

Завести дело, то-сё. Все не сразу. Мы же знаем, как и что было. Мы в курсе, — значительно произнес он.

И торжественно зашел в лифт и провалился в тартарары.

Алина снова села на ступеньку.

Сережа сказал:

— Ну я же есть хочу! Пить! Мам!

Однако что — дверь в квартиру Графа оставалась открытой.

И, как всегда, Ланочка оказалась в курсе событий, она только не показывалась наружу, чтобы мент не раздражался лишний раз.

— Что, мой маленький, — заговорила она, подходя к лестнице. — Иди к нам, идите к нам, девочка. Все к нам.

Через десять минут Алина сидела на садовой скамейке в кухне, рядом с Графом.

Она с ребенком уже побывала и в зловонной уборной, и они умылись с ребенком в черной ванной.

И теперь, с Сережей на руках, пила горячую воду (Ланочка помыла и обдала кипятком оставленные прежними жильцами пустые стеклянные банки.)

И они ели старую буханку хлеба, обнаруженную на полке, одну на всех.

Не просто буханку черного, а сковородку Ланочка разве не нашла в сумках? Собственную свою сковородку, подаренную Графу!

Значит, ели поджаренные на этой сковородке горячие черные сухарики (Граф размачивал в кипятке). И соль нашлась.

— Эту скамейку мне друганы принесли со сквера, на новоселье, — какой раз объяснял Граф.

— Это уж мы помним, — заметила Ланочка. — Как вас только менты не замели.

— Там, в соседней квартире, — сказала Алина, — в запертой квартире плачет ребенок.

— Идем, — сказала Ланочка. — Сережа пусть поспит тут, я ему приготовила. Моя куртка. Подушки нет, я постелила пакет.

— Ма, я с тобой, — сказал мальчик.

— Тогда идемте все.

Через пять минут они стояли и слушали у соседней двери, но ни звука оттуда не доносилось.

— Я помню, когда въехал, мне дали эту квартиру, я видел бабушку с внуком у лифта. Поздоровался. Она не ответила, мальчик ответил. Гордая такая.

Вдруг Алина заплакала.

Больше она не отходила от двери.

Все слушала, прислонившись боком к щели.

Сережа заснул у нее на руках.

Ланочка сказала:

— Граф. Ну я же помню, как ты кабинет Боярского вскрывал. Когда он ключи спьяну потерял. Вы ездили к тебе домой на такси, ты привез кучу железок. Все сказали, ну Граф, ты домушник. Как еще эти маляры не нашли твои отмычки. Это же драгоценность для грабителей.

— Надо уметь соблюдать камуфлю, — отвечал озабоченный Граф.

Он постоял, послушал у двери (оттуда опять донесся какой-то писк), Алина прямо подскочила.

Граф кивнул, Лана притащила ему указанный им чемодан, а также помогла ему отпереть слегка заржавевшие замочки этого старинного фибрового сооружения.

В недрах данной сокровищницы, завернутая в газету, лежала груда ключей и каких-то крючков, все на железном кольце.

Ланочка вынесла Графу стул, но разве профессиональный домушник сядет!

Он начал свое дело бодро, опираясь на костыль, стал пробовать разные железки, но дверь не поддавалась.

Полчаса возни с замком ничего не дали.

Как вдруг с той стороны послышались тяжелые, неравномерные шаги.

Граф на всякий случай отошел, Ланочка отодвинула подальше стул.

За дверью завопили, там раздался скрежет, потом брякнуло (похоже, у хозяйки тоже имелся засов), в замке щелкнуло раз, другой, и дверь приоткрылась — на цепочку.

Из щели раздался женский голос:

— Вы что тут делаете? Вскрываете мою дверь? Звоню в милицию. Бандиты! Я отдыхала, вы меня зачем подняли?

Женщина явно находилась в нетрезвом состоянии.

— Простите, извините, — вскрикнула Алина, — у вас ребенок уже давно плачет. Мы подумали, он остался один.

— А ты кто? По какому праву? Ребенок да, плачет, он капризничает. Не хочет есть.

На руках у Алины от этого вопля проснулся Сережа.

Уставился своими огромными глазами на кричащую в щели бабушку.

И сам заплакал.

Вдруг цепочку сняли, и дверь открылась.

Старушка шагнула вперед и сказала, показывая на Сережу:

— Это кто? Как зовут?

Алина ответила:

— Сережа Серцов.

— Ему сколько лет?

— Три годика.

— Когда родился?

— Восемнадцатого марта.

— Ты, что ли, была в роддоме с моей Машенькой?

Алина, растерявшись, ответила, отступая:

— А что такое?

— Это у тебя мой! Какое-то, я не знаю, чудо! Это сын Машеньки, я узнаю его! Он явился! Отдавай, стерва! Это моя Маша, это она маленькая! Вылитая она! Меня сбили с толку, обманули, выдали одно за другое тогда! Сейчас же отдавай!

Женщина дрожащей рукой схватила Сережу, а он вцепился в Алину и спрятал лицо в ее майке.

Ланочка немедленно встала перед старушкой, загораживая своих.

Но старушка все продолжала тянуть за рубашку Сережи. Она, плача, повторяла:

— Это Машенька живая! У меня одна рука не работает, пощадите меня! Это мой ребенок! Это ошиб-

ка, произошла страшная ошибка! Моя ошибка, я признаюсь сейчас! Машенька, иди ко мне! Из-за меня погиб человек, я виновата, но только сейчас я увидела настоящую, живую свою Машеньку!

И вдруг с той стороны двери, из квартиры, слышался плач.

Мальш, худенький, зареванный, с красным личиком, ухватил хозяйку квартиры за юбку и тянул обратно, повторяя: «Мама, мама!»

— погоди, отпусти, не лезь, — вскрикнула старушка, не глядя на него. — Ты мне всю жизнь испортил, отойди сейчас же, Сергей! Не ори! Я что, одной рукой могу тебе готовить? Как я газ включу, у меня только левая работает!

От нее несло перегаром.

Алина крепко держала испуганного Сережу и во все глаза смотрела на того стоящего в квартире мальчика из-за плеча Ланочки и этой странной женщины.

Распухшее, красное от плача личико, огромные зажмуренные глаза, бровки вразлет, крупный носик.

Она узнала его.

Голова Антиноя.

Лана сказала старушке:

— Бедная вы моя, что с вами? Что стряслось?

— Меня парализовало, правую сторону! Видите?

Она кивнула на свое плечо.

Действительно, ее правая рука висела как плеть.

Ланочка ласково взяла женщину за левую руку, мягко оторвала ее от Сережиной рубашки и повела старушку домой.

Та бормотала:

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Я украла его вот. Но это была ошибка! Это не ваш мальчик. Отдайте мне того. Я за него убила человека.

— Да, да, бедная, сейчас мы все устроим, покормим вас.

— Нет, купите мне два коньяка по пол-литра, прошу вас, Богом молю. Мне плохо, мне так плохо. Только он помогает, снимает боли, дает заснуть.

Она обернулась к Алине и, неуверенно ступая за Ланочкиной рукой, продолжала:

— Это мой ребенок, у вас. Какое совпадение! Так не бывает, понимаете? Он мне явился, когда я уже умерла. Я ночью умерла. Он явился, чтобы я встала. Мне плохо, мне пло-о-о...

И ее повело вниз, она согнулась, упала на колени и ткнулась лицом себе в подол.

Мальш присел рядом с ней, твердя:

— Мапочка, мамочка!

Алина с Сережей на руках нагнулась к нему.

Сын.

Он был уже большой, но его измученное, распухшее личико, красное от плача, набухшие веки — все оставалось прежним.

Маленький Автандил. Когда его уводили родители и он беспомощно обернулся.

Надо держать себя в руках.

Сережа вдруг слез на пол и обнял нового мальчика, приговаривая:

— Не плачь, не плачь.

Алина заграбастала обоих, подняла, понесла мимо скрючившейся на полу старушки.

Над которой уже склонилась Ланочка с чашкой воды воды в руке.

Она попытались попить ее, старушка захлебнулась, закашлялась.

Жива.

Ланочка старалась ее поднять, но не вышло.

Алина оставила детей и вместе с Ланой дотащила лежащую до дивана, подложила ей подушку..

Неподвижное тело. Что делать?

Никакое не тело: оно подняло голову и что-то бормотало, гудело.

— Хотите пить? — спросила Алина.

— Разумеется, — ответило тело и опустило голову.

Дальше началась процедура поения, голова закашлялась, все облила, сказала:

— Ну уметь-то надо, ты куда мне чашку суешь? Мимо рта. Зачем эту взяла? Это гостевая чашка. Там попроще есть.

Попили.

Затем голова сказала обеим:

— Ты что тут делаешь? Как вошла? Вообще кто ты?

— Я привезла маленького Сережу из Хандии, — отвечала Алина.

— Никакого Сережу ты не привезла, он со мной тут, — сказала голова. — Вытри мне рот, и грудь вся мокрая.

Алина пошла в ванную, взяла там полотенце, довольно нечистое, и вытерла больную.

Она заговорила:

— Ты что, та проблить, которая с Машей рядом родила и тебя этот подонок Серцов взял кормили-

цей? Неизвестно кого кормить? Все мне тут намочила. Надо менять белье.

Она попыталась подняться.

— Кажется, я не могу шевелить ногами.

Еще раз попробовала, изо всех сил опираясь на ладони.

— Нет. Что-то ничего не чувствую. Ног не чувствую.

— Вызову скорую? — сказала Алина.

Кажется, хандийская ситуация повторилась, тут была хозяйка, и при ней оказалась рабыня.

— Может, и так. Вызывай.

Тут вошла Ланочка с детьми.

— Алина, я кашку им поставила. Там рис нашелся. И банка сгущенки. А, здравствуйте, уважаемая, как мы себя чувствуем?

— Вы что, все у меня поселились тут? — поинтересовалась больная.

— Так у вас сутки ребенок плакал за дверью, пришлось вскрывать замок, — отвечала Ланочка. — Помер бы ребенок-то.

— Рис обнаружили, сгущенку? Все нарыли, все нашли? — невозмутимо спросила старушка. — А это кто второй? Кто это второй? Ааа! Боже мой, боже мой! Это моя Маша, моя Машенька живая явилась!

Ситуация повторилась. Видимо, больная уже забыла все, что произошло.

— Как и была, трех лет! Из Хандии! Из Хандии-ии! Я ошиблась! Я украла другого! Что делать, что делать!

Она зарыдала в полный голос, как будто отпустив себя.

Она таращилась сквозь слезы и протягивала одну руку к Алининому Сереже. Тот спрятался за маму.

Тут второй мальчик подбежал к бабушке и тоже зарылся головой в ее халат.

Она обняла его, прижала к себе и сказала ему:

— Никому тебя не отдам, никому. Не бойся. Ты мой мальчик. А это Машин мальчик. Иди тоже ко мне!

Алина тихо сказала Сереже:

— Иди, с бабушкой поздоровайся. Она заболела. Ее надо пожалеть.

Сережа, послушный, да еще и голодный ребенок, покорно подошел к лежащей старухе.

Она и его обняла, прижала двух детишек друг к дружке и скомандовала:

— Мне нельзя умирать, нельзя, понятно? Вызвали скорую? Маша моя прислала мне сыночка, чтобы я не умирала. Он велел мне открыть вам дверь, он вошел ко мне.

Рисовая молочная кашка наконец сварилась, детей увели на кухню, Алина покормила старушку, заслужив несколько ядовитых замечаний, и тут приехала скорая.

Алина ввела дородную фельдшерицу. Больше никого с ней не было.

— Ну, что у вас? — устало спросила она.

— Здравствуйте, как вас зовут? — командным голосом спросила старуха.

— Че у вас, — повторила та.

Алина вмешалась:

— Паралич обеих ног, видимо.

После осмотра и переговоров по телефону фельдшерица сказала:

— Надо вас забирать. Но кто понесет? Водитель наш отродясь ничего тяжелей бутылки не поднимал, у меня опущение всего, натаскалась. Обходитесь как можете, вызывайте соседей.

Алина ответила, что соседи все на даче.

— Да, и предупреждаю, в больнице, куда вас могут принять, там простыней нет. Наволочек нет. Стиральное отделение не работает. Нет порошка. Берите свое.

— А врачи там есть? — спросила больная.

— Да все в отпусках. На практике студенты из Лумумбы. Черненькие и косые из Северной Кореи, третий курс. Мне в приемном покое жаловались. Просили больше не возить. Будут на вас практиковаться. Но препаратов тоже нет.

— Таак, — загудела больная. — А что мне принимать, если я буду дома?

— Ничего у нас от этого нет. От инсульта, от паралича неизвестно какого. Только ждать. Ну и массаж, гимнастика.

— Ты массаж умеешь? — спросила старуха Алину. Та пожала плечами.

— А че там уметь? — хэкнула фельдшерица. — Как с детьми. Разминание, растирание, похлопывание, пощипывание. Скручивание, поколачивание. Поднять-опустить. Да не поможет это. Пролежни начнутся. Плавали, знаем.

— Ты мне кого вызвала? — сказала командирша.

Алина пожала плечами:

— Ноль три. Скорую.

— Я же контингент. Ну вы даете. Вон у телефона книжечка с номерами. На букву «к», кремлевка. И я лейтенант КГБ, удостоверение в ящичке слева внизу, в стенке.

— Что такое кремлевка? — спросила Алина.

— Это кремлевская больница, — сказала с задором фельдшерица. — Там все врачи анкетные. Всего опасаются. У нас и то специалисты получше. Ну пока до свидания, раз так. Зря людей гоняете.

Но после звонка в кремлевку больную сразил новый инсульт, скорая из «Кремлевки» приехала, когда она уже умерла.

Утром пришла врач, потом наведалься тот самый участковый, посмотрел от порога, кивнул и ушел. К вечеру покойную увезли, причем намекали на плату («Было много вызовов, но всех бросили, приехали к вам, так что», — сказал санитар. Второй кивнул).

Платы не дождались, потребовали раздеть тело, положили несчастную голую женщину за руки за ноги на две простыни, завязали узлы, уехали со своим грузом.

Алина перевернула все шкафы и ящички стола, нашла документы на могилу Маши.

Среди прочего обнаружилось в бумагах у Тамары Геннадиевны и красное удостоверение с вытисненными на обложке буквами «КГБ». На ее имя. Оказывается, она была лейтенантом.

Или купила себе это удостоверение где-нибудь в подземном переходе, тогда всюду продавались раз-

ные корочки, можно было заказать на свое имя любой диплом или удостоверение, хоть министра здравоохранения или ректора университета. Да хоть генерала милиции.

На погребение ушли все деньги из сумочки покойной.

Но уже выбивать на плите ее имя было не на что. Осталась воткнутая землекопами простая табличка.

Однако же мать легла к дочери.

Алина всплакнула, вспомнив свою добрую соседку по палате. Как же она любила этого подонка.

Который ей изменял с платной проституткой.

Серцов в самые поганые моменты их общей жизни вспоминал эту Лариску и ее приемчики.

46. Новая семья Алины

Алину с малышами вскоре забрали на известную ферму, в садовое товарищество, там они с Ланочкой варили запасы на зиму, Граф чинил покосившийся душ, а потом часами наводил порядок в сарае, где нашел в дровах книгу неизвестного автора, народ сказал, это «Под сенью девушек в цвету».

Графу книга без названия очень понравилась, он ее читал все лето, проводя время в сарае.

В доме было шумно, бегали дети, свои и соседские, варилось варенье.

В сарае же хозяин навел чистоту, там пахло дровами.

Туда заходили кореша, тот же Потомок.

Все происходило далеко от зоркого глаза Ланочки.

Мужской состав поселка, немногие оставшиеся в живых корифеи, золотой фонд запрещенных художников, которые кормились на комбинате и в детских издательствах, собирался у Графа в сарае.

Он даже там соорудил две лавочки и какой-то одноногий столик.

Долго ли, какой-то старый шкаф в углу, рассохшийся, еще доски-палки есть, топор, рубанок, стамески. Молоток, гвозди.

Вспоминали былое, угощались прошлогодними самодельными наливками.

Говорили по поводу занятий с детьми — тут Ланочка учила их рисовать карандашами.

Граф выступил, что рисование цветными карандашами — выдумка ВХУТЕМАСа.

Его поддержали:

— Как рисовал карандашами Никита Фаворский!

Граф продолжал:

— Это отказ от узнаваемого локального цвета, тут просто задача построить из этого набора цветов, шесть штук, в смеси какую-то структуру. Она этому не учит. Так просто, рисуй собачку. Но это же не то!

— Да они малы еще, — отвечали ему корифеи.

Вспоминали:

— А как мы ездили по Союзу, по городам! Мы под Вологдой оказались, у старообрядцев, четыре сестры и немой брат. Он нам вырезал из дерева такие уточки-солонки. Солоницы назывались. Ну, Боря Алимов купил их у него, ему же в Союзе художников дали денег. Тот ушел, возвращается пьяный и вдруг

говорит: «Я с ними строгой! Могу и к черту по-слать!»

Его поддержали:

— Тогда на каждом предприятии были порядки, в дирекцию — портрет Ленина, в коридоре — революция и война, история, а у секретарши цветочки, натюрморт. Деньги у них на это были, нам в комбинате платили. Не то что сейчас...

Граф вставил:

— В детские сады шли звери.

— Забудь про это, четвероножник, — отвечали ему безработные, давно уже нищие мастера.

— А что, — возражал Граф, — сейчас такие времена, что импрессионисты оказались реалистами.

— Выпьем за современное искусство, — поддержал его Потомок. — Мусор стал темой!

— А Руссо потом оказался халтурщик, валял копии на продажу, — сказал Граф. — И «Ежик в тумане» плохо нарисован.

— Имеешь в виду лошадь? Нет, мне нравится, но у тебя были лучше, экспрессивнее, — сказал Потомок и принял из баночки прошлогоднюю забродившую тертую смородину.

На что Граф, которого переполняли мысли об искусстве, высказался так:

— Не надо бояться ошибиться. Не надо бояться промахнуться. Учитесь выкручиваться из любой ситуации. Картинка должна быть похожа на жизнь, но надо добавить к ней что-то новенькое.

— А то будет как фотокарточка, — поддержал его довольный Потомок, вытирая с лица пятна черно-смородиновой кашицы. — Вот этого надо бояться.

Граф продолжил тему:

— Очень многие вещи глаз видит, а фотоаппарат неймает. Что-то есть такое, что мы видим, а снять это невозможно. Мы можем наслаждаться точной линией, но тут у нас, когда не получается, есть боевой устав пехоты: что-то не вышло, не меняй ситуации.. И свою старую работу поправлять нельзя. Наши картинки — это свидетельства времени.

А малыши Алины в садовом товариществе подружились со всеми и сразу, в большой компании дачных детишек бегали купаться в лужу на опушке, ловили там сачком каких-то мелких водоплавающих, сажали их в трехлитровую банку с той же водой и любовались на это дело на подоконнике.

Алина набрала класс английского, к ней ходила с детьми половина поселка — светское же мероприятие.

Все учили наизусть стишки, мамки приносили угощение.

Бесплатно ведь.

В результате силами дошкольников был поставлен спектакль «Теремок» на английском языке.

Это был дачный поселок того самого бывшего комбината живописных изделий, все там жили свои, художники и оформители. Поэтому костюмы были исключительные.

Декорации писал сам Граф, по специализации четвероножник, и он изобразил всех зверей не хуже Диснея.

Особенно ему удалась тройка коней, исполненная на куске старых обоев. Кони — это была его страсть.

Но их оформителям заказывали редко. Кони в детском саду? На стене в доме культуры?

47. Угрозы

Когда Алина вернулась в квартиру с рюкзаком закрученных банок (от благодарных родителей) и со своим потомством, ее навестил нетерпеливый участковый.

Он буквально заждался. Еще бы, два месяца!

Монолог его был таков, что ребенка-сироту забирают в детприемник завтра же, а квартиру надо освободить от вещей.

— Что не увезете, вынесут на сметник, — сказал он. — Там бомжи быстро разберутся. Очередники ждут. Родня замминистра из Семипалатинска едет. Теща и вся семья.

Далее он сообщил как по писаному, что не беспокойтесь за ребенка, не надо, этот несовершеннолетний Серцов Сергей Сергеевич по достижении пятнадцати лет выйдет из детдома с образованием восемь классов, поступит в ПТУ с общежитием, через сколько-то лет получит от государства комнату из расчета двенадцать квадратных метров на человека

плюс три квадратных метра на ответственного квартиросъемщика.

Алина на эти бредни отвечала, что прописана в этой квартире с пяти лет.

— Паспорт, — потребовал мент.

— Покажу из рук, — сказала Алина. — Отобрать его вы не имеете права, но все же не дам. Вы ведь заинтересованы в моей квартире.

— Чё? — возмутился мент.

— Есть данные, что вы с паспортисткой оформили на себя и на нее две квартиры умерших пенсионеров, одиноких, но имеющих родственников. Захарова и Умновой. Родственники сейчас заводят дела.

— Они отошли государству! Какие родственники на седьмом киселе! Претендуют еще! Пишут! Писали писаки, читали собаки! А я очередник, у меня все права и как я органы милиции!

— Вы не состояли в очереди на квартиру, люди узнавали. Вы иногородний, стаж три года работы в Москве. Вы не имеете прав на отдельную квартиру! Только через десять лет имеете право!

— Я вне очереди! Кто такая ты нашлась, диссидент! За права человека, понимаешь! Освобождай площадь, посажу в институт Сербского!

— Я здесь прописана. Подавайте в суд, он решит в мою пользу.

— Да фальшивка этот паспорт. Серцова Мария умерла три года назад. У паспортистки все данные имеются. Выведем тебя под мышки, детей заберем. По ним давно детприемник плачет, бегают тут. Вещи

вынесут во двор. И сюда сразу въезжают очередники с мебелью.

— Мы с Серцовым выполняли в Хандии свою миссию в виде семейной пары, понятно? Органы госбезопасности, понятно? Я лейтенант КГБ!

Мент поджал губы и покачал головой с насмешкой.

Алина спокойно продолжала:

— Они с Машей даже для этого поженились, хотя у него была другая женщина. Родился ребенок прямо за неделю до отъезда, но Маша умерла родами. Мы с ней лежали рядом в роддоме и подружались. Моего жениха увезли родители в Грузию. И в роддоме я лежала без мужа, но с ребенком. А то дело, к которому Серцов и Маша готовились целый год, важное дело иностранного отдела КГБ, оказалось под угрозой. И вот они после смерти Маши нашли в роддоме меня, я тогда решила отказаться от ребенка, у меня ни дома, ни семьи, ни денег, студентка из общаги, и я согласилась ехать в Хандию.

— Слушай, — значительно произнес мент, прерывая эту ненужную дребедень.

— Это ты слушай. И мы сразу уехали с сыном Маши и Серцова, я его кормила, три года растила. Но приехал капитан Березин из КГБ, и он подключил меня к разведработе. У меня же пять языков и попутно я там выучила ханди и ирду. Серцов ничего об этом не должен был знать. Я дублировала все его сведения и отправляла, у меня был мой связник, а Серцов посылал своими каналами. Свою халтуру. Его задача была заработать. А я дублировала все дан-

ные, честно на органы трудилась. Потом он поехал сопровождать два сухогруза с медным ломом, и эти оба сухогруза якобы потерпели крушение. Были заплачены огромные суммы за страховку. Ллойд, слышал такое? (Мент поднял бровь и кивнул, идиот.) Мне пришлось уехать из Хандии с ребенком. Я с багажом взяла такси до Сходни, а там дом мой оказался продан. Я попросилась переночевать к однокласснице, она меня отвела в какой-то дом, меня сонную хотели убить, я очнулась, ребенок плачет, на голове рана, багажа нет, хорошо я по привычке спрятала документы на себе. Мне уже в Хандию прислали по связи, что присвоили лейтенанта.

И вот тут наступил коронный момент: Алина вынула из сумки и показала менту красную обложку корочек с надписью «КГБ», удостоверение Тамары Геннадиевны. Он было протянул ручонку, но Алина сказала:

— Не вам это досматривать, вы что, не в курсе? А майору Березину я еще не докладывала о своем приезде. Надо звонить ему в Хандию. Но квартира принадлежит, по документам КГБ, мне и моему сыну. А ребенок, который тут жил с рождения и прописан как сын Марии и Серцова, он тоже владелец квартиры. Почему тут еще один ребенок, я не в курсе, но я его ни в какой детский дом не отдам. Все понятно? Буду звонить майору Березину. Я лейтенант КГБ. В случае чего, будете тут проявлять инициативу, вас снимут. Квартира ваша уйдет, вас под суд за превышение полномочий, ясно?

Уже в середине этого доклада мент начал жаться, смотреть на часы, оглядываться, несколько раз он

поднимал руку, как бы успокаивая Алину, и к концу уменьшился, кивнул несколько раз, показывая, что все путем, не волнуйся, лейтенант, и слинял.

48. Жизнь после жизни

Тем не менее, надо было ехать в университет с собственным паспортом, там устраивать дела с пропущенными за четвертый и пятый курс сессиями, потом сдавать госы (государственные экзамены), а пока устраиваться на какую-то работу.

Маленький найденыш сначала страшно плакал на даче по ночам, называл Алину тетей и спрашивал «Где мама», а потом, подражая старому Сереже, начал звать ее мамой.

Это вошло в употребление в семье (куда входили Граф и Ланочка, само собой), «Сережа старый» и «Сережа новенький», или, попросту, старый и новенький.

Потом новый Сережа как-то сам собой стал Ося.

Алина по возвращении обнаружила по соседству детсадик и пошла туда нянечкой, туда же пристроила обоих Сереж, такое было у нее условие, а почему она могла предъявлять условия — вскоре она начала преподавать английский язык.

Она оказалась полезной, нянечка с двумя языками.

Мальчики оба ее называли мамой, оба Сережи Серцовы, и в их метриках, в обеих, мама была Мария, а папа Сергей.

Да неважно, директорше нужны были деньги и нянечка, а при такой техничке (в ее устах название должности Алины) садик осаждали родители, дети читали английские стихи (по пятницам пели французские песенки).

Детсад стал платный. А потом и недешевый.

А потом его приватизировали и сдали под стоматологическую клинику.

Тогда многие детские сады закрывались, деторождение в стране резко снизилось, матерям выдавали раз в месяц сумму, достаточную для одного похода в продмаг (много времени спустя наши власти, когда ситуация стала страшной — страна теряла в год несколько миллионов человек, и это в мирное время, — власти опомнились и ввели материнский капитал, чтобы спасти положение).

Алина долго не могла найти работу.

Поиски денег в чужой квартире ни к чему не привели, и, чтобы как-то всем прокормиться, пришлось начать продавать собрания сочинений.

Все это были популярные авторы, хороший набор, не Пушкин с Толстым и Достоевским, которых несли на продажу все, а Сетон-Томпсон, Джек Лондон, Конан Дойл, а также Дюма и Моэм, что на ура принималось товароведками в букинистических.

Данные собрания сочинений в советское время, кстати, нельзя было купить в свободной продаже, их заказывали по спискам секретари райкомов и обкомов партии, дипломаты, директора предприятий и фирменных магазинов. Ну и спекулянты имели связи

на книжных складах. Тиражи дефицитных книг всегда завышались. Иначе какой навар?

Книги были нужны народу в те времена.

Сборник стихов Высоцкого «Нерв», целый вагон оказался за ночь украден. Стоял на путях.

Простые же люди сдавали макулатуру, килограммы старых журналов, учебников и просто ненужных книжек, чтобы купить произведения самого любимого советского писателя, Пикуля. А в книжных магазинах стояли произведения членов Союза писателей, которых только по Москве насчитывались тысячи. Эти книжки, когда проходили сроки, списывали и отвозили на переработку.

Но это так, к слову.

Потом у Алины пришел черед нести в антикварные магазины серебряные браслеты и, наконец, массивный кубок, все это было вынута из-под стекла в лакированной мебельной стенке, из семейной сокровищницы.

Про кубок товаровед в комиссионке уважительно сказал: «Это настоящий кубачи».

Алина не знала, что такое «кубачи», и не спорила, когда он ей выписал небольшую сумму.

Евграф потом объяснил, что Кубачи — это село в Дагестане, славящееся массивными серебряными изделиями высокого качества.

— И очень дорогими, — печально добавила Ланочка.

Однажды Алина дождливым вечером приползла домой с очередного урока у дочери богатого телеведущего и графомана (известного тем, что он отнял

эту дочь у ее матери — чтобы не платить алиментов). Акт, принятый на вооружение многими богатыми папашами.

Данный папик приступил со своим монументальным животом к Алине с предложением брать за дочкины уроки вдвое меньше.

И столько же денег и дал.

Пожав плечами, Алина приняла половинный гонорар и сказала, чтобы искали другого педагога.

И ушла под дождь ждать автобус.

Который пришел через полчаса, забитый людьми, на переполненную остановку.

В доме была тишина.

От порога было понятно, что Ланочка уже ушла.

С нехорошим предчувствием Алина вступила в квартиру и тут же расслышала приглушенный смех малышей и какой-то бряк-стук.

Войдя в свою спальню, она обнаружила мальчиков сидящими на полу. Один орудовал ножницами, другой рядом тоже высовывал язык, мысленно помогая, в ожидании своей очереди.

Вокруг ребят валялись цветные бумажки.

Это были предыдущие деньги!

Вырезанные из них портреты и виды Кремля лежали на отдельном куске картона вместе с тюбиком клея.

— Ма, мы делаем коллаж! — завопил старый Сережа, пользуясь термином Графа.

Тот любую детскую картинку, принесенную ему за похвалой, обзывал коллажем.

Новый Сережа, по кличке Ося, бросив взгляд на мать, поспешил с вырезанием, он понимал, что совершает какой-то нехороший поступок, и решил довести дело до конца.

— Вы че, люди, творите?

— Мы нашли за шкафом такую папку! — закричал старый Сережа. — Там были картинки!

— Деньги, балда, — поправил его новый Сережа, по кличке Ося. — Это будет очень дорогой коллаж! Мы его продадим!

— Так. Все прекратили, — сказала мать.

— Ма, там еще мы из зеленых картинок можно вырежем портреты?

— Каких... Зеленых? — поперхнулась Алина.

— Там в папке еще мы нашли. Покажи, Серый.

И старый Сережа указал матери на пачку долларов, мирно лежащих в отделении распахнутой черной папки.

— У меня мячик закатился под твой шкаф, и я увидел какую-то там штуку, она стояла у стены задвинутая, но видно было. Мы взяли щетку и палкой вытолкнули ее наружу. В ней были эти бумажки красивые. И те зеленые.

Алина ушла с папкой в спальню.

Там было пять тысяч долларов. Пятьдесят бумажек.

Понятно.

Чтобы дипломаты да не скопили за всю жизнь валюту?

Другое дело, что советские люди не имели на это права.

За валюту сажали и расстреливали.

Алина теперь стала бояться всего, к телефону не подходила (кто бы в мире знал этот ее телефон?), на вечерние звонки в дверь не реагировала и детей приучила туда не подбегать и не спрашивать «кто там?».

Первые сто долларов взялась разменять Ланочка, Лана.

Во-первых, все в комбинате ее знали и любили как участницу капустников.

А в комбинате у них работали и очень обеспеченные люди, мозаичники, оформлявшие здания ГЭС, станции метро, шикарные бани и частные бассейны.

Уж у них-то, которые ездили по всему миру, были и деньги, и нужда в валюте.

А старушку Ланочку кто мог заподозрить в спекуляции — нашла деньги в телефоне-автомате, и все.

Кто-то повесил сумку на крючок, а там были только доллары, никаких документов.

По идее, такого растеряжу вполне могли закатать в бетон за эти утраченные доллары (бочка с жидким бетоном была самой популярной казнью в те времена).

Поэтому Ланочка ходила к телефону-автомату, дежурила неделю рядом с ним (она заготовила легенду на всякий случай и действительно там простаивала с серьезным видом, чтоб ее видели киоскерша из газетного ларька и мороженщица по соседству).

Они, кстати, подружились, с Ланочкой ведь все в той округе, где стоял дом Алины и Графа, все, кто хоть разок с ней поразговаривал, уже дружили.

Правда, по закону все найденное шло государству, а нашедшим платили сколько-то процентов от суммы.

Но мозаичисты молчали, брали доллары и выдавали рубли.

Этот обмен валюты и им мог обойтись в семь лет лагеря.

И помаленьку доллары пошли в дело.

49. Комитет наших женщин

Алина в конце концов нашла работу в Комитете наших женщин, организации международной, чьи редакторы, к примеру, доставляли автоматы Калашникова ящиками в борющуюся Анголу.

У одной такой сотрудницы в той же Анголе, при переходе через заболоченную пойму реки (она несла ящик с оружием на плечах), начались страшные боли в животе.

Несчастную, стонущую представительницу Комитета вывезли на вертолете повстанцев в госпиталь, где ей диагностировали внематочную беременность!

В военном госпитале такое было впервые.

Алину взяли в Комитет в хандийский отдел как переводчицу, хорошо.

Она уже сдала все экзамены, защитила диплом и получила корочки. Тоже не без помощи зеленых портретов... всё в ее жизни стабилизировалось, и единственное, что отсутствовало в ней, были мужчины.

В бабском комитете их держали только на ответственных должностях, и они не снисходили до персонала.

К тому же Алина стягивала волосы в пучок, не красилась, носила юбки самой печальной длины, а на ногах у нее были советские туфли или, зимой, советские сапоги, сшитые по образцу военной обуви.

Удобно и в дождь, и в зимнюю слякоть, вынул ногу из обуви — все сухое.

Сапоги к батарее ставились сушиться понезаметнее, сбоку.

А поскольку выяснилось, что плюс к ханди Алина знает еще и ирду, а кроме них английский, французский и языки братьев-славян, то ее все время тягали на переговоры и гордились ее внешним видом. Скромная советская труженица!

И сама Терешкова была такова, лучшая женщина СССР, ткачиха-космонавт. Ее стригли, завивали, одевали, придавали ей европейский облик, но руки и скулы не перекроишь, врожденное отсутствие мимики тоже, а тем более выговор.

Раз в неделю в такой привилегированной международной организации давали заказы — зеленый горошек венгерский, болгарское лечо, польские маринованные огурчики, сыра 300 грамм «Советского», печенья две пачки «Юбилейного», кило гречки и две банки горбуши в собственном соку.

То есть жизнь у семьи была шикарная.

И то и дело в доме возникали праздники.

Ну и по субботам тоже являлись дамы с цветами, бутылкой сладкого и тортиком, мужики известно с чем.

Ланочка даже жаловалась на своих подруг из Комбината, они, пользуясь любым предлогом, навещали Графа, всегда с теми же подарками.

Граф выпивал, а ему нельзя, твердила Лана по телефону, не носите.

И ей же приходилось накрывать поляну.

Она пекла пироги с картошкой и луком.

Младшие члены семьи пользовались случаем и наедались до понедельника.

Но Алина боялась все время.

Боялась появления Сергея-старшего.

Вроде бы он погиб, но время от времени до нее доходили сведения от бывших сослуживцев по торгпредству (все же варились в одном дипломатическом супе, и до Комитета наших женщин кое-что доносилось), что исчезновение двух судов с грузом медного лома, предназначенного для сооружения статуи Христофора Колумба (дар советской страны каким-то незаинтересованным латиноамериканцем), причем страховка была оплачена Ллойдом, этот страховой случай до сих пор проверяется.

Огромные суммы тоже куда-то делись.

50. Страшный звонок

Пока однажды ей — по мобильному телефону, ибо годы промчались, шел XXI век — не позвонили с неизвестного номера.

Мужской голос, вполне бандитский, произнес:

— Марья б. Серцова?

— Д... Нет. Вы ошиблись.

— Нет, б., я не ошибся. Алина?

— Что надо? — переходя на ту же интонацию, сказала она.

— Нас интересует, в каком состоянии б, сын Сергея Ивановича Серцова.

— А что? Как это, он жив? Он же утонул на том транспорте с медью?

— Мы хотим оплатить, б., его образование, поняла? Ему же скоро семнадцать. Чтобы он не попал в армию. Это та же, б., зона.

— Вам лучше знать, — с бьющимся сердцем возразила Алина.

— Он кончил, б., школу?

— Заканчивает. Английскую.

— И говорит?

— В совершенстве, — неизвестно зачем похвасталась Алина.

— Короче-мороче, ему пришлют приглашение в государство Монтегаско.

— А, там многие скрываются.

— Не ваше б. дело. У нас есть б возможности дать Сергею Сергеевичу Серцову образование в Англии.

— А вы кто?

— Я? Я б. адвокат. И имейте в виду, что ваше пребывание в чужой квартире под чужим паспортом небезопасно для вас же. Когда Сергей Сергеевич Серцов уедет в Монтегаско, его квартира должна быть продана, деньги должны быть переведены на счет, который мы укажем.

— А куда же он вернется?

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Он не вернется.

— В бочку с жидким бетоном и на дно моря?

— Ты, сука. Такой язык можно и отрезать, чтобы не болтал зря.

— Разумеется, Сережа никуда не поедет. Пока мне не позвонит его отец. Который официально признан погибшим.

— Алина, будем говорить серьезно. Отец Сергея Сергеевича был выловлен в бессознательном состоянии в океане рыбаками, долго жил на острове, не говорил. Потом переправился в одно латиноамериканское государство, там приобрел состояние.

— Да, ту страховку от Ллойда.

— Это все миф. И Сергей Иванович в страну проживания возвращаться не захотел.

— О, его тут очень давно ждут.

И Алина неожиданно для себя пошутила:

— Двое с носилками, один с лопатой.

Алина использовала одну из присказок Сергея. Что делать, с волками жить — по-волчьи выть. Три года этих речей, как на каторге. На зоне.

Ей ответили:

— Это все нами урегулировано.

— Да, мне давно не звонят.

— С того света не позвонишь, — развеселился адвокат.

— И что, вы думаете, что к такому папаше я отправлю сына?

— Он не ваш сын. И он очень скоро будет в курсе этого. Он сам, один, будет распоряжаться деньгами от своей квартиры. И каждый мальчик хочет

знать своего отца, об этом подумайте. И не доводите дело до ненужных результатов. А вот второго Сергея Серцова, самозванца, в случае вашего сопротивления отправим в одну республику в деревню, в горы, в подвал, рабом. Там его оскопят и будут продавать мужчинам. У нас это налажено.

На этом связь была прервана.

Алина наконец села.

То, что оба Сережи мечтали узнать, каждый, своего родного отца, было правдой.

И эти угрозы тоже были реальными.

Но не в Монтегаско.

Там можно будет предупредить полицию, причем в день приезда. Что готовится похищение человека.

Назавтра она навела справки у знакомых, а знакомые-то были непростые, из бывшего Комитета наших женщин.

Все они рекомендовали Монтегаско как страну со свирепой и дотошной полицейской системой.

Человек из МИДа, знакомый знакомых, сказал, что то, что там живет Сергей Иванович Серцов, было ошибкой местных органов, теперь непоправимой.

Он появился в стране как жертва советского террора, прыгнувшая в открытый океан и в бессознательном состоянии спасенная там рыбаками, а почему прыгнул, потому что в СССР ему грозил ГУЛАГ (словцо, известное всему миру).

Вот он и всплыл почему-то в Монтегаско, далеко от Мирового океана, появился и долго хлопотал, пока не женился на гражданке Монтегаско, причем русской, из старого дворянского рода, наследники

которого когда-то, в страшном 18-м году, бежали из Крыма в Турцию, оттуда в Югославию, оттуда в Бельгию и, наконец, очутились в Монтегаско в лице довольно молодой женщины с ребенком тридцати лет.

Женившись на гражданке Монтегаско, наш персонаж через три года получил временное гражданство и купил поместье в полгектара величиной, с виллой и, как полагается, с домом привратника.

И тут эта жертва красного террора услышал от своей этой жены, что надо ему усыновить ее сына. Чтобы поместье после ухода хозяина досталось не государству, а все-таки наследнику.

По законам Монтегаско наследниками являлись только дети, а не вдовы супруги.

Заинтересованные люди в России напрасно хлопотали о возвращении Серцова на родину, так как в качестве жертвы красного террора он, по законам Монтегаско, не подлежал выдаче никакой другой стране.

Этот закон приняли еще в 20-х годах, когда из России — куда глаза глядят — бежали все.

Бежали все люди, признанные белыми — дворяне, врачи, профессора, офицеры, адвокаты, философы, банкиры, художники, писатели, композиторы, певцы и купцы, — все лучшие люди страны.

Персонажи пьес Чехова.

Они покидали ее из страха перед расстрелом.

У Алины у самой прапрадеда, попечителя гимназий в Костроме, увели, и с концами.

Но она также узнала, что за Серцовым в Монтегаско наблюдают.

Полиция и прокуратура отслеживали все его контакты и перемещения его огромного капитала.

Так сказали в МИДе подругам Алины по Комитету наших женщин.

То есть ребята там будут в безопасности.

А тут, в России, друганы и подельники Серцова, в случае неповиновения, и ребят украдут, и квартиру заберут.

На следующий же вечер она сообщила парням, что наконец-то отец (не уточняя, чей) хочет увидеть сына, что живет он в стране Монтегаско, а затем у него есть план отправить своего сына в Англию учиться.

И спросила, кто хочет ехать.

— Да ну, мы оба поедem, — сказал старенький Сережа. — Мы скажем, что мы близнецы и нас нельзя разлучать.

— Но приглашение будет одно.

Короче, в ближайшее время приглашения в почтовом ящике не оказалось.

Вскоре последовал звонок от того, кто называл себя адвокатом.

— Нет, не пришло ничего от вас, — сказала Алина, — вы что.

Видимо, ее саркастический тон убедил опытного собеседника.

Наконец приглашение поступило.

Ося принес его матери с уважением.

Через некоторое время оба Сережи стали собираться, попросили мать купить им хорошие рюкзаки, майки и шорты.

— Так, — сказала она. — Почему двое едут?

— А мы вынули из почтового ящика одно приглашение, подождали, и вдруг приходит второе приглашение.

Оба уже хорошо знали историю своего пребывания в роддоме, только не хотели знать, кто есть кто.

Зачем. Есть мама, есть дед Граф, бабушка Ланочка.

51. Николай: гости в Монтегаско

Причем мама официально сменила имя, фамилию и отчество, ей удобней было стать Серцовой М.В.

Диплом она тоже поменяла. Мама есть мама.

Водитель Николай их двоих привез на виллу.

Ну, поздоровались за руки, хозяин обалдевший стоит, не ожидал двоих, спросил:

— Давайте знакомиться. Так. Приехали двое, ждали одного. Кто из вас Сережа, Сергей Сергеевич?

Один говорит:

— Мы оба.

И они как дураки засмеялись.

Хозяин говорит:

— Не понял шутку юмора.

Они тогда завозились, со смехом ему достали свои паспорта, подают так ему. У хозяина желваки на лице заходили, зубы заскрипели. Он эти паспорта положил себе в карман и говорит:

— Что за приколы со мной вы тут здесь устраиваете? Полицию вызвать? Какие такие двойники? Это что, подстава?

Они молчат, растерялись.

Хозяин крутой мужик и не таких скручивал, Коля иногда видел, да никому не рассказывал.

— Это вы потому написали, что приглашение не получили, чтобы второе вам послали? Накололи меня?

Они молчат, полностью обалделие.

— Ну, кто из вас мне сын? Я ведь серьезно спрашиваю, у меня тут задействовованы такие силы, что мало вам не покажется. Они смогут докопаться. Ну что, звоню им?

— А зачем вам сын? — спросил один.

— Это мое дело зачем. Еще вопросы?

— А что, если правда неизвестна? И мы сами не знаем. И мама не знает.

— Какая еще (тут он выругался) мама? Мама моего сына Мария Валерьевна, она умерла родами! И все! Она была моя жена! А эта (...), откуда еще выскочила? Как ее теперь зовут?

— Мария Валерьевна...

— (...) она вам, а не Марья Валерьевна! Ее я закопал в землю! И памятник поставил!

Помолчали.

— Ттак.— тяжело сказал хозяин..

Слышно было — он жаждет правды.

Тянет вольнку.

— Есть хотите?

— Спасибо, нет, — сказал один.

— Чаю?

Это уж он нашел ход.

Николай понял, и понял какой.

Они переглянулись.

— Можно, — ответил тот же.

— Садитесь пока.

Переглянулись, сели.

Один отвечает, второй молчит.

Второй, соответственно, Коля определил, у них начальник.

Начальники отличаются тем, что они молчалники. Годят, не сразу открывают свои карты.

А первый, кто отвечал, он шестерка.

Галина так говорила. а она умнейшая баба.

Хозяин позвонил по внутреннему.

— Так, Галь, чаю вавилонского...

И этим:

— Будете печенье?

— Нет, спасибо, — сказал шестерка.

— Оч вкусное печенье, тоже из Вавилона.

— А, ну ладно.

— По древнему рецепту, с корой циннамона и с корешком амфибры.

Согласились.

52. Кустодиев подслушивает

Ели мы это печенье, с корицей, обыкновенное.

Но почему их двое?

Этого Кустодиев пережить не могла. Хозяин ожидал сына, мадам срочно убралась в Лондон, чтобы не видеть, как он злорадствует, что не только у нее есть сын. Что у него тоже есть кто-то на белом свете. А не

только те две японки с передвижной японской баней, с такой бочкой, японки, которые приезжают мыть хозяина на полдня и хихикают в ванной. А он гогочет во все горло.

Вообще что это у них за семейная жизнь?

Мадам того гляди подаст на развод, потребует половину, а может, и больше.

Нарывается на то, что он ее все же съездит в глаз. Тогда известно что, вызываем полицию, те вызывают скорую, это мы уже знаем по соседям.

Жена того теннисиста огребла десять миллионов по факту подбитой скулы, ему запрещено пока что подъезжать к ней ближе чем на километр, а оно ему нужно?

И впереди развод. Еще миллионов сто!

Кустодиев ушла на кухню.

Что они там говорили, слышала.

— А что вас двое, и ху из ху?

Хозяин сказал.

— Кто есть ху?

Он повторил как будто улыбаясь. Но хорошего ничего в том, что он лыбится, не было. Галина это знала.

Тут раздался в ответ смех. Эти двое смеялись?

Хозяин тут же вышел из себя.

Скрипнуло его кресло.

— Так. Кто из вас Серцов Сергей Сергеевич?

Парень какой-то ответил со смехом:

— Да мы оба Серцовы Сергей Сергеевичи. Родились в один день.

Другой сказал:

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

— Мыло!

— Чё? Не понял, — это хозяин.

— Ну, мыльная опера. Сюжет о замененных детях.

— Такк. — Опять заскрипело кресло. — Замененных. Это мы потом выясним. Ну а мать ваша?

— Мать наша Мария Валерьевна Серцова. Дочь дипломата Валерия Ивановича Долинина и Тамары Геннадиевны Долининой. Которая по матери княжна Георгадзе.

— И где она проживает, ваша мать? — Тут хозяин прям подпрыгнул. Чуть кресло не развалилось.

— Ну, где мы все. Адрес наш вы знаете.

— Марья Валерьевна Серцова, чтоб вы знали, я ее сам хоронил и песок на гроб бросил!

— Да мы знаем.

— А ребенка у меня украла Алина! Аферистка! Проблить! Увезла! Речкина Алина! С чужим паспортом живет? Ну, ей зона светит. Я уж постараюсь. Вот какие дела-то всплыли. Вы вот что, покажите ваши паспорта мне.

Затопали.

Кресло завизжало под хозяином.

— Та-ак... И тут и там все одинаковое. Интересно. Это же подлог! Липа! За это сажают! Производство фальшивых документов!

— Да нет, не фальшивых. У нас и метрики есть. Свидетельства о рождении.

Хозяин сказал:

— Паспорта пока задержим у себя.

— Но вы не имеете права...

— Да знаю я, что имею, а что не имею. Нет, это надо дело чаем запить. Во рту пересохло. Галина!

Она сразу из кухни откликнулась, заглянула в залу.

— Галина? Организуй нам чай по-русски, от души. Моего чаю! Из синей коробки! И печенья того. А мне стаканчик молока.

Галина знала, что это за «чай по-русски».

Она поставила синюю коробку на поддон, туда же стакан фермерского молока, специально японские чашки с блюдцами и старинные ложечки, серебряную сахарницу с гербами, такой же молочник из сервиза. Вошла с чаем, все как мадам учила, на тележке, все шикарно, хозяйка сама привезла из Италии сервиз, из города Пенне.

Салфетки льняные, настоящие вологодские. Это Кустодиев уже покупала в Туле, в магазине сувениров.

А хозяин сказал этим двум ребятам:

— И мобильные телефоны дайте.

— А зачем?

— Я сказал!

— Не... Не можем мы мобильные отдать. Мало ли.

— Ну лады. Галина?

Она как раз все поставила на столик.

— Иди-ка.

А Галина аккуратно спустилась, не производя шума, через черный ход на задворки дома, за кустами встала на четвереньки и пролезла в свою продушину, где осела коленями на подушку.

Этот схрон, Галина уже поняла, специально был задуман кем-то из предыдущих владельцев — очень

уж хорошо было слышно то, что происходило в спальнях, в санитарных зонах и в столовой. Ни подсобки, ни кухня в зону слежки не входили.

Поскольку в настоящий период жильцов было всего двое, спален две, то Кустодиев на ночь могла сколько угодно слушать все их переговоры по телефону, но мадам говорила не по-русски, а хозяин громко выражался только матом, а по делу говорил очень тихо и закрыв рот.

Только однажды хозяин по телефону не стал таиться, а так начал вопить, что стоявшая в кухне Кустодиев все слышала.

Он получил гражданство, вот что.

— Ты что,, совсем оглох? Я гражданство тут получил,! Чё? Гражданство,! Знал бы ты, сколько (дальше пошел шепот), но это сугубо между нами. Теперь, она ни ... не получит,, со своим выродком,! Только мой родной сын имеет право! Только,, он! Да она раньше меня коней двинет, ха-ха-ха, у меня есть человечек один (шепот). Я еще двоих потом нашел через друзей, вызвал, так они этого так поливали, что я понял: это знак компетент... компетентции, ну, что он больше их всех сечет в нашем этом проекте. Я и с Хандии тут такого же вызывал, но он все понял и сразу слился. И я не могу никуда отсюда ни шагу, эти мои Интерпол подключили. Да мне и тут неплохо. Березки не снятся. Я сам с Краснодара, там это не растет ни ...! Я завещание не буду оставлять, так или сяк все пойдет сыну. А не ей. Если она не за это время. Сергею моему Сергеевичу

пойдет, которого я с пеленок растил без матери, она умерла, я ночей не спал... А мне не верится, блин, в эти генетические... .. анализы якобы, со щеки ваткой снимут, это что? Только кровь скажет правду. Надо взять кровь, и тогда.

Но тот разговор был еще давно, и Галина тогда стала строить далекие планы, сколько они с Колей заработают еще за десять лет.

И вот теперь все шорохи и голоса в гостиной из своего тайника Кустодиев слушала очень внимательно.

Тихо. Пьют чай.

Сейчас, через несколько минут, будет нечто.

Так. Грохот, потом еще грохот.

Оба упали. Оба парня напились этого снотворного.

— Коль! (Хозяин по телефону мужу, тихо.)

Зайди-ка. А нож острый остался? Ну перочинный. Как это нет? Так. Ну все равно, зайди. Я же тебе еще в Москве покупал, чтобы он в машине у тебя был... Ну какой там срок за нож, испугался? Ну ты лох. Ладно. Жду.

Галина тоже ждала.

Затопал, кто-то. Да Коля. Сейчас он его использует и ему подсудное дело устроит. Что делать. Что делать.

— Так, Николай. Иди на кухню, там найди в ящике, у твоего бегемота (видали? Сам бегемот) есть ножик такой острый... Для мяса, что ли. Что стоишь? Что мычишь? Забздел? Так... Хорошо, тут это не здесь надо делать. Несем их на газон. Бери за ноги... Понесли. Тяжелый как слон, моя порода. А по виду худой. И родился худой такой. Маленький был, мать

болела. Родила так и умерла. Я ее жалел, хоть любил другую. О как любил! Все деньги на нее тратил, она не стеснялась. Дай еще в долг, дай на такси.

Дальше было уже не слышно, потопали и ушли.

Коля уже ввязался в это все, добра не будет. Вызывать полицию, его же и арестуют как подельника. И меня заодно. Надо уходить.

Галина сидела окаменев.

Арестуют, посадят, Анджелку приемным родителям отдадут.

А что, я дома была, стирала. Ничего не знаю. Не видела, не слышала.

Надо бежать.

Не тронулась.

А, опять притопали, два тяжелых мужика.

Коля тут закабанел на трехразовом питании да на этом пиве. А я как на каторге, как в кафешке у дороги, от утра и до утра.

Думала она не это, но как-то обида заслонила все.

Готовое питание покупать нам дороговато. На чем все тут хозяйки прохлаждаются, ни одна не готовит, из заморозки пакет да в микроволновку. Или, Римка рассказывала, у них если одинокая живет, вообще холодильник только для воды. Все худые.

Голос хозяина:

— О, тяжелые... Выросли... ..!

Крякнули, зашагали.

Все. У Кольки будет срок.

Надо вылезать, что-то делать, а сил нету.

Оцепенела.

Галина кое-как выбралась из схрона.

Поднялась в гостиную, еле ступая.

Пока дошла, пока выглянула из-за портьеры, там было все видно — внизу, на газоне, на траве, лежали два тела.

Зеленая трава, черные головы, белые майки.

Белые руки, босые ноги вразброс. Как у мертвцов.

А, сняли обувь на входе.

Господи. Господи.

Над ними дурак Коля и хозяин с ножом. Самый большой нож из ее ящика. Для резки мяса. Как раз.

Хозяин протягивает дураку Коле нож, говорит ему что-то. Орет на него.

Коля смотрит в сторону. Трясет башкой своей дурной.

Он уже замазан, нес их, два тела. Уже срок ему светит.

Хозяин орет, показывает на Галину за портьерой.

Галина отбегает, присела за диван, съёжилась.

Коля топает по гостиной, чем-то стучит, брякнуло стекло.

Выходит.

Галина вернулась, стоит за портьерой, смотрит, надо все знать.

Коля протягивает хозяину три рюмки.

Хозяин орет, снова показывает на Галину. Ну, на окна гостиной.

Опять перепрятушки, Галина свернулась в ком за диваном, Коля прошел, стукнул, брякнул, зазвенел стеклом, снова прогрохотал вниз, Кустодиев вскочила, стоит на своем посту за портьерой.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коля протягивает хозяину три рюмки — красную, синюю и белую.

Хозяин кивнул, берет рюмки, ставит их в траву. Зачем?

Протягивает Кольке нож.

Колька тупо качает головой, смотрит в другую сторону. Перекрестился? Это что?

От хозяина несется мат, это видно, ртом как что-то твердое жует.

И плюнул, склонился над одним парнем, ничего не видно Галине, только хозяйская спина, он что-то мелкое делает, локоть с ножом почти что не шевелится.

Парню колет палец.

Схватил белую рюмку, прислонил куда-то, старается, напрягся весь.

Похоже. Порезал парня, кровь доит?

Коля посмотрел в ту сторону да и рухнул.

Упал без сознания.

Значит, там и правда то самое.

Коля говорил, что когда у него кровь в армии брала, он отворачивался, а то бы потерял сознание, как в военкомате. Когда он рухнул там при виде кровянки, его врачи военкомата в стройбат определили как больного на голову.

Хозяин затряс своей бритой башкой.

Видно, мало что получается.

Махнул рукой с ножом, как будто решился.

Взял руку того мальчишки, вытянул ее вбок (Галине все стало хорошо видно), полоснул по сгибу, тут же прислонил рюмку.

Наполнил ее, переполз на коленях к другому парню, взял синюю рюмку, опять так же двинул ножом.

А Кустодиев уже мчалась к своему дому, набирая на телефоне номер полиции.

Набрала, сказала адрес, крикнула «Убили тут!» и отключила телефон.

Вытащила из ящика пипикалку от калитки.

Схватила велосипед, побежала с ним что есть мочи к воротам.

Открыла калитку.

И тут какая-то мелкая старушка стала протискиваться мимо нее и велосипеда на территорию.

На запретную территорию хозяйской виллы.

Кустодиев могучей дланью схватила бабку за шиворот пиджака.

Другой пятерней Кустодиев, однако, крепкой хваткой держала руль велосипеда.

Поэтому у нее получился промах, старушкин пиджак оказался в руке, другая-то рука была занята велосипедом, хотя он и был подперт ее сильным коленом.

А старушка без пиджака, в белой майке, уже скакала к дому.

Галина в сердцах выругалась по-тульски, длинно и с загибонами.

Заботливо положила дорогой велосипед на дорожку и было рванула за бабкой, но!

Как будто бы эти дежурили тут же за поворотом, полицейская машина завывла своей сиреной у калитки.

Галина повернула обратно, пипикалкой открыла ворота.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И, мигом поднявши велосипед, забралась на него и поехала впереди полиции, показывая рукой направление.

Ну просто как свобода на баррикадах Делакруа (Кустодиев изучила все хозяйские книги по искусству, ища таких же, как она сама. Их было пруд пруди, вот как у Рубенса или эта у Делакруа с сиськами).

И это ведь по ее звонку приехала полиция!

Галина уже заготовила свою речь.

Как по-монтегаски сказать «Это моя была затея? Мысль? Идея? Вам позвонить».

И что я боялась хозяина с ножом, мог убить, если вмешешься.

Только бы Колька-дурак не очнулся раньше времени!

Галина опять выругалась, все равно те сидят в машине и вообще ни хрена не понимают по-русски.

Когда полиция высыпала из машин (их было две, а сзади еще и приткнулась «скорая помощь»), из которой тоже вылезали врачи и санитары с носилками), картина на газоне была жуткая.

Убийца с ножом в руке стоял на коленях, облитый кровью, над тремя трупами.

Окровавленный убийца!

Затрещали фотоаппараты.

Журналисты-то откуда?

И стояла на коленях, прижав голову к сердцу одного трупа, какая-то маленькая старушка, тоже в запачканной кровью майке.

Она подняла голову и стала трясти кулаком в сторону убийцы с ножом.

И кричала на понятном языке.

Кричала она, кстати (Кустодиев сразу перевела репортерам, которые протягивали ей свои камеры), вот что:

— Сердца работают! Не успел, скотина! Гадина проклятая!

Полиция работала быстро, человеку с ножом и старушке были надеты наручники.

Хотели и на Кустодиева, но она вытянула свой телефончик «Нокиа» вперед и заорала: «Это я вызвала полицию!»

А потом, уже тише, сказала репортерам, взбив прическу, поднявши брови и выпятив губы (как будто они накачаные, но это была только мечта):

— Эта старушка (по-монтегаскски «немолодая дама») только что прибежала! Она не виноватая!

Они все снимали.

— Я тут работаю садовником. Это мой убитый муж, он был шофером.

Она подошла к нему, встала на колени, склонилась над трупом, готовая зарыдать.

Убитый муж в это время открыл глаза и приподнял голову, Кустодиев ему тихо сказала матом «Лежи уж, глаза закрой, дурак!», он вернулся в исходное положение и зажмурился.

Подняли и повели в машину обалдевшего, в окровавленной майке хозяина.

Нашли и долго снимали орудие убийства, огромный страшный нож, потом его упаковали в пленку и унесли.

Врачи хлопотали над тремя телами.

Медикам предстояло долго удивляться, потому что все усопшие выдали прекрасные кардиограммы, а один даже открыл глаза и помахал с носилок репортерам телевидения.

— Дурак! — закричала ему на иностранном языке прекрасная садовница рубенсовской внешности, вскоре главная героиня всех вечерних репортажей тележурналистов, появившаяся также на фотографиях в каждой утренней газете: та, которая предотвратила смерть!

Убийца не успел зарезать свои жертвы!

Что касается старушки, она спокойно сняла с себя наручники, которые ей были велики (детских наручников полицейские с собой не привезли, да и были ли таковые в Монтегаско, мирной маленькой стране, где каждый ребенок был национальным достоянием).

Она заявила репортерам сначала по-русски, а потом по-монтегаскски:

— Это ошибка! Это мои внуки! Я прилетела из Москвы!

Она говорила очень хорошо, но получалось непонятно.

То есть ясно было, что это монтегаскский язык, но таких слов в нем не существовало.

Галина же сказала представителям печати то же самое, но нормально.

Они все записали, а потом еще и присутствовали на допросе старушки, убийцы и прекрасной садовницы, жены чуть не умершего от ужаса водителя этого убийцы.

И в утренних газетах содержалась еще и история русской гражданки Ланочки, которая усыновила двух внуков, разнояйцевых близнецов, но не родных братьев, вообще не братьев, получалось что так, и прилетела за ними в Монтегаско, боясь последствий их визита к представителю русской мафии, который являлся когда-то отцом одного из близнецов (но не двоих! Какая-то русская генетическая особенность!).

Перед тем как покинуть место преступления, Галина заперла виллу, гараж, свой дом и калитку с воротами.

И геройски, спрятав связку ключей в сумку, уехала давать показания в полиции.

Там она зарыдала, что не успеет, что надо забрать дочь из школы, прежде чем начать говорить.

А если нельзя, то хотя бы сначала надо допросить водителя, отца Анджелы, раз уж он пришел в себя.

Он вообще лежал в обмороке все время преступления.

Вообще ничего не видел и не знает.

И надо быстро освободить его, чтобы он взял Анджелу домой.

Правда, быстро провести допрос не получилось, надо было вызывать официального русско-монтегаскского переводчика.

А он был в государстве один, и в этот период он находился в отпуске в далеком городе Серпухов, где вокруг тайга и бродят белые медведи.

В результате (законы в Монтегаско жесткие) ребенка полицейские взяли в школе, отвезли в детпри-

емник, пустовавший со времен Второй мировой войны — с тем чтобы потом отдать в приемную семью, если мать и отца арестуют.

В детприемнике малышку спросили, что девочка хочет на обед, по ее желанию отвезли бедную малышку в жуткий Макдоналдс (существующий для американских и китайских туристов, аборигены там не появлялись, боясь жира и соли, от чего наступает скорое и неизлечимое ожирение), а потом, тоже по желанию несчастного ребенка, повезли дитя в соседнее государство в Диснейленд, где Анджела оторвалась по полной на аттракционах.

И всюду маленькую красавицу сопровождали репортеры, был даже снят фильм о нищей крошке.

Который прошел по телевидению ночью, и сорок семей наутро изъявили желание взять ее на воспитание, с тем чтобы затем дать ей образование в лучшем университете Европы.

К вечеру этого сумасшедшего дня переводчик прилетел из Серпухова в Монтегаско, отца девочки допросили, оставили в полиции в КПЗ по подозрению в соучастии (принес нож, помог нести тела).

Николай рассказал, что ничего не знал, хозяин велел ему дать тонкий перочинный нож, который хозяин ему купил еще давно.

Еще когда, в Москве!

Там, писали в газетах, где бродят медведи и вечная мерзлота в Кремле!

Николай не дал перочинный ножик, сказал, что он потерял его.

А нож щас еще лежит в бардачке. Можете проверить, я его не дал.

Тогда хозяин велел дать ему большой острый нож.

А в это время уже оба парня лежали на полу в гостиной.

Николай думал, что они переутомились после самолета.

Такое бывало с гостями хозяина, прилетят, пообедают с ним, выпьют чаю из синей коробки и потом лежат, как бы спят.

И надо их везти в отель и нести в номер, бывают очень тяжелые, одному не уволочь, и часто в отеле тамошние слуги помогали вынести гостей из машины.

Можете у них даже проверить, они подтвердят. По центнеру с лишним бывают гости.

Или какой-то у хозяина есть снотворный чай, тот, в синей коробке, который сразу валит с копыт (переводчик заменил «копыта» на «каблуки»).

И у спящих хозяин завсегда («постоянно» в переводе) вынимал и проверял их телефоны, списывал номера и имена.

И водитель подумал, что все будет как завсегда («как правило, как обычно» в переводе).

И водитель подумал, что унести из дома ребят на газон надо было, чтобы на свежий воздух. Им бы стало лучше.

Это снотворное на полсутков.

А потом, когда водитель увидел, что хозяин стал творить и пошла кровь, он уже после ничего не помнит.

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

От вида крови его мутит, и он теряет сознание, еще в военкомате это узнали.

«Военкомат» переводчик заменил на «Военный штаб».

Почему его и взяли в стройбат (непереводимо, решил приехавший из Серпухова сотрудник и опустил эту фразу).

Водителя после допроса пока что задержали в КПЗ.

Детектор лжи новейшего образца (с тремя простыми лампочками — «ложь», «правда» и «полуправда») зажег лампочку «правда».

Галина же на допросе расплакалась и раскололась и насчет того, что с ней устроил преступник, и была поднята та история со спермой, и были взяты новые анализы.

Лампочка «правда» зажглась и тут.

Хозяина Галины допросили после нее и после его водителя.

Серпуховский переводчик, который был немного не в форме, прилетев из тайги, где питаются только русской водкой, опуская непереводимый мат преступника, излагал как мог следующую историю:

— Я! Хотел взять анализ крови! Чтобы знать, ху из ху (этот английский оборот переводчик дал в оригинале). Кто из них мой сын! Почему их двое, мне непонятно вообще! Как они двое приехали! Я посылаю одно приглашение, но два раза! И все! А не знал, как берут анализ! Берут кровь! Мой водитель это мне посоветовал и мне принес этот нож! И для этого предложил отнести парней на газон! И отнес сам!

И им порезал вены! И тогда упал! (Серпуховский переводчик заколебался и, не найдя нужного слова, брякнул «импотент».) (Следователи сохранили невозмутимое выражение лиц, но как-то дружно дернулись. Значит, тут еще дело шло о сексе с этими лежащими мальчиками?) А я собирал кровь! Только собирал! Чтобы отдать на анализ! Поэтому был в крови! Я не доверяю этим палочкам с ваткой, которыми делают генетический анализ. Только кровь скажет правду.

Детектор лжи высветил лампочку «ложь».

После допроса русскоязычному гражданину Монтегаско выдали постельное белье, пижаму, такую же шапочку, тапки (все полосатое) и картонку с данными вай-фая.

И проводили в двухкомнатную камеру.

Но вскоре у арестованного был следующий допрос, по второму делу, где фигурировали данные по поводу Галины.

Его привели уже в полной форме, во всем полосатом, после традиционного тюремного пятчасового чая (Монтегаско находится под юрисдикцией английской королевы.)

Арестованный дал показания:

— Она сама меня пригласила к себе в дом, который я же им и дал, другие слуги снимают халупу (отдельный шалаш, сказал переводчик) в пригороде, этим я все предоставил! А потом, когда я начал уже от нее уходить, не заплатил ей денег, а что. Это по ее желанию я ее ... (в переводе «ей сделал нечто не совсем приличное»). То тогда она выдрала у себя из

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

головы волосы, стукнулась головой об пол и начала угрожать, чтобы я ей дал деньги и квартиру. Я отказался и ушел. Тогда она и вызвала полицию.

Детектор лжи зажег лампочку «ложь».

Несчастной, униженной и оправданной Галине дали полицейскую машину и с эскортом мотоциклистов ее, дочь и мужа сопровождали на ночлег в самый дорогой отель Монтегаско (называемый местными «Общага Эмиратов»), все за счет президента.

Это событие попало в местные теленовости и во все вечерние газеты (две).

Понятно.

Вскоре предстояли выборы.

Из России прилетела Алина, ее автомобиль сопровождал эскорт полицейских на мотоциклах и кавалькада журналистских машин.

В государстве так давно ничего подобного не происходило!

Жертвы русской мафии!

Неродные близнецы с одинаковыми паспортными данными!

Подмена младенцев, преступление века!

Алину допросили, затем их всех — очнувшихся Серж, Ланочку (которая, чтобы не волноваться о Графе, оставила его на попечение непьющей подружки, Стручка, с указанием не пускать никаких баб с вином и тортом), а также саму Алину, мать семейства, — их поместили в тот же отель, где уже находилась семья водителя Николая и где в вестибюле стояли группами и беседовали бородатые брюнеты в бе-

лых платьях в пол и в белых косынках с обручами на голове.

И в швейцарских часах с бриллиантовыми браслетами.

Дальнейшее покажет будущее, как остроумно выразился один оратор.

Во всяком случае, депортацию на родину, в Россию, многие в Монтегаско считали слишком жестоким наказанием, равным смертной казни.

Белые медведи на улицах, ГУЛАГ в центре Москвы на Лубянке, вечная мерзлота, КГБ повсюду, начиная с самого верха!

Которая казнь автоматически приводила бы к унаследованию капитала и имущества детьми преступника.

Которых было двое, один родной, второй фактически усыновленный.

Но ху из ху, выяснять не стали.

Чтобы не травмировать психику несовершеннолетних и по их просьбе.

Однако возникло еще одно затруднение — жена водителя Николая при осмотре врачей оказалась беременной, что влечет за собой дальнейшие исследования, чей это ребенок. Если он потомок гражданина Монтегаско, то этот ребенок объявляется гражданином Монтегаско со всеми правами гражданина Монтегаско. Мало того, по недавно принятому закону этот несовершеннолетний гражданин государства не может быть отторгнут от биологической матери,

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

которая тоже становится гражданкой государства. Но это если она доказала данное право своим безупречным поведением (далее следовало перечисление всех грехов, указанных в Библии и в уголовном кодексе страны, с добавлением такого греха, как круглосуточное пребывание в Инстаграмме со съемками своего малыша!).

И да здравствует королева!

Москва — Таруса — Аругамбей

Содержание

1. XXI век. Отъезд мальчиков	5
2. XX век. Что напишут историки	6
3. XXI век. Приезд в Монтегаско	7
4. XX–XXI век. История Коли	12
5. Кустодиев	25
6. История Маши и Сергея Серцова.....	46
7. История Тамары и Валеры	49
8. История рождения Маши	62
9. Любовь Маши	66
10. История Алины	74
11. Дальнейшая история Сергея Серцова	84
12. Продолжение истории Алины	91
13. История Киркорян.....	98
14. Алина. Продолжение	102
15. Киркорян. Разговор с мужем	104
16. Алина. Смерть младенца.....	106
17. Смотрины в роддоме.....	108
18. Алина. Заочное сватовство	113
19. Сватовство Серцова	117
20. История Тамары Геннадиевны	119
21. Подготовка к родам Киркорян	122
22. Тамара Геннадиевна выходит на тропу войны	126

НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

23. История манто Киркорян	129
23. Тамара Геннадиевна и санитарка	132
24. Сергей забирает Алину с ребенком	134
25. Сергей и Лариска	138
26. Сергей и Алина. Семейная жизнь	140
27. Тамара Геннадиевна и Зоха	147
28. Алина и Фаина	152
29. Алина воровка	160
30. Тамара Геннадиевна и Сергей	163
31. Ребенок Сережа-Вася	170
32. Киднеппинг (продолжение)	175
33. У Киркорянов после родов	176
34. Знакомство с Мишулис	183
35. Коляска	189
36. Ребенок Тамары Геннадиевны	190
37. Прогулка навеки	195
38. Алина. Три года за рубежом	198
39. Россия встречает Алину	219
40. Человек по фамилии Шапочкин	224
41. Ланочка выходит на тропу войны	230
42. Ланочка ждет послания от Графа	240
43. XX век. Ланочка и Граф	244
44. Граф в Москве	252
45. Соседняя квартира	259
46. Новая семья Алины	272
47. Угрозы	276
48. Жизнь после жизни	280
49. Комитет наших женщин	286
50. Страшный звонок	288
51. Николай: гости в Монтегаско	294
52. Кустодиев подслушивает	296

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Петрушевская Людмила Стефановна
НАС УКРАЛИ. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *О. Лифинцева*
Младший редактор *М. Мамонтова*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *Е. Джелилова*
Корректор *Е. Будаева*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

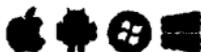
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.10.2017. Формат 80x100^{1/32}.
Гарнитура «Арго Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,81.

Тираж 9000 экз. Заказ 3697.

Отпечатано в ООО «Тюльская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЛитРес:
Один клик — это шаг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.
Нижегород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

**Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru**

**Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).**

**Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru**

**Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.**

**Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.**

**Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42.**

**Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д.24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.**

**Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябьевская, 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98.**

**Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).**

**Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014,
Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet».
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.**

**Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийского, 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).**

**Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул.Вербовая, 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com**

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-801, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

BOOK24.RU

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

BOOK24.RU

ISBN 978-5-04-090046-6

9 785040 900466 >

Людмила Петрушевская пишет, как она выражается, всё – и добавляет: «Кроме доносов». Изобретает новый язык и сочиняет на нем цикл сказок. Выступает с концертами как певица, автор и композитор, устраивает выставки своих работ и за все это получает премии: Государственную премию, независимую премию «Триумф»,

театральную «Станиславский», премии Бунина, Гоголя, Довлатова, немецкую «Pushkinpreis», американскую «World Fantastik Award», русско-итальянскую «Москва-Пенне» и др.

Людмила Петрушевская – академик Баварской академии искусств.

Роман «Нас украли. История преступлений» – это детектив нового поколения. В нем не действуют честные, умные следователи, класс, практически исчезнувший у нас. Это та история, в которой жертвы не хотят расследования, и тому есть причина. А вот что это за причина, читатели сами поймут к концу романа: ведь в каждом из нас сидит следователь, благородный, умный, не берущий взятки, стремящийся к истине и понимающий, что на свете есть такая странная вещь как любовь. Ваша Л.С.

ISBN 978-5-04-090046-6

9 785040 900466 >

